

Новые вызовы неопределенности

МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ
17– 18 СЕНТЯБРЯ 2020 ГОДА

НОВОСИБИРСК
2020

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ МЕДИЦИНЫ И ПСИХОЛОГИИ В. ЗЕЛЬМАНА

НОВЫЕ ВЫЗОВЫ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

17–18 сентября 2020 г.

Новосибирск
2020

УДК 159.923
ББК Ю93я431
Н72

Редакционная коллегия
канд. психол. наук О. Н. Первушина (отв. редактор)
канд. психол. наук А. А. Фёдоров
М. В. Злобина

Н72 Новые вызовы неопределенности : Материалы Всеросс. науч.-
практ. конф. / Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск : ИПЦ НГУ, 2020. – 132 с.

ISBN 978-5-4437-1116-4

В сборник включены статьи участников конференции «Новые вызовы неопределенности»: ученых, преподавателей и практиков из разных городов России. В статьях отражены результаты современных теоретических и эмпирических исследований в различных областях психологии.

Предназначен для студентов, преподавателей и научных работников, специализирующихся в области психологии.

УДК 159.923
ББК Ю93я431

ISBN 978-5-4437-1116-4

© Новосибирский государственный
университет, 2020

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

NOVOSIBIRSK STATE UNIVERSITY
V. ZELMAN INSTITUTE FOR THE MEDICINE
AND PSYCHOLOGY

NEW CHALLENGES OF UNCERTAINTY

PROCEEDINGS
OF THE ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC AND PRACTICAL
CONFERENCE

September, 17–18, 2020

Novosibirsk
2020

UDC 159.923
BBC Ю93я431

New challenges of uncertainty: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference / Novosibirsk State University. – Novosibirsk, Russian Federation, 2020. – 132 p.

ISBN 978-5-4437-1116-4

The proceedings include articles of participants of the conference “New challenges of uncertainty”: scientists, academics and practitioners from different cities of Russia. The articles reflect the results of contemporary theoretical and empirical studies in different fields of psychology.

UDC 159.923
BBC Ю93я431

ISBN 978-5-4437-1116-4

© Novosibirsk State University, 2020

Содержание

<i>Акиндинова И. А., Никишина В. А.</i> Осмысленность и качество жизни жителей Северо-Западного региона в период распространения COVID-19	11
<i>Алёхин А. Н., Беляева С. И., Данилова Ю. Ю., Неберекутина Э. А.</i> Особенности восприятия человеком угрозы заражения в ситуации пандемии COVID-19	14
<i>Воронцова О. Ю., Медведева Т. И., Бойко О. М., Ениколопов С. Н., Казьмина О. Ю., Логинова И. О., Петрова А. И.</i> Гендерные различия в восприятии будущего во время пандемии COVID-19	17
<i>Воскресенская Н. Г.</i> Формирование цифровых компетенций как ключевая задача вузов транзитивного общества	23
<i>Дорошева Е. А.</i> Роль родителей в развитии системы регуляции эмоций ребенка в случаях его нормотипического развития и при расстройствах аутистического спектра	26
<i>Затримайлов К. В.</i> Неопределённость в физических процессах как первопричина неопределённости в повседневной жизни	29
<i>Затримайлова О. Г., Российская В. И.</i> Эмоциональное выгорание и его взаимосвязь с личностными характеристиками и мотивацией у студентов	32
<i>Злобина М. В.</i> Интолерантность к неопределенности как фактор возникновения тревожных и депрессивных расстройств: обзор зарубежных исследований	35
<i>Зубрихина А. А.</i> Актуализация проблемы неопределённости: современные вызовы и стратегии поведения	38
<i>Зубрихина А. А.</i> Психологическое здоровье и благополучие человека в неопределённом мире	41
<i>Клецков Н. А.</i> Дистанционное образование в условиях пандемии COVID-19	44
<i>Корнилова Т. В.</i> Личностные основания принятия решений о социальном дистанцировании в трех странах (Россия, Азербайджан и Китай)	46
<i>Лавринович Е. В., Лавринович А. Н.</i> Влияние организации персонала на эффективность компании	50

<i>Лазюк И. В.</i> Исследование толерантности к неопределенности у студентов	53
<i>Малков Е. Л.</i> Бедный художник «Х» (икс) – неопределённость в мире актуального искусства	56
<i>Нехорошева Е. В., Касаткина Д. А.</i> Как отвечать на эпидемические кризисы и исследовать здоровье, а не болезнь: ресурс экзистенциальной психологии	60
<i>Нуркова В. В., Гофман А. А.</i> Взгляд в будущее из самоизоляции	64
<i>Первушин Н. С.</i> Нейроразнообразие как парадигма и как контркультура	67
<i>Первушина О. Н., Фёдоров А. А., Дорошева Е. А.</i> Переживание пандемии COVID-19 и толерантность к неопределенности	71
<i>Первушина О. Н., Дулина Н. С.</i> Индивидуальность матери при взаимодействии с ребенком с РАС	75
<i>Пичиков А. А., Саломатина Т. А.</i> Расстройства пищевого поведения в период COVID-19: факторы риска и последствия пандемии	79
<i>Проноза С. В.</i> Школа и учитель: ретроспективный взгляд на перемены	83
<i>Пустовая А. В., Пустовая Е. Н., Гуткевич Е. В.</i> Развитие коммуникативных навыков у детей с расстройствами аутистического спектра с применением метода «личный букварь»	86
<i>Пушкина А. В.</i> Взаимосвязь межличностной привязанности и толерантности к неопределенности	90
<i>Пушкина Т. П.</i> Большой шизофренией в ситуациях выбора	93
<i>Русина С. А.</i> Переживание неопределенности и психологическое благополучие личности	96
<i>Сизикова Т. Э., Стунжа Н. А.</i> Необходимость рефлексии в современных условиях (по работам Л. С. Выготского)	99
<i>Скребатун Е. Р., Киселёва О. В.</i> Представление о детско-родительских отношениях у подростков со склонностью к отклоняющемуся поведению	102
<i>Соколова Е. Т.</i> Неопределенность: культурный, клинический, этический ракурсы	106
<i>Сороков Д. Г., Куликова И. С.</i> Особенности жизнестойкости матерей младших школьников с РАС: факторы защиты и риска	109
<i>Сороков Д. Г., Куликова И. С.</i> Привязанность и копинг матерей младших школьников с РАС: псевдобезопасность стратегий избегания vs «ресурсная поддержка» концепта М. Монтессори	112

<i>Титова В. В.</i> Синдром эмоционального выгорания врачей в условиях пандемии COVID-19	115
<i>Фёдоров А. А.</i> Связь «нормативной постнеклассичности» и конструктивистских убеждений у студентов-психологов	118
<i>Харитонова Е. В.</i> Индивидуальная аномия в условиях транзитивного общества	120
<i>Цветкова О. А.</i> Влияние фрустрации базовых потребностей личности на толерантность к неопределенности	124
<i>Шамолин Р. В.</i> COVID-19, Жиль Делёз и Кант: изоляция как продолжение просветительского проекта	127
<i>Causin V.</i> Merging Different Cultures: The Concept of Uncertainty in Forensic Science	130

Contents

<i>Akindinova I. A., Nikishina V. A.</i> Sense and Quality of Life in the Northwestern Region During Covid-19 Prevalence	11
<i>Alekhin A. N., Belyaeva S. I., Danilova Yu. Yu., Neberekutina E. A.</i> Features of Human Perception of Risk of Infection in a Covid-19 Pandemic Situation	14
<i>Vorontsova O. U., Medvedeva T. I., Boyko O. M., Enikolopov S. N., Kazmina O. U., Loginova I. O., Petrova A. I.</i> Gender Differences in Perception of the Future During the Covid-19 Pandemic	17
<i>Voskresenskaya N. G.</i> Formation of Digital Competencies as a Key Task of Universities in a Transitive Society	23
<i>Dorosheva E. A.</i> The Role of Parents in the Development of the Child's Emotional Regulation System in Cases of Its Regulatory Development and in Autism Spectrum Disorders	26
<i>Zatrimaylov K. V.</i> Uncertainty in Physical Systems as the Root Cause of Uncertainty in Everyday Life	29
<i>Zatrimaylova O. G., Rossiiskaya V. I.</i> The Relationship Between Academic Burnout, the Big Five Personality Traits and Learning Motivation	32
<i>Zlobina M. V.</i> Intolerance to Uncertainty as a Factor in the Development of Anxiety and Depressive Disorders: A Review of Foreign Studies	35
<i>Zubrikhina A. A.</i> Actualization of the Problem of Indeterminacy: Contemporary Issues and Behavioral Strategies	38
<i>Zubrikhina A. A.</i> Mental Health and Wellness of Human in the Indeterminacy	41
<i>Kletskov N. A.</i> Distance Education in the Covid-19 Pandemic	44
<i>Kornilova T. V.</i> Personal Basis for Social Distancing Decision-Making in Three Countries (Russia, Azerbaijan, and China)	46
<i>Lavrinovich E. V., Lavrinovich A. N.</i> The Impact of Staff Organization on the Company's Performance	50

<i>Lazyuk I. V.</i> The Study of Tolerance to Uncertainty in Students	53
<i>Malkov E. L.</i> Poor Artist “X” – Uncertainty in the World of Actual Art	56
<i>Nekhorosheva E. V., Kasatkina D. A.</i> How to Respond to the Healthcare Crisis and Study Wellbeing, Not the Disfunctions: An Existential Psychology Resource	60
<i>Nourkova V. V., Gofman A. A.</i> Looking at the Future through the Lens of Self-Isolation	64
<i>Pervushin N. S.</i> Neurodiversity as a Paradigm and as a Counterculture	67
<i>Pervushina O. N., Fedorov A. A., Dorosheva E. A.</i> The Experience of the COVID-19 Pandemic and Tolerance to Uncertainty	71
<i>Pervushina O. N., Dulina N. S.</i> Individuality of the Mother in Interaction with a Child with ASD	75
<i>Pichikov A. A., Salomatina T. A.</i> Eating Disorders during COVID-19: Risk Factors and Consequences of the Pandemic	79
<i>Pronoza S. V.</i> School and Teacher: A Retrospective Sight at Changes	83
<i>Pustovaya A. V., Pustovaya E. N., Gutkevich E. V.</i> Development of Communication Skills in Children with Autism Spectrum Disorders Using a “Personal Abc” Method	86
<i>Pushkina A. V.</i> The Relationship between Interpersonal Affection and Tolerance to Uncertainty	90
<i>Pushkina T. P.</i> A Schizophrenic Patient in Situation of Choice	93
<i>Rusina S. A.</i> The Experience of Uncertainty and Psychological Well-Being of the Personality	96
<i>Sizikova T. E., Stunzha N. A.</i> The Need for Reflection in Modern Conditions (According to the Works of L. S. Vygotsky)	99
<i>Skrebatun E. R., Kiseleva O. V.</i> Perception of Child-Parental Relationship in Adolescents with a Tendency to Deviate Behavior	102
<i>Sokolova E. T.</i> Uncertainty: Cultural, Clinical, Ethic Perspectives	106
<i>Sorokov D. G., Kulikova I. S.</i> Characteristics of Hardiness of Mothers of Younger School Children with ASD: Protective and Risk Factors	109
<i>Sorokov D. G., Kulikova I. S.</i> Attachment and Coping of Mothers of Younger School Children With ASD: Safety of Avoidance Strategies vs “Resource Support” Concept of M. Montessori	112

<i>Titova V. V.</i> Emotional Burnout Syndrome of Doctors in Conditions of COVID-19 Pandemic	115
<i>Fedorov A. A.</i> The Relationship between “Normative Post-Nonclassicality” and Constructivist Assumptions in Students of Psychology	118
<i>Kharitonova E. V.</i> Individual Anomie in a Transitive Society	120
<i>Tsvetkova O. A.</i> Influence of Basic Needs Frustration of a Person on Tolerance to Uncertainty	124
<i>Shamolin R. V.</i> COVID-19, Gilles Deleuze and Kant: Isolation as a Continuation of the Enlightenment Project	127
<i>Causin V.</i> Merging Different Cultures: The Concept of Uncertainty in Forensic Science	130

Осмысленность и качество жизни жителей Северо-Западного региона в период распространения COVID-19

И. А. Акиндинова, В. А. Никишина

*Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России
Санкт-Петербург, Россия
akiira@mail.ru*

Sense and Quality of Life in the Northwestern Region During Covid-19 Prevalence

I. A. Akindinova, V. A. Nikishina

*St. Petersburg University of State Fire Service of Emercom of Russia
St. Petersburg, Russian Federation
akiira@mail.ru*

Проблема психического здоровья и психологического благополучия в обществе обостряется в моменты социальных потрясений, к которым можно отнести период распространения COVID-19. Исследования, представленные в печати, рассматривают преимущественно вопросы эмоциональных реакций и восприятия ситуации [1–3]. Опасность заражения COVID-19, создавая витальную угрозу для человека и его ближайшего окружения, не могла не затронуть качество жизни и основные экзистенциальные данности человека, среди которых осмысленность жизни занимает важное место.

Организация и методы исследования. Были задействованы 49 человек из числа жителей Северо-Западного региона, среди них 21 житель Санкт-Петербурга и 28 жителей Выборга, 14 мужчин и 35 женщин, преимущественно работающие в коммерческих организациях, возраст 21–57 лет, средний возраст 31 год, большая часть имеет высшее образование. Были использованы следующие методики: опросник «Смысложизненные ориентации» (СЖО); краткая форма опросника самоактуализации Шострома «Личностная ориентация», разработанная Джоунс и Крэндалл (СА); краткая версия опросника «Качество жизни» Всемирной организации здравоохранения (ВОЗКЖ-26); авторская анкета «Восприятие ситуации, связанной с распространением нового коронавируса». Формой исследования являлся онлайн опрос, проведенный на пятой неделе самоизоляции (в период с 3 по 5 мая 2020 г.).

Полученные результаты. В сравнении с нормативными показателями [4] мы можем видеть средние значения осмысленности по всем шкалам опросника СЖО.

Все показатели субъективного качества жизни (ВОЗКЖ26) – его общий уровень, ощущение физического и психологического благополучия, самооценка, удовлетворенность взаимоотношениями и характеристиками окружающей среды – проявили положительные взаимосвязи с параметрами осмысленности жизни (СЖО) на 0,01 и 1 % уровне значимости.

Самое высокое значение коэффициента корреляции Пирсона ($r = 0,72$) у общей осмысленности жизни (СЖО) выявилось с показателем «самовосприятие» (ВОЗКЖ26), который подразумевает *общую самооценку*, включая удовлетворенность своими внешними качествами, когнитивными возможностями, эмоциональным состоянием, а также наличие смысла жизни. Показатель «самовосприятие» имеет связи на 0,01 % уровне со всеми шкалами опросника СЖО, и связь на 1 % уровне с показателем самоактуализации.

Наименее значимым в системе корреляций СЖО, СА и ВОЗКЖ26 оказался показатель микросоциальной поддержки (по ВОЗКЖ26), содержащий *оценку близких отношений* (личных, интимных и дружеских). При наличии средних и слабых связей с общей осмысленностью и ее компонентами (наличие целей, эмоциональная насыщенность, результативность и управляемость жизни) он оказался не связан с уровнем самооценки (локус контроля-Я) и уровнем самоактуализации личности, которую мы понимаем как проявление психологического здоровья и благополучия.

Рассмотрим взаимосвязи показателей осмысленности и субъективного качества жизни с *реакциями на пандемию и режим самоизоляции*.

На момент исследования (пятая неделя режима самоизоляции) более половины опрошенных (53 %) воспринимали ситуацию угрозы заражения новым коронавирусом как виртуальную (нереальную). Большая часть отрицающих угрозу заражения – жители менее населенного города (31 % из Выборга, 22 % из Санкт-Петербурга). Эти данные отличаются от картины, полученной в первую и четвертую недели самоизоляции на выборке 781 и 142 человека из различных регионов России, где отрицали реальность угрозы 18–20 % опрошенных.

С представлением о реальности угрозы заражения COVID-19 на 5 % уровне значимости связан уровень актуальной тревоги (в момент исследования) и на 1 % уровне уровень ситуативной тревоги (в период самоизоляции). Показатели субъективной оценки личностной тревоги (обычного уровня беспокойства) не показали взаимосвязи с представлением о реальности угрозы заражения.

Также с представлением о реальности угрозы и уровнем тревоги прямо связано соблюдение мер безопасности ($r = 0,47$) – более расположены к их соблюдению те, кто считает угрозу заражения реальной и больше тревожится в связи с этим.

Женщины чаще мужчин заявляют о наличии актуальной тревоги (на момент обследования) и личностной. А в уровне ситуативной тревоги (на протяжении периода самоизоляции) половых различий не выявлено.

В целом уровень тревоги по субъективной оценке невысокий, при шкале от 1 до 10 средние таковы: актуальная – 2,39; ситуативная – 4,53; личностная – 3,31.

Тревога как реакция на пандемию и ситуацию обследования показала сильные и очень сильные отрицательные связи с показателями СЖО. Это означает, что осмысленность жизни, включая все ее компоненты, может выступать ресурсом, защищающим человека от беспокойства в ситуации самоизоляции. Одновременно тревога как реакция на неопределенность может снижать уровень осмысленности, ослабляя целеустремленность, эмоциональную наполненность, результативность и управляемость жизни.

То же касается связи тревоги с параметрами качества жизни: проявилась отрицательная взаимосвязь на 0,1 и 1 % уровне значимости компонентов тревоги со всеми шкалами ВОЗКЖ26, кроме микросоциального окружения. Актуальная, ситуативная и личностная тревога отрицательно связаны с физическим и психологическим благополучием и самовосприятием. С социальным благополучием связана только личностная тревога.

Социальное благополучие как показатель качества жизни на 5 % уровне значимости отрицательно связано с количеством людей, проживающих во время самоизоляции на одной территории. А наличие семьи (партнерских отношений) положительно коррелирует с показателем микросоциальной поддержки как компонентом качества жизни.

Таким образом, осмысленность жизни можно считать ресурсом, повышающим субъективное качество жизни, и понижающим уровень тревоги в ситуации пандемии и самоизоляции.

Список литературы

1. *Первичко Е. И., Митина О. В., Степанова О. Б. и др.* Восприятие COVID-19 населением России в условиях пандемии 2020 года // Клиническая и специальная психология. 2020. Т. 9, № 2. С. 119–146. DOI 10.17759/crpe.2020090206
2. *Пизова Н. В., Пизов А. В.* Депрессия и посттравматическое стрессовое расстройство при новой коронавирусной инфекции // Лечебное дело. 2020. № 1. С. 82–88. DOI 10.24411/2071-5315-2020-12197
3. *Холодова Ю. Б.* Особенности переживания тревоги в период пандемии covid-19 представителями разных возрастных групп // Международный журнал медицины и психологии. 2020. Т. 3, № 2. С. 114–117.
4. *Леонтьев Д. А.* Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). 2-е изд. М.: Смысл, 2000. 18 с.

Особенности восприятия человеком угрозы заражения в ситуации пандемии COVID-19

А. Н. Алёхин, С. И. Беляева, Ю. Ю. Данилова, Э. А. Неберекутина

*Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
Санкт-Петербург, Россия
kcp_herzen@mail.ru*

Features of Human Perception of Risk of Infection in a Covid-19 Pandemic Situation

A. N. Alekhin, S. I. Belyaeva, Yu. Yu. Danilova, E. A. Neberekutina

*Herzen State Pedagogical University of Russia
St. Petersburg, Russian Federation
kcp_herzen@mail.ru*

Современное общество находится на этапе социальных, экономических и политических преобразований, связанных с появлением тотальной угрозы заражения коронавирусной инфекцией (COVID-19). Любые преобразования сопровождаются ростом социальной напряженности в связи с изменением отношения как к ситуации в целом, так и к отдельным её ключевым компонентам. При этом комплаентность населения, в широком смысле понимаемая как точное и осознанное выполнение рекомендации врача, напрямую зависит от качества сформированного отношения к данной болезни, включающего когнитивный, эмоциональный и поведенческий уровни [1]. Одновременно с этим важно понимать, что это отношение формируется у современного человека в условиях воздействия множественного воздействия виртуальных стимулов информационного пространства.

Целью настоящего исследования явилось изучение восприятия человеком угрозы заражения вирусной инфекцией с вероятным летальным исходом в период ухудшений эпидемиологической ситуации. Для реализации поставленной цели исследовательской группой кафедры клинической психологии и психологической помощи института психологии РГПУ им. А. И. Герцена в период с 21 марта по 4 апреля 2020 г. (начало дистанционного обучения в вузах и объявление в Российской Федерации нерабочих дней) было проведено исследование с использованием ресурса социальной сети ВК, где на «странице» кафедры была размещена опросная форма, предполагающая добровольность и анонимность участия. Использовался клиничко-психологический метод, реализованный с помощью специально разработанного авторского структурированного интервью,

© А. Н. Алёхин, С. И. Беляева, Ю. Ю. Данилова,
Э. А. Неберекутина, 2020

направленного на выявление представлений респондентов о возникновении и профилактике распространения коронавирусной инфекции (COVID-19), а также экспериментально-психологический метод, реализованный с помощью двух тестовых методик (Интегративный тест тревожности (ИТТ) [2], Анкета самооценки состояния (АСС) [3]) и модифицированной проективной методики «Незаконченные предложения».

В исследовании приняли участие 108 респондентов в возрасте от 18 до 68 лет ($M = 34,1 \pm 12,4$), из них 87 % – женщины, 13 % – мужчины.

Анализ представлений о возникновении и профилактике распространения коронавирусной инфекции COVID-19 показал, что самым распространенным способом передачи коронавирусной инфекции исследованные респонденты считали воздушно-капельный способ (67,6 %); контактный способ назвали 31,5 % и 0,9 % сообщили, что не знают ответа на этот вопрос. Наиболее характерными симптомами проявления данной болезни назвали сухость горла и сухой кашель (57,4 %), а также повышение температуры тела до 38 градусов (26,9 %). Не знали о симптомах 1,9 % опрошенных. Временем инкубационного периода при заражении коронавирусной инфекцией 58,3 % респондентов назвали период до 28 дней. Возрастной категорией людей, подверженных наибольшему риску заражения, 98 % респондентов назвали людей пожилого возраста, следовательно, по мнению большинства, именно они особенно нуждаются в физической изоляции от других (потенциально несущих риск заражения) людей. Из всех способов профилактики заболевания коронавирусной инфекцией COVID-19 как основных были названы два: тщательное мытьё рук и избегание большого скопления людей (63,9 %), а также полная социальная изоляция (33,3 %).

Рассматривая когнитивный, эмоциональный и поведенческий уровни отношения к коронавирусной инфекции COVID-19 было определено следующее. Участники исследования полагали, что имеющаяся на тот момент информация преувеличена или недостоверна (31,5 %), не является главной проблемой (18,5 %). При этом 12 % считали, что принимаемые меры недостаточны, а государство не справляется со сложившейся ситуацией. Изучение эмоционального уровня показало, что доминирующими являются переживание страха и тревоги (44,4 %), а также злости и раздражения (21,3 %), что на поведенческом уровне влечет за собой потребность «защитить себя и своих близких» (45,3 %) или устранить из сознания тревожащую информацию – «не думать», «выключить телевизор» (31,4 %).

Анализ эмоционального состояния исследуемых респондентов показал повышение уровня общей тревожности до верхней границы нормы (6 станайнов). Сопоставление структурных компонентов тревожности по половому признаку обнаружило, что в женской выборке показатель «Тревожная оценка перспектив» достигает высокого уровня (7 станайнов)

и значимо выше ($p < 0,05$), чем у мужчин (5 станайнов). Самооценка состояния здоровья выявила наличие у большей части обследуемых жалоб на состояние сонливости (53,7 %), головные боли (44,4 %), мышечную слабость (26,9 %), учащенное сердцебиение (25 %) и нарушения пищеварительной системы (25 %).

Таким образом, уже в начале объявленного «периода карантина» у части населения средствами коммуникации было сформировано представление о коронавирусной инфекции COVID-19 как болезни, требующей физического дистанцирования в социальной среде или полного изолирования. При этом треть опрошенных не доверяет имеющейся информации, что влечет за собой переживание тревожной неопределенности, дестабилизацию эмоционального и соматического состояния в целом.

Список литературы

1. *Иовлев Б. В., Карпова Э. Б.* Психология отношений. Концепция В. Н. Мясищева и медицинская психология. СПб.: Сенсор, 1999. 76 с.
2. *Бизюк А. П., Вассерман Л. И., Иовлев Б. В.* Применение интегративного теста тревожности (ИТТ): методические рекомендации. СПб.: НИПНИ им. В. М. Бехтерева, 2004. 16 с. 2
3. Практикум по психологии здоровья / Под ред. Г. С. Никифорова. СПб.: Питер, 2005. 351 с.

Гендерные различия в восприятии будущего во время пандемии COVID-19

О. Ю. Воронцова¹, Т. И. Медведева¹, О. М. Бойко¹
С. Н. Ениколопов¹, О. Ю. Казьмина¹
И. О. Логинова², А. И. Петрова³

¹ ФГБНУ Научный центр психического здоровья
Москва, Россия

² КрасГМУ им. В. Ф. Войно-Ясенского
Красноярск, Россия

³ КГБУЗ ККБ № 2
Хабаровск, Россия

olga.m.boyko@gmail.com

Gender Differences in Perception of the Future During the Covid-19 Pandemic

O. U. Vorontsova¹, T. I. Medvedeva¹, O. M. Boyko¹, S. N. Enikolopov¹
O. U. Kazmina¹, I. O. Loginova², A. I. Petrova³

¹ FSBSI Mental Health Research Center
Moscow, Russian Federation

² Krasnoyarsk State Medical University
Krasnoyarsk, Russian Federation

³ Regional Clinical Hospital № 2
Khabarovsk, Russian Federation

olga.m.boyko@gmail.com

Пандемия COVID-19 и противозидемические меры, связанные с ней, влекут за собой существенные изменения в привычном образе жизни, что значительно повышает уровень стресса у населения и может иметь негативные отсроченные последствия [1; 2]. Пребывание в состоянии неопределенности и неизвестности само по себе является потенциально стрессовым фактором, его стрессогенность возрастает в зависимости от субъективной негативной оценки перспектив [3].

Целью исследования стало изучение гендерных различий в восприятии будущего во время пандемии COVID-19.

Материалы и методы

Материалом для исследования стали данные анонимного интернет-опроса, проведенного с 22 марта по 22 июня 2020 г. с использованием google forms. Опрос включал в себя блок социодемографических вопросов

© О. Ю. Воронцова, Т. И. Медведева, О. М. Бойко, С. Н. Ениколопов,
О. Ю. Казьмина, И. О. Логинова, А. И. Петрова, 2020

и вопрос «есть ли у вас ощущение, что будущее безнадежно». Выбор ответа оценивался по шкале Лайкерта от 0 до 4. Использовались *Симптоматический опросник SCL-90-R*, *Опросник критического мышления «ОКМ97»*, русскоязычная адаптация опросника СТИ. Для статистического анализа использовалась программа SPSS.

В исследовании приняло участие 908 человек.

Результаты

Для оценки динамики психопатологической симптоматики и восприятия будущего были выделены 3 периода, связанные с изменением мер противодействия пандемии в России:

- 22 марта – 30 марта (220 человек) – до введения официальных ограничительных мер;
- 31 марта – 12 мая (495 человек) – режим самоизоляции;
- 12 мая – 22 июня (193 человека) – ослабление и постепенная отмена ограничений.

В выборке преобладали женщины, что тоже может быть объяснено гендерными различиями: женщины охотнее соглашались принять участие в опросе. По остальным параметрам группы были уравнены (табл. 1).

Таблица 1

Социодемографические характеристики групп

	Всего	22.03.2020 – 30.03.2020	31.03.2020 – 12.05.2020	12.05.2020 – 22.06.2020	Различия между груп- пами
	<i>N</i> = 908	<i>N</i> = 220	<i>N</i> = 495	<i>N</i> = 193	
Пол					<i>p</i> = .182
мужчины	138 (15,2 %)	27 (12,3 %)	85 (17,2 %)	26 (13,5 %)	
женщины	770 (84,8 %)	193 (87,7 %)	410 (82,8 %)	167 (86,5 %)	
Возраст	40,848 ± 11,8	40,4 ± 11,3	41,3 ± 12,2	40,8 ± 11,6	<i>p</i> = 0,393
Уровень образования					<i>p</i> = 0,022
среднее	85 (9,4 %)	13 (5,9 %)	45 (9,1 %)	27 (14,0 %)	
высшее	707 (77,9 %)	177 (80,5 %)	380 (76,8 %)	150 (77,7 %)	
науч. степень	116 (12,8 %)	30 (13,6 %)	70 (14,1 %)	16 (8,3 %)	

Во время разгара пандемии восприятие будущего мужчинами и женщинами было одинаково, при снятии ограничений у женщин сохраняется восприятие будущего как безнадежного (рис. 1).

Анализ показал высокий уровень корреляции между восприятием будущего как безнадежного и выраженностью переживаемого стресса (интегральный параметр GSI опросника SCL-90) (рис. 2).

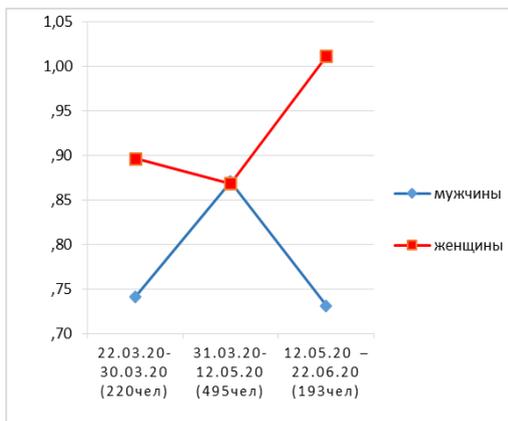

Рис. 1. Восприятие будущего как безнадежного мужчинами и женщинами во время пандемии COVID-19

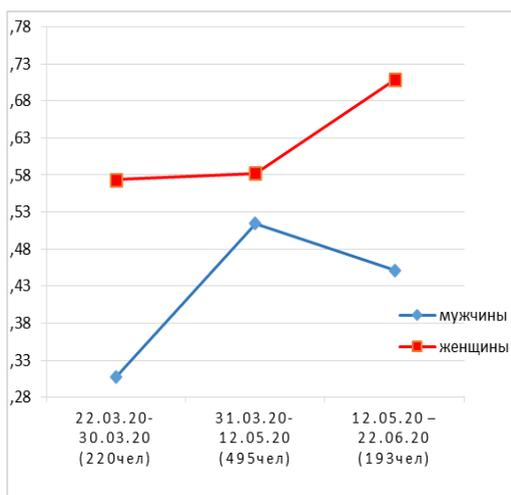

Рис. 2. Общий индекс тяжести (параметр GSI опросника SCL-90) у мужчин и женщинам во время пандемии COVID-19. Коэффициент корреляции Спирмена ,634** $p < 0,001$

Во всей выборке выявлена связь между восприятием безнадежности будущего и особенностями мышления, определяемыми при помощи опросника критического мышления ОКМ97 (корреляция Спирмена):

- общая шкала конструктивного мышления $-,488^{**}$;
- эмоциональное совладание $-,531^{**}$;
- поведенческое совладание $-,171^{**}$;
- категорическое мышление $,342^{**}$;
- личностно-суеверное мышление $,354^{**}$.

Выявлены гендерные различия в индивидуально-психологических особенностях переработки информации: у мужчины при оценке ситуации чаще использовали конструктивное мышление и эмоциональное совладание, тогда как женщины – личностно-суеверное, эзотерическое мышление и поведенческое совладание (рис. 2).

Таблица 2

Результаты опросника критического мышления *ОКМ97*
для мужчин и женщин

	Мужчины	Женщины	Значимость различий
Общая шкала конструктивного мышления	100,67 ± 11,87	95,23 ± 12,67	,000
Эмоциональное совладание	93,59 ± 18,00	86,23 ± 20,12	,001
Эзотерическое мышление	25,60 ± 9,80	27,97 ± 9,26	,027
Поведенческое совладание	39,78 ± 6,23	41,53 ± 6,01	,012
Личностно-суеверное мышление	10,07 ± 3,21	10,96 ± 3,41	,021

Обсуждение

На протяжении всего исследования для женщин характерен более высокий уровень стресса (общий уровень тяжести по *SCL-90*), чем для мужчин. Вместе со снятием ограничений у мужчин уровень стресса начинает снижаться, а у женщин продолжает рост.

Для обеих групп характерен высокий уровень корреляции между восприятием будущего как безнадежного и выраженностью переживаемого стресса. Динамика изменения общего уровня тяжести по *SCL-90* конгруэнтна динамике восприятия будущего.

Согласно теории Сеймура Эпштейна [4], устойчивость к стрессу связана с особенностями мышления, в качестве протективных рассматриваются такие параметры, как уровень конструктивного мышления, поведенческого и эмоционального совладания. Женщины показали более низкую стрессоустойчивость, одним из объяснений этого могут быть гендерные различия в особенностях мышления, являющиеся следствием различий в гендерной социализации. Мужчины демонстрировали более высокий уровень конструктивного мышления и эмоционального совладания, т. е.

были настроены на достижение максимального результата при минимизации затрат и концентрировались на возможностях. У женщин, принимавших участие в нашем исследовании, уровень конструктивного мышления и эмоционального совладания были ниже, преобладало личностно-суеверное, эзотерическое мышление и поведенческое совладание. На наш взгляд, именно личностно-суеверное мышление, позволяющее избежать слишком сильного расстройств из-за неудач благодаря уничтожению надежд и энтузиазма, оказывала наибольшее влияние на восприятие будущего как безнадежного. Женщины в большей степени были настроены на избежание неудач, нежели на достижение успеха, даже поведенческое совладание – параметр отражающий способность думать так, чтобы эффективно действовать, – был опосредован представлением об эффективности, возникающем под влиянием личностно-суеверного мышления.

Ограничениями исследования являются: относительно небольшое количество респондентов-мужчин, что является характерным для интернет-исследований; кроме того, из-за отсутствия замера до пандемии нет возможности определить, являются полученные различия между мужчинами и женщинами устойчивыми или ситуативными, что указывает на дальнейшее направление исследований.

Выводы

1. На протяжении всего периода исследования для женщин характерен более высокий уровень стресса, при снятии ограничений у мужчин уровень стресса начинает снижаться, а у женщин продолжает рост.
2. Анализ показал высокий уровень корреляции между восприятием будущего как безнадежного и выраженностью переживаемого стресса.
3. Полученные результаты показывают, что женщины более уязвимы к действию стресса и могут иметь более выраженные негативные психологические последствия по завершении пандемии.
4. Ощущение безнадежности будущего, возможно, связано с гендерными различиями в мышлении: женщины больше настроены на избегание неудач, в то время как мужчины – на достижение успеха.

Список литературы

1. *Бойко О. М., Медведева Т. И., Ениколопов С. Н., Воронцова О. Ю., Казьмина О. Ю.* Психологическое состояние людей в период пандемии COVID-19 и мишени психологической работы [Online] // Психологические исследования. 2020. Т. 13, № 70. С. 1. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2020v13n70/1731-boyko70.html>

2. Ениколопов С. Н., Бойко О. М., Медведева Т. И., Воронцова О. Ю., Казьмина О. Ю. Динамика психологических реакций на начальном этапе пандемии COVID-19 // Психолого-педагогические исследования. 2020. Т. 12, № 2. С. 108–126. DOI 10.17759/psyedu.2020120207

3. Дворянчиков Н. В., Стариченко Н. В., Ениколопов С. Н. Особенности восприятия и переживания «невидимого» стресса военнослужащими, работающими с источниками ионизирующих излучений // Журнал практического психолога. 2005. № 1. С. 49–54.

4. Epstein S. CTI: Constructive Thinking Inventory: professional manual. Lutz, FL: Psychological Assessment Resources, 2001. vii, 59 p.

Формирование цифровых компетенций как ключевая задача вузов транзитивного общества *

Н. Г. Воскресенская

*ННГУ им. Н. И. Лобачевского
Нижегород, Россия
navoskr@mail.ru*

Formation of Digital Competencies as a Key Task of Universities in a Transitive Society

N. G. Voskresenkaya

*Nizhny Novgorod State University
Nizhny Novgorod, Russian Federation
navoskr@mail.ru*

В настоящее время проблема формирования цифровых компетенций, обеспечивающих необходимый уровень социального и интеллектуального развития населения с учетом прогрессирующей цифровой экономики российского общества, широко и всесторонне разрабатывается в самых разных областях знаний. Основы программирования, разработка приложений, навыки в обработке и анализе больших массивов данных становятся необходимой составляющей когнитивных навыков работников самого широкого спектра профессий, а аналитическая работа, импровизация, творчество, коммуникативная компетентность, в том числе при работе в Сети, – важными качествами нового типа личности, чье существование все больше интегрируется с социумом. Особую роль в жизни современного человека приобретают взаимодействие в социальных сообществах посредством Интернета, умение работать с массивами данных, размещенными в Сети, владение основами безопасности для предотвращения интернет-манипуляций. Активное использование государственными и муниципальными органами информационно-коммуникационных технологий качественно нового уровня оперативности и удобства получения гражданами и организациями информации о деятельности государственных органов выдвигает проблемы формирования соответствующих компетенций как у представителей

* Работа выполнена при поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ, проект № 20-011-31208 «Формирование цифровых компетенций молодежи для повышения конкурентоспособности в условиях цифровизации публичного пространства».

«электронного правительства», так и у физических и юридических лиц, как «электронных граждан» [1].

Изменения в образе жизни, обусловленные широким проникновением цифровых технологий в жизнь людей, могут вызывать ощущение нестабильности, неуверенности в завтрашнем дне, являясь угрозой возникновения невротических переживаний и ощущения тревоги, что препятствует выстраиванию эффективных поведенческих стратегий в ситуациях неопределенности [2]. Такая неопределенность имеет основания. Так, согласно докладу WEF, в ближайшем будущем роботы уничтожат в мире до 75 млн рабочих мест, при этом будут созданы 135 млн новых. Наибольшая угроза лишиться работы у низкоквалифицированных работников, тогда как высококвалифицированным придется повышать свой профессиональный уровень¹. Согласно исследованиям К. Фрея и М. Осборна, наибольшие риски остаться в ближайшем будущем безработными у специалистов телефонных продаж, тогда как наиболее защищенными являются работники социальной сферы и тех видов профессий, в которых требуются творческие и социальные навыки, нестандартность мышления, креативность решений в нестабильных ситуациях и эмоциональная составляющая при совершении определенных действий, т. е. всё то, что пока не в состоянии заменить искусственным интеллектом [3]. Между тем на текущий момент более 80 % трудоспособного населения не обладают компетенциями, необходимыми для работы на современных рынках [4]. Высшая школа должна помогать адаптироваться, прививая умение уверенно, эффективно, критично и безопасно выбирать и применять инфокоммуникационные технологии для принятия решений, использовать данные навыки в деловых коммуникациях, потреблении и техносфере [5]. Отсутствие системы мер, направленных на адаптацию населения к быстро и постоянно меняющимся условиям информационной среды, увеличивают риски возникновения глобальной структурной безработицы и усиления неравенства в обществе.

Самоактуализация личности транзитивного общества невозможна без умения ориентироваться в информационном поле, использовать инфокоммуникационные технологии в разных сферах жизнедеятельности. Поэтому при подготовке конкурентоспособных специалистов разного профиля особое внимание вузам следует уделять формированию цифровых компетенций, которые предполагают наличие у обучающихся знаний, умений, навыков и мотивации, позволяющих находить цифровую информацию по разным сферам деятельности; систематизировать и анализировать ее; общаться в интернет-среде, руководствуясь нормами, правилами и ценностями цифрового мира; использовать разные интернет-возможности для

¹ The Future of Jobs Report 2018 // World Economic Forum. URL: <https://www.weforum.org/reports/the-future-of-jobs-report-2018> (дата обращения 12.08.2020).

обмена информацией; создавать и редактировать тексты, изображения, видео, мультимедийный контент и т. д., используя программные продукты; уважительно относиться к правам интеллектуальной собственности и пользовательским лицензиям; владеть основами безопасности в Сети, в том числе связанными с защитой персональных данных; иметь навыки использования альтернативных форм образования с применением дистанционных технологий; использовать интернет-ресурсы для взаимодействия с государственными и муниципальными органами и осуществления эффективного взаимодействия с ними.

Все это выдвигает новые требования к качеству кадрового потенциала преподавателей вузов, вызывает необходимость создания в рамках вузов интерактивной сетевой информационной образовательной среды, а также разработку и внедрение курсов повышения квалификации, включающих в себя формирование навыков активного использования информационно-коммуникационных технологий качественно нового уровня.

Список литературы

1. *Ершова Т. В., Зива С. В.* Ключевые компетенции для цифровой экономики // Информационное общество. 2018. № 3. С. 4–20.
2. *Табачук Н. П.* Информационная компетенция личности как часть цифровой культуры общества // Проблемы высшего образования. 2018. № 1. С. 200–202.
3. *Харковска Е.* Изменение тенденций на рынке труда в условиях цифровой экономики // Молодой ученый. 2019. № 52 (290). С. 420–424.
4. *Полевая М. В.* Целевая модель компетенций в цифровой экономике. М., 2017. 42 с.
5. *Журавлев А. Л., Нестик Т. А.* Социально-психологические последствия внедрения новых технологий: перспективные направления исследования // Психологический журнал. 2019. № 5 (40). С. 35–47.

**Роль родителей в развитии системы регуляции эмоций ребенка
в случаях его нормотипического развития
и при расстройствах аутистического спектра ***

Е. А. Дорошева

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

*НИИ физиологии и фундаментальной медицины
Новосибирск, Россия
elena.dorosheva@mail.ru*

**The Role of Parents in the Development
of the Child's Emotional Regulation System
in Cases of Its Regulatory Development
and in Autism Spectrum Disorders**

E. A. Dorosheva

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

*State Scientific-Research Institute of Physiology & Basic Medicine
Novosibirsk, Russian Federation
elena.dorosheva@mail.ru*

Важнейшую роль в формировании целостного поведения человека играет сложное взаимодействие эмоциональных и когнитивных процессов, позволяющих осуществлять комплексную оценку внешних стимулов в контексте потребностей, целей и особенностей внешних условий. Среди последних непрерывно существующий социальный контекст, необходимость учета которого неизбежно модифицирует любое поведение.

В ходе индивидуального развития ребенка происходит созревание саморегуляционных систем, в том числе регуляции эмоций. Регуляция эмоций предполагает, что первичные эмоции, являющиеся непосредственным ответом на стимул, модифицируются (уменьшаются, усиливаются, меняют свой характер) таким образом, чтобы оптимизировать как поведенческий ответ, так и функциональное состояние человека. Типы эмоциональной регуляции с возрастом меняются. Если для маленького ребенка регуляция эмоций тесно связана с взаимодействием со взрослым человеком, успокаи-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-013-00925).

вающим, отвлекающим, переключающим его, то по мере взросления регуляционная функция интериоризируется. Даже используя социальную поддержку для регуляции эмоций, взрослый человек сам занимается организацией этой поддержки, отношения являются реципрокными. Кроме этого, он способен регулировать эмоции самостоятельно, без участия других людей, сам переключая свое внимание оптимальным образом, выбирая участие в тех или иных ситуациях, меняя к ним свое отношение и т. д.

Значимую роль в развитии систем саморегуляции имеют врожденные факторы. Так, полагают, что в формирование зрелой регуляции эмоций фундаментальный вклад вносит самоконтроль, представляющий собой способности к отсрочке непосредственных побуждений ради отложенной цели, к планированию, обнаружению ошибок по результатам действия. Его уровень определяется врожденными характеристиками, проявляется уже у маленьких детей [1; 2].

Огромный вклад в развитие саморегуляции вносят и социальные влияния. Качество отношений привязанности рассматривают как имеющее ключевую роль в развитии регуляции эмоций ребенка раннего возраста, еще на этапе довербальной коммуникации [3]. На следующей стадии большое значение приобретает обучение вербализации эмоций – умению переводить субъективные переживания, физиологические ощущения в вербальную форму; говорить о своих эмоциональных состояниях, о их причинах, регулируя этим поведение окружающих; использовать вербальные конструкторы для осознания своего состояния и регуляции поведения. В обучении вербализации эмоций микросоциальное окружение ребенка играет основную роль [4]. Формирование алекситимии – затруднений в символизации, вербализации эмоций – предрасполагает к появлению спектра психических и соматических нарушений.

Макросоциальные влияния, культурный контекст также задают особенности регуляции эмоций, воздействуя через принятые в культуре образцы, эталоны воспитания [5].

Показано, что врожденные особенности, связанные со снижением способности к самоконтролю, взаимодействуют со спецификой родительского воспитания и социальных воздействий в целом. «Трудный» темперамент в ряде случаев ведет к тому, что родителям сложнее организовать поведение ребенка, получить положительную обратную связь, они начинают прикладывать меньше усилий, менее позитивно относиться к детям [6]. Качество среды играет более значимую роль в случае детей с «трудным» темпераментом: именно они испытывают существенный риск дезадаптации, если среда неблагоприятна и врожденные трудности саморегуляции не компенсируются.

Особое место в ряду случаев врожденного снижения способностей к саморегуляции и самоконтролю занимают расстройства аутистического

спектра (РАС). У людей с РАС снижается возможность адекватной обработки социальной информации и адаптивных поведенческих ответов. Дефицитарность и незрелость регуляции эмоций отмечается при РАС во всех возрастных периодах и, похоже, является одной из ключевых характеристик РАС [7]. Наличие врожденных нарушений делает приоритетной задачу формирования системы саморегуляции в процессе абилитации детей с РАС. Основная роль в этом принадлежит родителям, что ведет к особой важности их обучения и информирования. Помимо предоставления сведений о путях развития саморегуляции при ее первичной дефицитарности, важно обучать дифференциации регуляции эмоций и их подавления. Основной критерий этого разделения – использование в первом случае возникающих эмоциональных сигналов в организации поведения; игнорирование возникающих сигналов во втором случае. Путаница контроля и подавления эмоций приводит к дорогостоящей оплате социализации общим снижением психического функционирования и нарушением целостности поведения.

Список литературы

1. Eisenberg N., Fabes R. A., Guthrie I. K., Reiser M. Dispositional emotionality and regulation: Their role in predicting quality of social functioning // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2000. Vol. 78, no. 1. P. 136–157.
2. Eisenberg N., Smith C. L., Sadovsky A., Spinrad T. L. Effortful Control: Relations with Emotion Regulation, Adjustment, and Socialization in Childhood // Baumeister R. F. and Vohs K. D. (eds.). *Handbook of Self-Regulation: Research, Theory, and Applications*. New York: Guilford Press, 2004. P. 259–282.
3. Tominey S. L., Olsen S. G., McClelland M. M. Supporting the development of emotion regulation in young children: The important role of the parent-child attachment relationship // *International Journal of Birth and Parent Education*. 2015. Vol. 2, no. 4. P. 23–26.
4. Cole P., Armstrong L. M., Pemberton C. K. The role of language in the development of emotion regulation. // Calkins S. D., Bell M. A. (eds.). *Human brain development. Child development at the intersection of emotion and cognition*. American Psychological Association, 2010. P. 59–77.
5. Mesquita B., De Leersnyder J., Albert D. The cultural regulation of emotions. // Gross J. (ed.) *Handbook of Emotion Regulation*. The Guilford Press, 2013.
6. Ньюкомб Н. Развитие личности ребенка. СПб.: Питер, 2002.
7. Mazefsky C. A., Borue X., Day T. N., Minshew N. J. Emotion regulation patterns in adolescents with high-functioning autism spectrum disorder: Comparison to typically developing adolescents and association with psychiatric symptoms // *Autism Research*. 2014. No. 7. P. 344–354.

Неопределённость в физических процессах как первопричина неопределённости в повседневной жизни

К. В. Затримайлов

*Scuola Normale Superiore
Pisa, Italy
kirill.zatrimaylov@sns.it*

Uncertainty in Physical Systems as the Root Cause of Uncertainty in Everyday Life

K. V. Zatrimaylov

*Scuola Normale Superiore
Pisa, Italy
kirill.zatrimaylov@sns.it*

Неопределённость, понимаемая как невозможность достоверно предсказать будущие события, представляет собой один из главных вызовов как для каждого человека в отдельности, так и для человечества в целом. Поскольку на базовом уровне свойства материального мира описываются законами физики, следует ожидать, что все виды неопределённости, с которыми люди сталкиваются в повседневности, проистекают из этих законов.

Неопределённость в физических процессах подразделяется на субъективную и объективную. Первая связана с неполнотой наших представлений об окружающем мире: либо с незнанием физических принципов, лежащих в основе тех или иных систем (например, чёрных дыр, тёмной материи и др.), либо с технической невозможностью точных вычислений и необходимостью использовать приближённые модели (скажем, понятия «твёрдое тело», «жидкость» и «газ» для описания системы множества частиц).

Второй вид неопределённости подразумевает принципиальную невозможность предсказать состояние объекта в будущем даже при наличии максимально точного описания его состояния в настоящий момент. Этот вид неопределённости встречается главным образом в квантовых системах, поведение которых носит принципиально вероятностный характер, а сам акт измерения приводит к изменению состояния.

Другая разновидность объективной неопределённости связана с теоремой Гёделя о неполноте, согласно которой в рамках любой непротиворечивой системы аксиом существуют утверждения, которые нельзя ни под-

твердить, ни опровергнуть (пример подобного утверждения даёт знаменитый парадокс лжеца: “Лжёт ли человек, который утверждает, что он лжёт?”). В течение длительного времени это утверждение считалось умозрительным, однако в 2015 г. в работе Тоби Кьюбитта, Давида Переса-Гарсии и Михаэля Вольфа было показано, что из теоремы Гёделя следует фундаментальная неразрешимость некоторых физических задач.

В рамках психологии особенно остро стоит вопрос о том, к какой из этих категорий относится неопределённость, связанная со свободой воли и поведением человека. Согласно наиболее консервативной точке зрения, свобода воли иллюзорна, а сознание представляет собой коллективный эффект в системе, состоящей из большого числа нейронов, подобно тому, как в системах с большим числом частиц возникают такие свойства, как давление и упругость; соответственно, достаточно сложный компьютер, имеющий всю информацию о нейробиологических особенностях конкретного человека, мог бы полностью предсказать его мысли, чувства и поведение в заданной ситуации.

Существует, однако, альтернативная позиция, заключающаяся в том, что квантовые эффекты, несущие в себе принципиальную неопределённость, играют существенную роль в физиологии мозга и функционировании сознания (её приверженцами являются, например, физики Роджер Пенроуз и Мэтью Фишер и нейробиолог Стюарт Хамерофф).

Наконец, наиболее радикальное мнение, сближающееся с солипсизмом, помещает в центр бытия именно сознание, рассматривая при этом окружающий мир и физические законы как субъективное явление, носящее эпистемологический, а не онтологический характер. Такую точку зрения разделяли физики-теоретики Джон Арчибальд Уилер и Михаил Менский (согласно концепции «цифровой физики» Уилера, в своей основе Вселенная состоит не из материи, а из битов информации). Кроме того, мнение об объективной реальности сознания высказывал нейрофизиолог, лауреат Нобелевской премии Джон Экклз, а биолог Ричард Докинз полагает, что картина окружающего мира, получаемая от органов чувств, является не абсолютно истинной, а “функционально полезной”, сформировавшейся в ходе эволюционного отбора (скажем, мы воспринимаем предметы как твёрдые, несмотря на множество пустот между составляющими их атомами, потому что для нашего выживания и адаптации необходимо понимать, что через такой предмет нельзя пройти).

Вопрос о природе свободы воли и неопределённости в поведении людей имеет принципиальное значение как для понимания места человека в окружающем мире, так и для статуса психологии как науки. В натуралистической картине мира, согласно которой сознание не является онтологически реальным, психологические модели представляют собой приближённое описание и в отдалённом будущем могут быть заменены

расчётами в рамках вычислительной нейробиологии. В рамках же противоположной концепции, в которой сознание выступает фундаментальным субъектом, психология имеет определяющее значение для понимания не только внутреннего мира людей, но и внешней действительности. Так или иначе, вопрос о взаимоотношении сознания и окружающей реальности ставит научный мир перед перспективой некоего синтеза естественных и гуманитарных наук как описывающих одну и ту же реальность с разных точек зрения.

Эмоциональное выгорание и его взаимосвязь с личностными характеристиками и мотивацией у студентов

О. Г. Затримайлова, В. И. Российская

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
o.zatrimailova@g.nsu.ru*

The Relationship Between Academic Burnout, the Big Five Personality Traits and Learning Motivation

O. G. Zatrimaylova, V. I. Rossiiskaya

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation
o.zatrimailova@g.nsu.ru*

Неопределенность как бесконечное количество альтернатив во множественных выборах, как переизбыток противоречивой информации, как непредсказуемость событий и сложность прогнозирования – неотъемлемая характеристика современной жизни во всех ее аспектах. Неопределенность порождает вызовы и возможности, может служить как источником тревоги, так и источником вдохновения. Обучение в вузе – это процесс, сопровождающийся высоким уровнем стресса, обусловленным, в том числе, и неопределенностью. Одно из возможных негативных последствий – эмоциональное выгорание.

Эмоциональное выгорание – тема, привлекающая внимание исследователей на протяжении нескольких последних десятилетий. При этом большая часть работ посвящена выгоранию в профессиональной деятельности, особенно в профессиях типа «человек – человек». Выгорание в учебной деятельности также активно изучается за рубежом. В отечественной психологии и педагогике проблема пока не получила должного внимания. Сам факт необходимости и правомерности распространения понятия «эмоциональное выгорание» на учащихся вызывает вопросы у отечественных исследователей. Между тем актуальность проблемы не вызывает сомнения, ведь взаимосвязь эмоционального выгорания студентов и результативности обучения очевидна, а высокая эффективность обучения в вузе – залог уверенности социума в завтрашнем дне.

В частности, на сегодняшний день не так много данных о факторах, определяющих эмоциональное выгорание студентов. Например, не в полной мере выявлен характер соотношения личностных характеристик

и эмоционального выгорания, а имеющиеся данные противоречивы и в значительной степени получены при изучении профессиональной деятельности. Академическая мотивация – одна из базовых характеристик, определяющих как процесс, так и результат обучения. Представляется, что мотивация по ряду аспектов может быть связана с эмоциональным выгоранием, однако направленность и специфику этой взаимосвязи еще только предстоит выявить и уточнить.

Целью данного исследования является определение взаимосвязи эмоционального выгорания с личностными характеристиками и мотивацией студентов.

Теоретическая основа исследования – трехфакторная модель выгорания К. Маслач, теория самодетерминации Э. Деси и Р. Райана, а также пятифакторная теория личности.

Исследование проводилось среди студентов очной формы обучения разных курсов и направлений. В исследовании принял участие 81 студент. Среди прошедших опрос студентов 63 женщины и 18 мужчин, 13 из них были отсеяны на этапе формирования выборки с использованием шкалы социальной желательности Д. Крауна и Д. Марлоу. Итоговую выборку исследования составили 68 человек в возрасте от 17 до 26 лет.

В качестве методик исследования были использованы: личностный опросник NEO PI-R (русскоязычная адаптация В. Е. Орла и И. Г. Сенина), опросник “Шкалы академической мотивации (разработан Т. О. Гордеевой, О. А. Сычевым и Е. Н. Осиным на основе опросника Р. Валлеранда для оценки академической мотивации у студентов), шкала выгорания для учащихся (разработана Е. Н. Осиным для оценки выгорания учащихся на основе опросника SBI Салмела-Аро и коллег), шкала социальной желательности (CM SDS) Д. Кроуна, Д. Марлоу.

По результатам исследования наиболее сильными факторами в возникновении выгорания оказались нейротизм, экстернальная мотивация и амотивация (положительная корреляционная связь со всеми аспектами эмоционального выгорания на уровне $p < .01$). Кроме того, была обнаружена положительная корреляционная взаимосвязь ($p < .05$) цинизма и интроецированной мотивации. Мотивация достижения и познавательная мотивация рассматриваются как разновидности внутренней мотивации. Эти два типа продемонстрировали отрицательную связь с выгоранием. Добросовестность также отрицательно коррелирует со всеми тремя измерениями выгорания ($p < .01$).

Проведенное исследование показало, что выгорание связано как с личностными характеристиками, так и с мотивацией студентов. Некоторые данные подтверждают результаты ранее проведенных исследований: взаимосвязь эмоционального выгорания с нейротизмом (положительная) и с добросовестностью (отрицательная). Соотношению выгорания и моти-

вазии (в соответствии с моделью Э. Деси и Р. Райана) до сих пор посвящены только единичные отечественные работы. Между тем исследования в этом направлении могут способствовать более глубокому пониманию как феномена академической мотивации, так и выгорания в учебной деятельности. Интерес представляет направленность взаимосвязи. Можно предположить, что влияние взаимно: характер мотивации может выступать фактором эмоционального выгорания, но нельзя исключить и то, что выгорание способно менять структуру мотивации. Этот вопрос требует дальнейшего изучения в теоретическом и практическом аспектах. Сложный характер синдрома эмоционального выгорания, а также многообразие интерпретаций его причин и проявлений требует поиска новых путей и стратегий по оптимизации профессиональной деятельности, адаптации личности к быстро меняющимся условиям. Исследования в этой области показали важность этого явления у обучающихся для лучшего понимания факторов риска и последствий для психического здоровья.

**Интолерантность к неопределенности
как фактор возникновения тревожных и депрессивных расстройств:
обзор зарубежных исследований**

М. В. Злобина

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
m.zlobina@g.nsu.ru*

**Intolerance to Uncertainty as a Factor in the Development of Anxiety
and Depressive Disorders: A Review of Foreign Studies**

M. V. Zlobina

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation
m.zlobina@g.nsu.ru*

Актуальность проблемы неопределенности на сегодняшний день не вызывает сомнений. В этой связи возрастает роль изучения отношения человека к ситуациям неопределенности. Это отношение выражается терминами «толерантность к неопределенности» и «интолерантность к неопределенности».

В ряде исследований было показано, что необходимость справляться с неопределенными ситуациями может приводить к актуализации негативных эмоциональных состояний (см., например, [1]). В зарубежной психологии широкое распространение получает модель аффективных расстройств, согласной которой интолерантность к неопределенности является ключевым фактором возникновения и развития тревожных и депрессивных состояний.

Большое количество зарубежных исследований свидетельствует о том, что интолерантность к неопределенности (ИТН) является фактором уязвимости для широкого спектра тревожных расстройств. При этом отмечается, что проспективная ИТН (когнитивный компонент ИТН) более тесно связана с беспокойством и симптомами обсессивно-компульсивного расстройства, тогда как ингибиторная ИТН (поведенческий компонент ИТН) более тесно связана с социальной тревожностью, паникой и агорафобией [2].

Данные о связи ИТН и депрессии менее однозначны. Условно можно выделить три группы взглядов на отношения интолерантности к неопределенности и депрессии.

Согласно первой позиции, ИТН сильнее и более специфично связана с депрессией или не обнаруживает своей специфичности по отношению

к какому-либо расстройству [3–6]. Так, Миранда и коллеги [4] приходят к выводу, что ИТН сильнее связана с симптомами депрессии, чем с симптомами ГТР в долговременной перспективе, при этом общим компонентом когнитивного содержания ГТР и депрессии является ожидание негативных событий, тогда как ожидание отсутствия позитивных событий в будущем является специфическим когнитивным содержанием для депрессии.

Согласно второй точке зрения, интолерантность к неопределенности влияет на возникновение симптомов депрессии не прямо, а через ряд переменных (например, [7; 8]). Суи и коллеги [9] показали, что ИТН не влияет прямо на депрессию, но связана с депрессией через беспокойство и тревогу. В модели, предложенной исследователями, ИТН предсказывала беспокойство, беспокойство предсказывало тревогу, а тревога – депрессию. Другой переменной, обуславливающей связь интолерантности к неопределенности и депрессии, часто выступает руминация. Хуанг и др. [10] предположили, что высокий уровень ИТН поддерживает развитие симптомов депрессии с течением времени именно благодаря участию руминации. Руминация в данном случае является неадаптивной стратегией преодоления неопределенности.

Представители третьей позиции полагают, что возникновение симптомов депрессии связано преимущественно с прямым непосредственным влиянием таких личностных черт, как нейротизм и экстраверсия. Интолерантность к неопределенности в данном случае прямо не влияет или очень слабо влияет на возникновение депрессивных состояний и опосредует влияние нейротизма [11–13].

Подобная неоднозначность во взглядах на соотношение интолерантности к неопределенности и депрессии приводит к необходимости дальнейших исследований в данной области и прояснения характера отношений этих переменных.

Список литературы

1. *Соколова Е. Т.* Шок от столкновения с социокультурной неопределенностью: клинический взгляд // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 40.
2. *Carleton R. N., Mulvogue M. K., Thibodeau M. A., McCabe R. E., Antony M. M., Asmundson G. J. G.* Increasingly certain about uncertainty: Intolerance of uncertainty across anxiety and depression // *Journal of Anxiety Disorder*. 2012. Vol. 26 (3). P. 468–479.
3. *Mahoney A. E., McEvoy P. M.* A transdiagnostic examination of intolerance of uncertainty across anxiety and depressive disorders // *Cognitive Behaviour Therapy*. 2012. Vol. 41. P. 212–222.

4. *Miranda R., Fontes M., Marroquin B.* Cognitive content-specificity in future expectancies: role of hopelessness and intolerance of uncertainty in depression and GAD symptoms // *Behaviour Research and Therapy*. 2008. Vol. 46. P. 1151–1159.
5. *Gentes E. L., Ruscio A. M.* A meta-analysis of the relation of intolerance of uncertainty to symptoms of generalized anxiety disorder, major depressive disorder, and obsessive-compulsive disorder // *Clinical Psychology Review*. 2011. Vol. 31. P. 923–933.
6. *Saulnier K. G., Allan N. P., Raines A. M., Schmidt N. B.* Depression and Intolerance of Uncertainty: Relations between Uncertainty Subfactors and Depression Dimensions, *Psychiatry // Psychiatry Interpersonal and Biological Processes*. 2019.
7. *Boelen P., Vrinssen, I., Tulder F. van.* Intolerance of uncertainty in adolescents: Correlations with worry, anxiety, social anxiety, and depression // *Journal of Nervous and Mental Disease*. 2010. Vol. 198. P. 194–200.
8. *Jensen D., Cohen J. N., Mennin D. S., Fresco D. M., Heimberg R. G.* Clarifying the unique associations among intolerance of uncertainty, anxiety, and depression // *Cognitive Behaviour Therapy*. 2016. Vol. 45. P. 431–444.
9. *Swee M. B., Olino T. M., Heimberg R. G.* Worry and anxiety account for unique variance in the relationship between intolerance of uncertainty and depression // *Cognitive Behaviour Therapy*. 2019. Vol. 48 (3). P. 253–264.
10. *Huang V., Yu M., Carleton R. N., Beshai S.* Intolerance of uncertainty fuels depressive symptoms through rumination: Cross-sectional and longitudinal studies. 2019.
11. *Norton P., Mehta P. D.* Hierarchical Model of Vulnerabilities for Emotional Disorders // *Cognitive Behaviour Therapy*. 2007. Vol. 36 (4). P. 240–254.
12. *Heiden van der, Melchior K., Muris P., Bouwmeester S., Bos A. E. R., Molen H. T. van der.* A hierarchical model for the relationships between general and specific vulnerability factors and symptom levels of generalized anxiety disorder // *Journal of Anxiety Disorders*. 2010. Vol. 24. P. 284–289.
13. *Allan N. P., Oglesby M. E., Uhl A., Schmidt N. B.* Cognitive risk factors explain the relations between neuroticism and social anxiety for males and females // *Cognitive Behaviour Therapy*. 2007. Vol. 46 (3). P. 224–238.

Актуализация проблемы неопределённости: современные вызовы и стратегии поведения

А. А. Зубрихина

*Региональный научно-образовательный математический центр
«Дальневосточный центр математических исследований»
Владивосток, Россия
zubrikhina_aa@dyfu.ru*

Actualization of the Problem of Indeterminacy: Contemporary Issues and Behavioral Strategies

A. A. Zubrikhina

*Far Eastern Center for Mathematical Research
Vladivostok, Russian Federation
zubrikhina_aa@dyfu.ru*

2020 год отмечается как беспрецедентный из-за глобальности и скорости изменений, которые были вызваны распространением новой коронавирусной инфекции. Эти изменения затронули множество отраслей человеческой деятельности – прежде всего экономику и здравоохранение.

В условиях начавшегося мирового кризиса, а также вследствие иных причин – например, негативных факторов глобализации (таких как политическая нестабильность, миграционный кризис в Европе и США, ускоряющийся темп жизни, усугубление социального неравенства, экспоненциальный рост технологий (явление «технологической сингулярности»)), актуальность приобрела проблема неопределённости. Более того, её острота не в последнюю очередь обусловлена тенденцией к дальнейшему усложнению и раздроблению мира на множество отдельных структур.

Ряд исследователей (И. Р. Пригожин, А. М. Дорожкин, И. Стенгерс, А. Марий и др.), обращаясь к этой проблеме, отделяют понятие неопределённости (indeterminacy) от схожих по значению терминов – таких как неясность (ambiguity), случайность (probability), запутанность (complexity) [1. Р. 72], хаос (chaos) [2] и абсурд (absurd) [3].

Неопределённость можно рассматривать с точки зрения четырёх аспектов: как отражающую свойства объекта (1); условия взаимодействия объекта и субъекта (2); особенности субъективного восприятия (3); особенности взаимодействия новых знаний с наличным знанием (4) [4. С. 5].

В свою очередь, переживание человеком неопределённости имеет внешнюю (онтологическую) и внутреннюю (гносеологическую) стороны.

Первый случай соотносится с объективными характеристиками действительности (при онтологической неопределённости мир воспринимается как недружественное и полное угроз пространство). Во втором случае существует глубокое психологическое переживание человеком ситуации (гнетущее чувство отчуждения от мира по причине неполноты, нехватки знаний о нём; невозможности применения привычных моделей поведения в ситуации с неизвестными параметрами).

Переживание неопределённости схоже с утратой контроля над действительностью [5]. Длительное пребывание в подобном состоянии влияет на индивида на эмоциональном, поведенческом, когнитивном уровнях. Негативными последствиями являются рост тревожности, чувство дискомфорта, стресса [1. Р. 68]. Невыносимое чувство тревоги, вызванное пребыванием человека в состоянии неопределённости, адресуется к вопрошанию глубинных основ собственного «Я»: «Кто я есть?», «В чём состоит смысл жизни?». Избавление от чувства неопределённости подразумевает стремление человека получить точный ответ на вопрос и достичь предельной ясности [6].

Тем не менее неопределённость является основополагающей как в универсуме, так и в бытии человека. Так, большинство исследователей – И. Р. Пригожин, А. М. Дорожкин, И. Стенгерс, А. С. Борщов – признают её в качестве неотъемлемого свойства действительности. Поскольку сложный характер систем и наличие многообразия связей между ними предполагает, что говорить о том или ином сценарии развития системы мы можем лишь с значительной долей вероятности [4. С. 7], следовательно, вероятность (в которой всегда присутствует неопределённость) есть изначально заложенный параметр развития системы [7. С. 10].

Человек, сам того не замечая, в повседневной жизни постоянно пребывает в условиях «стандартного» фона неопределённости. Данный фон включает риск внезапной болезни, травмы, аварии, жизненного потрясения или даже летального исхода. С возрастом этот процент только растёт [8]. О терпимости человека к допустимому уровню непредсказуемости можно также судить исходя из положительного реагирования и доверия людей той информации, о которой открыто заявляется, что в ней присутствует неопределённость в фактах и цифрах [8; 9].

Тем не менее в тех случаях, когда уровень неопределённости становится для индивида неприемлемым, существуют различные стратегии поведения, и одной из них является толерантное отношение к неопределённости.

Толерантность проявляется на когнитивном, эмоциональном и поведенческом уровнях [1. Р. 71]. Когнитивный уровень включает в себя признание проблемы неопределённости, восприятие её как поля возможностей, доверия к ней, выработки у индивида уверенности в собственных силах. Эмоциональный уровень включает любопытство и творческое

взаимодействие с неизвестностью. На поведенческом уровне осуществляются фокусировка внимания, действие, поиск, принятие решений, выработка установки на самообучение в течение жизни и нескольких уровней навыков (базовыми из которых являются экзистенциальные [10]).

Неопределённость является неотъемлемым свойством действительности и не противоречит предсказуемым и обратимым процессам. Порядок и беспорядок присутствуют друг в друге, и непредсказуемость является залогом к прогрессивному развитию, но не помехой.

Список литературы

1. *Marij A., Caitlin H. M. et. al.* Tolerance of uncertainty: Conceptual analysis, integrative model, and implications for healthcare // *Social Science & Medicine*. 2017. Vol. 180. P. 62–75.

2. Новая философская энциклопедия. 2-е изд., испр. и доп. М.: Мысль, 2010. Т. 1–4. 2816 с. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/>.

3. Философский словарь // *Gufo.me*. 2020. URL: https://gufo.me/dict/philosophy_dict/.

4. *Дорожкин А. М., Соколова О. И.* Понятие «неопределенность» в современной науке и философии // *Вестник ВятГУ*. 2015. № 12. С. 5–13.

5. *Пригожин И.* Философия нестабильности // *Вопросы философии*. 1991. № 6. С. 46–52. URL: <http://ec-dejavu.ru/i/Instability.html/>.

6. *Kim J.* Taking moral indeterminacy seriously: in defence of compatibility between moral realism and indeterminacy. Research-repository St-andrews.ac.uk. 2019. URL: <https://research-repository.st-andrews.ac.uk/bitstream/handle/10023/18849/JiwonKimPhDThesis.pdf?sequence=3&isAllowed=y/>.

7. *Борцов А. С.* Роль неопределенности в развитии // *Изв. Саратов. ун-та. Серия: Философия, Психология, Педагогика*. 2015. № 4. С. 9–14.

8. *Roberts S.* Embracing the Uncertainties // *Nytimes.com*. The Coronavirus Outbreak. 2020. URL: <https://www.nytimes.com/2020/04/07/science/coronavirus-uncertainty-scientific-trust.html/>.

9. *Bles A. M. van der, Linden S. van der, et. al.* The effects of communicating uncertainty on public trust in facts and numbers // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2020. Vol. 117 (14). P. 7672–7683. URL: <https://europepmc.org/article/med/32205438/>.

10. *Андрейчук А.* Навыки будущего. Что нужно знать и уметь в новом сложном мире // *Issuu.com: Успех*. 2018. URL: <https://issuu.com/ycnex/docs/>.

Психологическое здоровье и благополучие человека в неопределенном мире

А. А. Зубрихина

*Морской государственный университет им. адмирала Г. И. Невельского
Владивосток, Россия
zubrikhina.anastasia@gmail.com*

Mental Health and Wellness of Human in the Indeterminacy

A. A. Zubrikhina

*Admiral Nevelskoy Maritime State University
Vladivostok, Russian Federation
zubrikhina.anastasia@gmail.com*

На протяжении столетий человек стремился к обладанию надёжным фундаментом в виде идеалов и жизненных ориентиров. Развитие человеческого общества происходило в условиях сохранения накопленных и разделяемых большинством образцов поведения, установок и ценностей.

Однако жизнь человека в XXI в. претерпела изменения и представляет собой постоянное пребывание в быстро меняющемся мире. Действительность ежедневно подвергает его испытаниям, требуя готовности к неожиданностям, переменам и инновациям. Таким образом, человек современности сталкивается с необходимостью возвращать в себе такие навыки, как способность к самостоятельному принятию решений и действию в ситуации неопределенности.

Ситуацией неопределенности называется состояние, при котором отсутствуют варианты решения и поведенческих альтернатив [1]. Неопределенность может таить в себе угрозу как внешнего по отношению к человеку мира (источку человеческой идентичности – культуре), так и внутреннего мира человека (психологическое здоровье).

Среди негативных тенденций современной культуры, которые отражают воздействие неопределенности, можно назвать: 1) заинтересованность общества феноменами «локальной нестабильности» (катастрофами, аномалиями, глобальными потрясениями (можно в качестве примера привести популярность в массовой культуре нашумевшего фильма «Джокер»)); 2) «игры с хаосом», деструкция устоявшихся ценностей и ориентиров; 3) плюрализм мнений в общественном дискурсе; 4) явление негативизации мира как хаотичного, враждебного человеку пространства; 5) трансформация знания в информацию; 6) прагматизация всех сфер жизнедеятельности

(все, что делается, планируется и даже «мечтается», обязательно должно приносить конкретную пользу) [2].

Отдельно следует упомянуть феномен «общества потребления», который сопровождается экспоненциальностью и разрозненностью информационных потоков, а также ростом различных видов массовой зависимости. Е. Н. Шутенко считает, что наибольшему деструктивному влиянию неопределенности подвергается молодежь. Исследователь отмечает рост апатии, инфантилизацию, дегуманизацию, дерационализацию сознания и примитивизацию мышления, наркотизацию [3].

Посредством внешних факторов (например, социальных потрясений) состояние неопределенности может оказывать негативное влияния и на внутреннее состояние человека, его психическое здоровье.

Психическое здоровье – это состояние благополучия, при котором человек может реализовать собственный потенциал, справляться с жизненными стрессами, продуктивно и плодотворно работать и вносить вклад в жизнь общества¹. Психологическое благополучие связано с экзистенциальным переживанием личностью отношения к своей жизни, с понятиями «качество жизни», «счастье», «счастливая жизнь», «самореализация». Психическое здоровье является важной составляющей физического здоровья человека².

Состояние неопределенности может привести к снижению адаптивной способности человека, повышению у него тревожности, неустойчивости к стрессу, критичной предвзятости по отношению к себе, страху новых ситуаций, нарушению межличностных связей с окружающими людьми и глубокому внутриличностному конфликту³.

Можно выделить несколько стратегий поддержания психического здоровья человека и противостояния негативным последствиям состояния неопределенности. Согласно Э. Тоффлеру, единственным способом сохранить равновесие в ситуации неопределенности является создание новых личных и социальных механизмов, которые ставят своей задачей регулирование изменений. Иными словами, человеку отводится творческая роль самостоятельного формирования, отклонения, ускорения или замедления жизненных изменений [4. С. 405].

Согласно концепции О. Н. Первушиной, в ситуации неопределенности человек может избрать два варианта стратегии поведения: адаптацию или самореализацию. Первый вариант подразумевает приобретение социального статуса и признания в обществе вследствие адаптационных действий.

¹ Всемирная организация здравоохранения: Психическое здоровье // Who.int. Главная страница / Центр СМИ / Информационные бюллетени. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/mental-health-strengthening-our-response>.

² Там же.

³ Там же.

Стратегия самореализации включает в себя активное воздействие индивида на окружающую среду [1. С. 15–16].

Ситуация неопределенности представляет собой неизбежное и необратимое следствие действительности XXI в. Сохранение психического здоровья и благополучия человека становится возможным только при условии осознания индивидом нахождения в состоянии неопределенности, а также активного вовлечения и творческого участия в формировании собственной жизни.

Список литературы

1. *Первушина О. Н.* Человек и неопределенность: на подступах к постановке проблемы // Вестник НГУ. Серия: Психология. 2007. Т. 1, № 1. С. 11–19.
2. *Драч Г. В.* Культурология: Учеб. пособие / Под ред. Г. В. Драча. М.: Альфа-М, 2003. 432 с.
3. *Шутенко Е. Н.* Психологическое здоровье молодежи в условиях социокультурных трансформаций современного общества // Психолог. 2018. № 3. С. 32–40.
4. *Тоффлер Э.* Шок будущего. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. 557, [3] с.

Дистанционное образование в условиях пандемии COVID-19

Н. А. Клецков

*Волгоградский государственный социально-педагогический университет
Волгоград, Россия
cleckov1998@mai.ru*

Distance Education in the Covid-19 Pandemic

N. A. Kletskov

*Volgograd State Social and Pedagogical University
Volgograd, Russian Federation
cleckov1998@mai.ru*

Последние 25–30 лет неразрывно связаны с активной информатизацией всех сфер жизни человека. Всевозможные гаджеты и информационные технологии сопровождают современного человека повсюду – от работы до отдыха.

В конце 2019 г. произошло то, что стало серьёзным испытанием перед новейшими технологиями. В Китае был обнаружен вирус, который не щадил ни взрослых, ни детей. К марту 2020 г. коронавирус стал проникать во многие города России. Требовались кардинальные меры для сдерживания распространения коронавирусной инфекции. Для защиты здоровья учащихся и преподавателей учебный процесс был перенесён в онлайн формат. С 23 марта до 12 апреля были переведены на дистанционное обучение все школы России. Такое полномасштабное закрытие школ осуществили более 100 стран, согласно данным ЮНЕСКО ¹.

В результате опроса Общероссийского народного фронта 29 тыс. учителей России стало известно, что 80 % учителей испытали трудности с онлайн-обучением ². Большинство преподавателей (74 %) высказались о росте рабочей нагрузки, а 26 % отметили плохую организацию перехода от традиционного обучения на дистанционное, 60 % назвали данный переход «удовлетворительным». Лишь 14 % педагогов назвали переход хорошо организованным.

¹ Образование: от закрытия учебных заведений до возобновления их работы. URL: <https://ru.unesco.org/covid19/educationresponse>

² Исследования показали большое количество проблем перехода на дистанционное обучение. URL: <https://www.pnp.ru/social/issledovaniya-pokazali-bolshoe-kolichestvo-problem-perekhoda-na-distancionnoe-obuchenie.html>

По четвертным оценкам школьников и результатам ЕГЭ наблюдается незначительное повышение успеваемости. Однако серьёзных исследований по данному вопросу не проводилось, и констатировать эффективность учебного процесса нельзя. Большинству школьников с домашними заданиями помогали родители, которые были оставлены без работы в условиях карантина. Одиннадцатиклассники, которые имели доступ к высокоскоростному Интернету, смогли успешно подготовиться к экзаменам. Труднее всего пришлось учащимся начальной школы. В силу своего возраста эти дети обладают особыми образовательными и воспитательными потребностями. Подавляющее большинство родителей этих детей столкнулись с множеством трудностей, так как обеспечить полноценное образовательное пространство в условиях своего дома они не могли. Незначительный интеллект младших школьников не мог позволить им в полном объёме освоить онлайн-сервисы для обучения. Это стало дополнительной проблемой для родителей.

В результате исследования, которое было опубликовано Business Insider, была проведена оценка успеваемости 5 млн школьников 3–8 классов из США³. По данным исследования, 70 % школьников не смогли полностью освоить программу английского языка, а 50 % не справились с математикой. Авторы исследования делают вывод о диспропорциональной ущемлённости детей из бедных семей, которые не имеют хорошей интернет-связи.

Исследователи указывают на ряд недостатков онлайн-образования, которые дистанционное образование не смогло преодолеть:

- развитие эмоционального и социального интеллекта замедлилось и затормозило процесс обучения, при этом лишнее время за экраном привело к росту тревожности, депрессии и отсутствию интереса;
- учителям стало трудно уделять персональное внимание отдельным ученикам, и эта обязанность легла на плечи родителей;
- у ряда школьников дома нет необходимых для нормального обучения ресурсов: учебных пособий, книг, канцелярских принадлежностей, компьютеров, кроме того, они перестали получать обеды.

³ Дистанционное образование не работает. Проверено на 5 миллионах школьников. URL: <https://hightech.plus/2020/06/10/distancionnoe-obrazovanie-ne-rabotaet-provereno-na-5-millionah-shkolnikov>

**Личностные основания принятия решений
о социальном дистанцировании в трех странах
(Россия, Азербайджан и Китай)***

Т. В. Корнилова

*Московский государственный университета им. М. В. Ломоносова
Москва, Россия
tvkornilova@mail.ru*

**Personal Basis for Social Distancing Decision-Making
in Three Countries (Russia, Azerbaijan, and China)**

T. V. Kornilova

*Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation
tvkornilova@mail.ru*

Пандемия COVID-19 создала уникальную ситуацию условий неопределенности, когда личностная регуляция принятия решений (ПР) оказалась включена во взаимодействие с факторами внешне заданных социальных требований, в частности социального дистанцирования. Эта ситуация оказалась модельной в том смысле, что поставила людей в не достижимые в лабораторных условиях реалии поведенческого проявления отношения к угрозам со стороны неопределенности.

С одной стороны, неопределенность стала конкретизироваться как вероятностная угроза (заражения), что при переходе от качественной к исчисляемой неопределенности стало включать фактор риска. С другой стороны, возможность позитивного исхода поставлена в зависимость от собственных усилий по контролю степени неопределенности. Тем самым психологи получили возможность «экологического» исследования аспектов индивидуальной регуляции ответов личности на вызовы со стороны неопределенности.

Сознательное отношение к новой угрозе, однако, не прямо отражается в соответствующем внешним требованиям поведении. Так, восприятие медицинских рисков связано с их представленностью в СМИ, но также важны различия и в индивидуальных особенностях когнитивных репрезентаций риска [1; 2]. При этом известной особенностью вероятностных

* Исследование поддержано РФФИ, грант № 19-29-07069. В работе участвовали М. С. Зиренко (Россия), Цюци Чжоу (Китай), Аян М. Измаилова (Азербайджан).

оценок возможных угроз является то, что включение аффекта как бы снижает ориентировку человека на вероятность событий.

Поскольку пандемия охватила страны с разными культурологическими шкалами оценок (более и менее толерантных к неопределенности, индивидуалистических и коллективистических и т. д.), то необходим и учет различий в культурных нормах поведения, что связано с традициями совладания с угрозами здоровью, с соотношением в индивидуальном сознании личной ответственности за себя и других.

Выявление роли переменных эмоциональной сферы и их взаимодействия с переменными отношения человека к неопределенности и риску при ПР еще только входит в постановку проблемы единства интеллекта и аффекта [3; 4]. Факторы эмпатии и личностной ответственности за себя и других частично представлены в понятии просоциальной направленности поведения. На разном экспериментальном материале показано, что люди допускают разную степень риска в своих решениях, когда речь идет о них самих или о других лицах. При этом решения, связанные с заботой о своем здоровье и о здоровье других людей, могут базироваться на разных основаниях: в одних случаях это может быть проявлением просоциального поведения, а в других опосредоваться представлением об автономии – для себя лично или для других лиц.

Мы провели кросс-культурное исследование, целью которого стало сравнение факторов личностной регуляции принятия решения о социальном дистанцировании.

В отличие от разного рода социальных опросов, мы построили исследование на приеме моделирования в вербальных задачах возможности выбора выполнять или нет требование *надевать маску* в общественных местах. Материал вербальных задач успешно используется для выявления оснований выбора – при моделировании ситуаций как при «житейских», так и при профессиональных решениях. Нашей задачей стало выявление кросс-культурных отличий в связях личностных особенностей и их влияния на ПР.

Именно особенности эмоциональной сферы можно считать менее изученными для восточных культур. Косвенные заключения могут следовать из представлений об эмоциональном отношении к другому человеку, охватываемом понятием эмпатии. Рассмотрение китайского общества как такого, в котором высоко ценятся человеческие отношения и коллективизм, включает представление о большей эмпатийности.

Метод

Схема. Сравнивались личностные свойства по одним и тем же опросникам и выбор в специально разработанных вербальных задачах участников в трех странах – России, Китае и Азербайджане. Исследование состоя-

лось, когда в Китае было объявлено о преодолении эпидемии (февраль 2020), но ношение маски оставалось обязательным, а в двух других странах эпидемия хотя и шла на спад, но требование носить маску везде было обязательным (апрель-май 2020 г.). Если применять традиционную для кросс-культурных исследований шкалу, то по сравнению с двумя странами, «западными» по отношению к Китаю и имевшими более чем полувековую общую историю, следует предположить большую степень коллективизма в китайском обществе.

Участники

Всего в исследовании участвовали 1 077 человек.

Российская выборка: 308 чел. ($M_{\text{возраст}} = 32.3$, $SD = 11.7$), 79.8 % жен.

Азербайджанская выборка: 352 чел. ($M = 30.5$, $SD = 10.40$), 74.4 % жен.

Китайская выборка: 417 чел. ($M = 25.1$, $SD = 7.16$), 59 % жен.

Методики

Применялись опросники «ИмPLICITные теории эмоций» (М. Тамир), QCAE – на когнитивную и аффективную эмпатию, ЛФР-21 и «Темная Дюжина».

Участники самостоятельно заходили на сайт, получали последовательность опросников и по 2 из 5 разработанных задач на ПР. В России и Азербайджане участники получали методики на русском языке, в Китае – на китайском.

Результаты

Ни один китайский участник не выбрал вариант «оставаться без маски», в то время как у российских (16 %) и азербайджанских (26.2 %), выбравших этот вариант, преобладало обоснование «поскольку не боюсь заразиться сам», а не «не боюсь заразить других». Жесткие условия карантина в Китае не позволили проявиться индивидуальным различиям.

При положительном ПР о социальном дистанцировании российские участники проявили все три основания: забота о себе, о других и законопослушность. Отказываясь от ношения маски, они чаще ориентировались на *автономию* для себя, реже – на то, что *не видят риска* для себя, и редко оставляли также *автономию* решений для другого человека. Для решения *носить маску* не было предусмотрено основание *автономии*, а основание *законопослушность* заведомо относилось только к требуемому социумом решению.

Результаты для России и Азербайджана сходны и согласуются с исследованиями, где была показана положительная роль *эмпатии* к наиболее уязвимым для коронавируса категориям людей и намерениями соблюдать дистанцирование [5]. *Рациональность* и общий показатель *эмпатии* стали положительными предикторами ПР носить маску в обоих выборах, как

и показатели *аффективной эмпатии* в российской выборке. *Готовность к риску* стала отрицательным предиктором, как и психопатия.

Установленные для китайской выборки связи *имплицитных теорий эмоций* с тремя показателями эмпатии совпадают с азербайджанскими, а в части общего показателя эмпатии – с российскими.

Заключение

Установленное влияние личностных свойств на положительный или отрицательный выбор решения о социальном дистанцировании – в шкалах рациональности, эмпатии, и свойств Темной Триады – может рассматриваться в пользу не ситуативного, а именно личностного характера ПР в сформулированных нами вербальных задачах. Мы видим достаточную индивидуальную вариабельность решений (да – нет) о социальном дистанцировании и в принятии разных оснований личностных выборов.

Результаты кросс-культурного сравнения свидетельствуют о том, что принятые в социальной психологии представления о коллективизме и индивидуализме как характеристиках культур и отнесенность китайской культуры к наиболее коллективистическим не соответствует индивидуально-личностным основаниям ПР участниками, принимавшими решения в вербальных задачах в Китае.

Список литературы

1. *Chauvin B.* Individual Differences in the Judgment of Risks: Socio-demographic Characteristics, Cultural Orientation, and Level of Expertise // Raue M., Lermer E., Streicher B. (eds.). Psychological Perspectives on Risk and Risk Analysis. Springer, 2018. P. 37–61. DOI 10.1007/978-3-319-92478-6_2

2. *Kornilova T. V., Pavlova E. M., Bogacheva N. V., Kamenev I. I., Kravtseva Yu. V.* Representations of Medical Risks and Their Connection to Different Personal Characteristics of Doctors and Medical Students // Psychology in Russia: State of the Art. 2020. Vol. 13, no. 1. P. 99–120. DOI 10.11621/pir.2020.0109

3. *Anderson E. C., Carleton N. R., Diefenbach M., Han P. K. J.* The relationship between uncertainty and affect // Frontiers in psychology. 2019. Vol. 10. P. 2504. DOI 10.3389/fpsyg.2019.02504

4. *Корнилова Т. В.* Интеллектуально-личностный потенциал человека в условиях неопределенности и риска. СПб.: Нестор-История, 2016.

5. *Pfattheicher S., Nockur L., Böhm R., Sassenrath C., Petersen M. B.* The emotional path to action: empathy promotes physical distancing during the COVID-19 pandemic // PsyArXiv Preprints. 2020. DOI 10.31234/osf.io/y2cg5

Влияние организации персонала на эффективность компании

Е. В. Лавринович, А. Н. Лавринович

*Московский государственный
психолого-педагогический университет
Москва, Россия
elavrinovich@list.ru*

The Impact of Staff Organization on the Company's Performance

E. V. Lavrinovich, A. N. Lavrinovich

*Moscow State University of Psychology & Education
Москва, Россия
elavrinovich@list.ru*

В ситуации неопределенности, которая охватила в настоящий момент все стороны жизни нашего общества, неправильные организационные и кадровые решения в отношении направлений и методов совершенствования организационного механизма компании могут не только причинить ей определенный ущерб, но и привести к возникновению разрушительных внутренних противоречий и конфликтов в организации, в ряде случаев иметь фатальный характер [1].

Среди причин, приводящих к внутренним противоречиям и потере компанией эффективности, одной из основных являются кадровые решения, которые порождаются «отношениями» в организации и слабо или совсем не учитывают основные закономерности построения организации – специфику ее бизнеса, этап развития, состояние основного, на котором работает компания, и кадрового рынков, ценностные ориентации и стиль менеджмента организации.

Одной из часто встречающихся является проблема неучитывания при отборе и назначении руководителей среднего и высшего управленческого звена специфики деятельности компании. Не в плане того, что назначаемые руководители бывают слабо подготовленными к профессиональной деятельности, хотя и это встречается при сильном влиянии «отношений» на процессы принятия кадровых решений, а в плане того, что специфика того или иного бизнеса предполагает целесообразность использования различных «форматов» организации работы персонала.

Для большинства производственных предприятий и дистрибьюторских компаний, для банковской сферы (один из директоров по персоналу подметил: «Банк – это завод по производству денег») и в ряде других случаев наиболее целесообразной с точки зрения эффективности бизнеса является выстраивание основного персонала «под» технологический процесс компании, когда последовательные операции, выполняемые работниками, и приводят к созданию продукта и / или оказанию услуги. Такой «формат» организации работы основного персонала позволяет стандартизировать и нормировать его деятельность, оптимизировать временные и иные затраты на производство, экономить ресурсы, успешно контролировать процессы производства продуктов и оказания услуг, их качество.

Данный «формат» организации работы персонала предъявляет определенные требования к руководителям, отвечающим за управление производственными процессами. А именно, руководители должны (наряду с качествами, которые являются общими и неотъемлемыми для должности руководителя) в первую очередь иметь развитые навыки четкой постановки задачи, высокой требовательности к работникам, контроля соблюдения исполнительской и трудовой дисциплины, своевременного выполнения задач и соблюдения стандартов работы, обучения сотрудников работе по регламентам и стандартам.

Совсем другая система «выстраивания» работы персонала является приоритетной в организациях, которые выполняют дизайнерские, архитектурные, консалтинговые, рекламные проекты или ведут разработки новых продуктов и услуг как маркетинговые компании и опытно-конструкторские бюро. В этих компаниях персонал, вовлеченный в основной производственный процесс, как правило, организован в устойчивые или временные рабочие группы, которые и обеспечивают разработку и создание продуктов или услуг организации.

Этот «формат» организации работы персонала предъявляет уже совершенно иные требования к руководящему составу: руководители должны быть очень четко ориентированы на достижение конечного результата и уметь преодолевать возникающие на пути к нему сложности в деятельности рабочих групп, уметь управлять этими группами и всем комплексом отношений в них, создавать из них команды, настраивать и поддерживать продуктивные коммуникации с коллегами «по горизонтали».

При третьем «формате» организации работы персонала производство продукта и / или оказание услуги осуществляется непосредственно квалифицированными или высококвалифицированными специалистами, как, например, это происходит в медицинских или учебных заведениях, в сфере малого и иногда среднего бизнеса.

Такой «формат» организации работы персонала также предъявляет иные требования к руководящему составу. А именно, менеджеры должны

уметь руководить талантливыми, квалифицированными и, как правило, хорошо образованными людьми, ценить индивидуальность и креативность специалистов, уметь выстраивать с ними отношения (что не всегда бывает просто), заботиться о повышении их квалификации и комфортных условиях труда, уметь налаживать успешные коммуникации между «индивидуальностями».

Конечно, к базовому «формату» работы персонала в той или иной организации, как правило, добавляются элементы двух других в нужной для эффективности работы «пропорции». Но понимание базового «формата» позволяет четко сформулировать основные требования к нанимаемым или назначаемым руководителям, что является залогом эффективности бизнеса.

К сожалению, в практике работы с организациями приходится встречаться с тем, что лицами, принимающими решения, эти требования учитываются слабо или вообще не учитываются. Например, на должности руководителей в «технологичные» организации принимают тех кандидатов, которые ориентированы на создание команд или привыкли работать с «индивидуальностями». И, наоборот, в организации, выполняющие проекты, берут успешных руководителей – технологов.

В результате в организации возникает разрыв, конфликт между целесообразными для данной деятельности «форматами» организации работы персонала, ожиданиями персонала от подхода к управлению их руководителя и его выбранными способами управления. И, как неизбежное следствие, нарушение отношений между руководителем и подчиненными, появление в работе руководителей достаточно абсурдных, с точки зрения персонала, действий и решений, вносящих хаотичность в рабочие процессы, падение эффективности работы организации.

Список литературы

1. *Адизес И.* Управление жизненным циклом корпорации. М., Изд-во «Манн, Иванов и Фербер», 2014.

Исследование толерантности к неопределенности у студентов

И. В. Лазюк

*Новосибирский государственный медицинский университет
Новосибирск, Россия
iren8002@rambler.ru*

The Study of Tolerance to Uncertainty in Students

I. V. Lazyuk

*Novosibirsk State Medical University
Novosibirsk, Russian Federation
iren8002@rambler.ru*

Введение. Многочисленные исследования посвящены проблеме влияния толерантности к неопределенности на процесс обучения. Среди них важно отметить исследование W. Owen, R. Sweeney [1], в котором они изучали влияние толерантности к неопределенности на уровень удовлетворенности обучением и на его эффективность. В результате исследований V. M. DeRoma, K. M. Martin, M. L. Kessler обнаружили, что отношение студентов к неопределенности в обучающем процессе влияет на уровень комфорта в обучении и в конечном счете на их успеваемость [2]. С точки зрения Н. Л. Быковой и А. Н. Фоминой [3], будущий специалист должен обладать способностью к эффективному и широкому использованию своих компетенции в ситуациях, выходящих за рамки формальных предписаний. В связи с этим большую актуальность приобретает практика развития и поддержания у студентов толерантности к неопределенности. Исследование G. Geller et al. (выборка составила 13 314 респондентов) также показало, что в основном студенты выражают высокий уровень стресса и низкий уровень толерантности к неопределенности [4]. Результаты исследования A. Weissenstein et al. показывают, что студенты имеют очень низкий уровень толерантности к неопределенности, особенно в отношении открытости для нового опыта и в возможности разрешать проблемы [5]. Н. В. Король пишет, что студенты проявляют себя в большей степени как интолерантные личности, которые тяжело воспринимают ситуации новизны, сложные ситуации, а также неопределенные ситуации, связанные как с выбором, так и с различного рода нестабильностью [6]. Результаты диагностики уровня толерантности к неопределенности в исследовании О. А. Кондрашихиной и И. А. Тихомировой показали, что обследованным

студентам свойственны средний и высокий уровень толерантности к неопределенности, при этом средний уровень толерантности является преобладающим [7].

Цель исследования – выявление уровня толерантности к неопределенности у студентов с применением наиболее распространенных методик диагностики данного конструкта.

Характеристика выборки. В исследования приняли участие студенты Новосибирска, обучающиеся на 1, 2 и 3 курсах. Всего в исследовании приняло участие 148 студентов, из них 25 юношей и 123 девушки. Средний возраст испытуемых $20 \pm 2,2$ года.

Методики исследования: шкала толерантности к неопределенности С. Баднера (версия Г. У. Солдатовой); шкала толерантности к неопределенности С. Баднера (версия Т. В. Корниловой); шкала толерантности к неопределенности Д. МакЛейна (в адаптации Е. Н. Осина); новый опросник толерантности к неопределенности (Т. В. Корнилова).

Выводы. На основании результатов исследования с помощью четырех разных методик установлено, что у студентов преобладают средние показатели уровня толерантности к неопределенности.

Результаты исследования показали также, что наибольший вклад в формирование высоких показателей интолерантности в 90 % случаев оказывают высокие показатели шкалы «Сложность». Высокие баллы по шкале «Новизна» не оказывают влияния на высокие показатели общего балла. В свою очередь, наибольший вклад в формирование низкого общего балла интолерантности к неопределенности (потенциально высокого общего балла толерантности) в 65 % случаев оказывают низкие показатели шкалы «Новизна», т. е. чем более определенной и понятной является ситуация и условия, в которых находится субъект деятельности, тем сильнее проявляется индивидуальная склонность (предрасположенность) рассматривать (оценивать) неопределенные ситуации как желаемые.

Список литературы

1. Owen W., Sweeney R. Ambiguity Tolerance, Performance, Learning, and Satisfaction: A Research Direction. 2002. URL: <http://isedj.org/isecon/2002/242c/ISECON.2002.owen.pdf>.

2. DeRoma V. M., Martin K. M., Kessler M. L. The relationship between tolerance for ambiguity and need for course structure // Journal of Instructional Psychology. 2003. Vol. 30., iss.2. P. 104–109.

3. Быкова Н. Л., Фомина А. Н. Метакомпетенция толерантности к неопределенности как залог успешного профессионального обучения студентов // Высшее гуманитарное образование XXI века: проблемы и перспективы: Сб. материалов X Междунар. науч.-практ. конф. Самара: Изд-во СГСПУ, 2015. С. 76–80.

4. *Geller G., Faden R. R., Levine D. M.* Tolerance for ambiguity among medical students: implications for their selection, training and practice // *Soc. Sci. Med.* 1990. Vol. 31. P. 619–624.

5. *Weissenstein A., Ligges S., Brouwer B., Marschall B., Friederichs H.* Measuring the ambiguity tolerance of medical students: a cross-sectional study from the first to sixth academic years // *N. BMC FamPract.* 2014. Vol. 15 (6).

6. *Король Н. В.* Изучение взаимосвязи временной перспективы личности студентов и толерантности к неопределенности // *Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Сб. материалов IV Междунар. науч. конф. Донецк: Изд-во ДГУ, 2019. С. 292–295.*

7. *Кондрашихина О. А., Тихомирова И. А.* Вербальная и невербальная креативность и толерантность к неопределенности студентов-психологов // *Вестник Омского университета. Серия «Психология».* 2020. № 1. С. 46–52.

**Бедный художник «Х» (икс) –
неопределённость в мире актуального искусства**

Е. Л. Малков

*Независимый исследователь
Новосибирск, Россия*

Poor Artist “X” – Uncertainty in the World of Actual Art

E. L. Malkov

*Independent researcher
Novosibirsk, Russian Federation*

Мы хотим любви и хотим избежать страданий – естественные желания, которые объединяют абсолютно всех чувствующих существ.

Мы готовы страдать, преодолевать трудности и ненавидеть, чтобы добиться желаемого.

Свежеиспеченный талантливый мастер искусства находит любовь и реализацию в чистом творчестве и признании его окружающими. Голодным художником быть стереотипно приятно, но пирамида потребностей по Маслоу указывает, что путь на вершину невозможен без первой ступени.

Вот мой чистый, белый холст! Я – художник. Я всматриваюсь в этот мир, через пелену своего сознания, чтобы оставить слепок мгновения. Моя жизнь – короткий миг, и если я не сделаю выдох и не нанесу краску на холст, он так и останется пуст. Нет действия – нет ответа, нет резонанса, нет движения, значит, нет жизни.

Скорее всматриваюсь в мир...

Поток мыслей, сливаясь с информационным, подстёгивает автора, берёт вкладывает в руку творца кисть и, торопясь, словно заскакивая в последний вагон, наносит удар.

Смотрим на готовую работу.

Актуально?

Но что значит «актуально» применительно к искусству? Чем это отличается от определения «современно»?

«Актуальное» заставляет современного человека увидеть связь искусства с его жизнью и благодаря этому поддерживает интерес, интригует и очаровывает, удовлетворяет его потребность в пище для ума и сердца. «Современное» использует последние наработки в отношении реализации

художественно-эстетического замысла. Также это непосредственно отсылает нас ко времени создания того или иного «продукта» культуры.

Вспоминаем про голод художника и пытаемся его покормить и делаем реверанс в сторону покупателя.

В информационном поле масса способов продвинуть свой «банан на скотче»: выставочные пространства, сообщества, маркетинг продвижения в Инстаграм, ВК и др. социальных сетях, аукцион...

«Когда вы решаете купить картину или скульптуру, ваши восторги, страхи, надежды немного напоминают влюблённость. Сначала вы, может быть, видите ее в репродукции или на страницах выставочного каталога, или в Интернете. Вы долго смотрите на нее, не в силах оторваться, а потом мысленно возвращаетесь к ней снова и снова. Затем отправляетесь увидеть “вживую”. Осязаемая, во плоти, она оправдывает ожидания, которые вы связывали с фотографией. Вы не в силах думать ни о чем ином... А когда вы появитесь в аукционном зале, чтобы забрать “возлюбленную” домой, вам будет казаться, что все присутствующие вознамерились увести её у вас из-под носа, вас охватывает отчаяние...»

Ф. Хук «Завтрак у Sotheby's».

Дамы и господа!

При проведении аукциона, я буду использовать молоток, ударом которого я буду фиксировать поступившее от участника аукциона предложение о цене лота, повышение шага аукциона в связи с новым предложением о цене лота и окончание аукциона! Предложение участника аукциона о цене контракта не принимается, если оно поступило после удара молотка аукциониста!

Внимание господа!

Начинаем:

аукцион № ИКС,

лот № ИКС,

наименование лота: «Бедный художник ИКС»!!

Три «X» (икс) – «XXX – Римская «тридцатка»? XXX – Размер для шикарных дамочек? XXX – Увлекательный боевик? XXX – Запретное «клеймо»? XXX – Значок «клубнички»? XXX – «До встречи, целую!». XXX – уравнение из трёх неизвестных?

Господи, помоги разобраться в информационном шуме...

В соответствии с установками гендерного равенства человек, например, может свободно выбирать мужской, женский или иной пол-гендер, и по его желанию ему в паспорт и иные личные документы должны записать, что он – не мужчина, а женщина или «X» (вариант «не установлен»), как, например, в Австралии, где подобный закон вступил в силу 1 июля 2013 г.

Стоп! Здесь я снова беру паузу, т. к. мой ум требует переосмысления и проглатывания информации:

«А я грешным делом, сам в себя влюблён,
Всё на свете предал, продал, прожил, прожевал и вышел вон.
Опять иду не в ногу, живу не по резьбе,
Опять молось не богу...»

Гр. Ильвинги «Не ко мне на свет летят»

Вот мой холст, на нём «ничто», я снова пытаюсь найти ему оправдание:

Читаю «Манифест метамодерниста» (Metamodernist Manifesto) Люка Тёрнер (2011) и, кажется, снова понимаю смысл происходящего, но в первом же пункте меня отбрасывают от моего привычного хода мыслей:

Пункт № 1 «Мы признаем, что колебания – естественный миропорядок»

«Балять мои крылья!»

Непроизвольно загудел в голове голос Дона Хуана, нависшего над Карлосом:

«Нагваль – это та часть нас, для которой нет никакого описания – ни слов, ни названий, ни чувств, ни знаний. Нагваль же всегда к услугам война и его можно наблюдать, но о нем невозможно сказать словами. Нагваль там, где обитает сила. В момент рождения и некоторое время спустя мы являемся целиком нагвалем. Затем мы чувствуем, что для нормальной деятельности нам необходима противоположная часть того, что мы имеем. Тональ отсутствует, и это дает нам с самого начала ощущение неполноты. Затем тональ начинает развиваться и становится совершенно необходимым для нашего существования. Настолько необходимым, что затеняет сияние нагвала, захлестывает его.

С момента, когда мы целиком становимся тоналем, в нас все возрастает наше старое ощущение неполноты, которое сопровождало нас с момента рождения. Оно постоянно напоминает нам, что есть еще и другая часть, которая дала бы нам целостность».

Вот мой чистый, белый холст! Я вдохновлён открытым передо мной бескрайним пространством, в котором возможно всё. Как учили меня мастера тибетской тханки, каждое движение на едином выдохе, как удар фехтовальщика в бою...

Я вижу, как полководец Кусуноки Масасигэ пришел в дзенский монастырь Хего перед сражением в Минатогава с превосходящими силами Асикага Такаудзи и спросил учителя:

«Вот человек стоит на распутье между жизнью и смертью. Как ему себя вести?»

«Пресеки свою двойственность и пусть “один меч” сам стоит спокойно против неба!»

Что означает: «Отруби две головы, и пусть один меч будет безучастно уставлен против неба!». Этот абсолютный «один меч» не есть меч жизни или смерти – это меч, из которого исходит этот мир двойственности и в котором все двойственности обладают своим бытием.

Это сам Вайрочана Будда. Держа его, вы узнаете, как вести себя там, где расходятся пути.

«А мир говорит

Как ты можешь быть так спокоен?

Надвигается шторм, который

разорвёт Саму суть бытия

А я говорю – Мир, ты не понял

Да, надвигается шторм

Шторм – это я»

БГ «Не судьба»

Вывод:

Находясь в постоянно изменчивом потоке, на базе которого сознание пытается выстроить понятный миропорядок, будь я художник, военный, врач-косметолог или алкоголик, неопределенность будет моей родной матерью. Её молоко – бессознательное будет впитываться мной с чувством бесконечного голода. Моя плоть будет расти на этом молоке, строить хрупкую реальность, ломаться и превращаться в прах и тело моей родной матери – неопределённости.

Любить и принимать свою мать единственный выход, который даст возможность вдохновенно строить сиюминутную реальность, постоянно меняя её и вдохновляя своим видением.

Как отвечать на эпидемические кризисы и исследовать здоровье, а не болезнь: ресурс экзистенциальной психологии

Е. В. Нехорошева, Д. А. Касаткина

*Московский городской педагогический университет
Москва, Россия
nehoroshevaev@mgru.ru*

How to Respond to the Healthcare Crisis and Study Wellbeing, Not the Disfunctions: An Existential Psychology Resource

E. V. Nekhorosheva, D. A. Kasatkina

*Moscow City Pedagogical University
Moscow, Russian Federation
nehoroshevaev@mgpu.ru*

Введение. Пандемия и ее последствия – это наша новая реальность. Помимо того, что COVID-19 представляет угрозу для жизни и здоровья людей, пандемия и ее последствия негативно сказываются на субъективном благополучии и психическом здоровье. Зарубежные исследователи подчеркивают, что как сама пандемия, так и последствия карантина и самоизоляции могут привести к мировому психологическому кризису, т. е. к таким массовым психологическим реакциям среди больших слоев населения, для устранения которых потребуются системные государственные и даже международные меры [1; 2].

Психологические последствия пандемии. В психологическом смысле наиболее затронуты пандемией были те, кто непосредственно столкнулся с болезнью: врачи и медицинский персонал [2]; люди, заразившиеся и переболевшие COVID-19 [3; 4]; те, кто были на карантине [5]. Так, занятые в системе здравоохранения, помимо увеличения депрессивных, тревожных, обсессивно-компульсивных и посттравматических расстройств, пережили стигматизацию и отчужденность [6; 7].

Те, кто не имел непосредственного контакта с заболевшими, инфекцией и ее последствиями, также столкнулись с негативными психологическими переживаниями. Так, в исследованиях психологического благополучия граждан Китая, Индии, Ирана и других стран азиатского региона было выявлено возникновение чувств социальной уязвимости, роста тревожных и депрессивных реакций, усиление бессонницы и других соматических симптомов [7].

В исследовании психологического благополучия жителей московского региона, проведенного нами в период пикового роста инфицирования населения и выхода на «плато»¹, фокус внимания был направлен не столько на негативные психологические последствия и нарушения, сколько на чувство субъективного благополучия и факторы, его поддерживающие. Психологическое благополучие понималось, с точки зрения экзистенциальной психологии, как внутреннее согласие с миром и его данностями, с жизнью и отношениями, с собой и со смыслами и возможным будущим. Этот показатель измерялся с использованием теста экзистенциальных мотиваций в апробации В. Б. Шумского и коллег [8].

Среди москвичей и жителей московской области, не столкнувшихся непосредственно с заболеванием, уровень субъективного благополучия был на достаточно высоком уровне и соотносился с данными «допандемического» периода, полученными в ходе стандартизации методики. Этому способствовали такие условия жизни, как отсутствие клинически диагностированных психических расстройств, средний или высокий доход, наличие работы. Данные подтверждаются результатами зарубежных исследований, где наличие ранее диагностированных психических заболеваний, низкий уровень дохода или экономически уязвимое положение часто связаны с проявлениями тревожности, психосоматики и депрессии в связи с пандемией [4]. Нами также показано, что зависимость благополучия от условий жизни не является определяющей даже в эпидемиологические кризисы. Исследования свидетельствуют о значимости внутренних факторов – способности находить смысл в своей жизни [9; 10]; чувства фундаментального доверия [11]; наличия здоровых отношений и самопринятия [12].

Тем не менее, при разном сочетании внутренних / внешних факторов возникает потребность в укреплении и поддержании благополучия. В качестве внешних поддерживающих факторов помимо организации режима труда и отдыха, соблюдения личной безопасности многие авторы отмечали доступ к помощи и возможность получить ее.

Психологическая помощь во время пандемии как фактор устойчивости. Особенно важной представляется психологическая помощь для эмоционально уязвимых групп (люди пожилого возраста, дети, члены семьи заболевших COVID-19) и тех, кто сам работает в помогающих профессиях. Помимо медицинских сотрудников речь идет о психологах, социальных работниках и учителях. Данные профессии связаны с большими нагрузками и высоким риском эмоционального выгорания. На пике пандемии многие учителя и психологи были вынуждены работать сверхурочно

¹ <https://ria.ru/20200708/1574017698.html>

из-за особенностей дистанционного обучения и большого количества обращений за психологической помощью и педагогической поддержкой.

Становится очевидным, что помимо индивидуальной психологической помощи важно выстроить систему поддержки специалистов помогающих профессий или работающих «на передовой». Элементами систематической помощи могут быть регулярный мониторинг уровня тревожности, стресса и выгорания у специалистов; регулярные запланированные кратковременные контакты с психологом или иным специалистом в области душевного здоровья, групповые встречи или занятия по проработке тревоги и негативных чувств [3]. Особенно ценным представляются групповые занятия, поскольку участники встречи могут не только поделиться болезненными чувствами, но и пережить сопричастность и близость, что является профилактикой отчужденности и стигматизации.

Опыт оказания психологической поддержки педагогам и психологам московской системы образования. Для поддержания школьных психологов и педагогов Москвы незадолго до начала самоизоляции и во время всего периода действия ограничительных мер нами разработан и проведен цикл встреч по работе с негативными чувствами.

Всего было проведено семь тематических встреч. Встречи проходили в смешанном формате самопознания, введения нового содержания и его феноменологической обработки при соотнесении с личным опытом. Ключевое – работа с переживаниями, которые по сути носят защитный характер, но из-за своей интенсивности или болезненности переживаются личностью как проблема [13]. Были персонально исследованы чувства страха, обиды, стыда, агрессии, зависти, ревности, а также предвестники депрессии истощения и способов обхождения с ними.

Каждая встреча состояла из нескольких теоретических частей, раскрывающих биологический, социальный и персональный смысл переживания; его защитные и блокирующие проявления; методы работы с неконструктивными аспектами чувства. Участникам предлагалось поделиться своим опытом и переживаниями о том, как они проживают то или иное негативное чувство, в каких ситуациях они наиболее часто возникают, как сами спонтанно обходятся с ними. По завершении участникам предлагались рекомендации по конструктивному обхождению со своими негативными чувствами. Последняя встреча по теме эмоционального выгорания была проведена 22 мая 2020 г. в рамках проекта «Педагогическая перезагрузка» МГПУ и набрала свыше 80 участников из числа педагогов и психологов Москвы.

В результате проведенных встреч школьные педагоги и психологи Москвы не только смогли познакомиться со своими чувствами и их смыслом, но и обратиться к ресурсам, которые несут чувства. Важно то, что психологи и педагоги имели возможность говорить о своих чувствах и открыто

выражать их в момент максимальной социальной и психологической напряженности.

Список литературы

1. *Satici B. et al.* Intolerance of Uncertainty and Mental Wellbeing: Serial Mediation by Rumination and Fear of COVID-19 // *International Journal of Mental Health and Addiction*. 2020.
2. *Zhang W. R. et al.* Mental Health and Psychosocial Problems of Medical Health Workers during the COVID-19 Epidemic in China // *Psychotherapy and Psychosomatics*. 2020.
3. *Inchausti F. et al.* Psychological Intervention and COVID-19: What We Know So Far and What We Can Do // *Journal of Contemporary Psychotherapy*. 2020.
4. *Rajkumar R. P.* COVID-19 and mental health: A review of the existing literature // *Asian Journal of Psychiatry*. 2020. Vol. 52.
5. *Brooks S. K. et al.* The psychological impact of quarantine and how to reduce it: rapid review of the evidence // *The Lancet*. 2020. Vol. 395, no. 10227. P. 912–920.
6. *Bo H. X. et al.* Posttraumatic stress symptoms and attitude toward crisis mental health services among clinically stable patients with COVID-19 in China // *Psychological Medicine*. 2020.
7. *Talevi D. et al.* Mental health outcomes of the CoViD-19 pandemic // *Rivista di psichiatria*. 2020. Vol. 55, no. 3. P. 137–144.
8. *Shumskiy V., Osin E., Ukolova E.* Psychometrics in pursuit of existence: A new version of the Test of Existential Motivations // *Existenzanalyse*. 2017. № 2 (34). P. 128–138.
9. *Batthyany A., Russo-Netzer P.* Meaning in positive and existential psychology. Springer New York, 2014. 467 p.
10. *Hoffman L.* Existential–Humanistic Therapy and Disaster Response: Lessons From the COVID-19 Pandemic // *Journal of Humanistic Psychology*. 2020.
11. *Trzebiński J., Cabański M., Czarnecka J. Z.* Reaction to the COVID-19 Pandemic: The Influence of Meaning in Life, Life Satisfaction, and Assumptions on World Orderliness and Positivity // *Journal of Loss and Trauma*. 2020.
12. *Heath C., Sommerfield A., Ungern-Sternberg B. S. von.* Resilience strategies to manage psychological distress amongst healthcare workers during the COVID-19 pandemic: a narrative review // *Anaesthesia*. 2020.
13. *Laengle A.* Existential questions and personal answers. 2020.

Взгляд в будущее из самоизоляции*

В. В. Нуркова, А. А. Гофман

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Москва, Россия*

Nourkova@mail.ru, gofmanalena@gmail.com

Looking at the Future through the Lens of Self-Isolation

V. V. Nourkova, A. A. Gofman

*Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation*

Nourkova@mail.ru, gofmanalena@gmail.com

В современном интеллектуальном пространстве неопределенность будущего трактуется преимущественно в позитивном ключе, как производное от вариативности и открытости индивидуальных жизненных траекторий. В качестве атрибутов нашего времени А. Г. Асмолов (2015) указывает полифоничность, ускорение изменений, мобильность, текучесть, разнообразие, сложность, гетерогенность, нелинейность, многомерность [1]. В связи с этим задачей прогрессивного развития личности мыслится культивирование готовности к вызовам сложности неопределенного будущего [2], а толерантность к неопределенности как устойчивая личностная черта рассматривается в качестве предиктора разноплановых достижений, в том числе креативности [3]. Однако объявление пандемии КОВИД-19 и последовавшее за ним введение строгих карантинных мер переформулировали проблему неопределенности будущего по-иному, переведя её в контекст безальтернативности, схлопывания горизонтов активности, рутинизации, иммобилизации, гомогенизации доступной среды. Вынужденная самоизоляция поставила вопрос о субъективном контуре общего и частного будущего в подобных обстоятельствах и о потенциале совладания со сложившейся ситуацией «новой неопределенности».

В интернет-опросе приняли участие 199 респондентов в возрасте от 18 до 76 лет, средний возраст 37.98 (14.82), 136 женщин. Респондентов просили назвать по три наиболее вероятных события будущего в национальном и мировом масштабе, датировать их и оценить ожидаемую интенсивность влияния каждого события на респондента (по 5-балльной шкале). Сбор данных осуществлялся в период с 20.04.2020 до 20.05.2020 на плат-

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 19-29-07069.

форме Qualtrics в рамках более обширного исследования, посвященного когнитивным и эмоционально-мотивационным аспектам функционирования человека в период пандемии КОВИД-19¹.

При анализе содержательной номенклатуры коллективного образа будущего (КОБ) нами было эмпирически выделено 19 категорий. В качестве периферических элементов КОБ далее рассматривались события, частота упоминания которых превысила 4 %, т. е. не менее 8 раз. К ядру КОБ мы отнесли те события, которые встречались более чем в 20 % протоколов, т. е. более 40 раз (о логике обработки данных см. [4]).

Прежде всего, обратим внимание на то, что наиболее частотными и преодолевшими классификационный рубеж ядра КОБ оказались всего два прогнозируемых события – «бедность, безработица» (32.7 %) и «экономический кризис» (30.7 %). Наступление данных событий ожидается респондентами уже в 2020 г. и связывается с крайне негативным влиянием на их частную жизнь. В состав периферии КОБ вошли: «война, бунты» (16.6 %), «конец карантина» (15.6 %), «дистанционное образование / работа» (13.1 %), «открытие границ» (12.6 %), «повторное закрытие границ» (12 %), «изменение Конституции РФ» (12 %), «разработка вакцины» (11.6 %), «изменение системы здравоохранения» (10.6 %), «вторая волна КОВИД» (10.6 %), «конец пандемии» (10 %), «усиление авторитаризма власти» (10 %), «рост гуманистических ценностей» (7 %), «выборы президента США» (6.5 %), «рост преступности» (6 %), «природные катаклизмы» (4.5 %), «празднование 75-летия Победы» (4.5 %) и «улучшение экологии» (4 %). Из 19 категорий событий 9 являются однозначно негативными, 8 – позитивными, 2 – относительно нейтральными. Самыми негативными событиями будущего видятся «безработица, бедность» и «рост преступности», а самыми позитивными – «разработка вакцины» и «конец карантина». Интересно, что на уровне группового анализа наблюдается нейтрализация общей эмоциональной оценки будущего, значение среднего приближается к нулю (–0.182). Показателен также факт крайне короткой временной перспективы – респонденты ожидают наступления указанных ими событий в течение ближайшего года. Лишь 14 событий датированы периодом после 2024 г.

Индивидуальные характеристики респондентов показали значимую связь ряда переменных с прогнозом влияния ожидаемых событий на личное благополучие. Разделение респондентов на три группы и проведение дисперсионного анализа показали, что наиболее позитивно роль событий будущего в личной жизни оценивают респонденты с высоким доходом ($F = 5.653$, $p = .004$), рассматривающие свой опыт самоизоляции как позитивный ($F = 7.014$, $p = .001$), разделяющие самоизоляцию с одним партне-

¹ См.: http://koc.ca1.qualtrics.com/jfe/form/SV_eOOIO4JEp0WIwg5

ром ($F = 4.531, p = .012$), мало озабоченные состоянием своего здоровья до наступления пандемии ($F = 3.730, p = .026$) и оптимистично настроенные как относительно тотальности заражения КОВИД ($F = 6.930, p = .001$), так и срока перехода пандемии в контролируемый режим ($F = 4.518, p = .012$). Были выявлены связи между самоотчетной частотой ($F = 3.744, p = .025$), эмоциональной насыщенностью ($F = 5.382, p = .005$) и негативностью ($F = 3.988, p = .02$) произвольных воспоминаний о событиях пандемии и размышлениях о её последствиях ($F = 2.728, p = .05$) с благополучным личным прогнозом на будущее.

Таким образом, сужение и негативизация временной перспективы как закономерная реакция на ситуацию пандемии могут быть существенно смягчены за счет субъективного усиления позитивной значимости текущего момента.

Список литературы

1. *Асмолов А. Г.* Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 40. С. 1. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения 12.08.2020).
2. *Леонтьев Д. А.* Вызов неопределенности как центральная проблема психологии личности // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 40. С. 2. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения 08.08.2020).
3. *Корнилова Т. В.* Психология неопределенности: единство интеллектуально-личностной регуляции решений и выборов // Психологический журнал. 2013. Т. 34, № 3. С. 89–100.
4. *Нуркова В. В.* Жизнь – инструкция по применению: результаты графической экспликации Культурного Жизненного Сценария // Международный журнал исследований культуры. 2018. Т. 30, № 1, С. 55–73.

Нейроразнообразие как парадигма и как контркультура*

Н. С. Первушин

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
nickd17@yandex.ru*

Neurodiversity as a Paradigm and as a Counterculture

N. S. Pervushin

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation
nickd17@yandex.ru*

Нейроразнообразие подразумевает, что различия в устройстве мозга означают различия в мировосприятии, мышлении, поведении и пр. Этот тезис не вызывает существенных споров, но значительно трансформирован в парадигме нейроразнообразия. Ее сторонники считают: то, что в современной психиатрии принято считать патологиями, требующими особого лечения и ухода, является лишь социальным конструктом. Аутизм выступает не как болезнь, а как особенность, которую не нужно корректировать. Инвалидность существует не в медицинском, а в социальном смысле: человеку с нейроразличным мозгом трудно жить в нейротипичном мире. Хотя очевидна неоднозначность данной парадигмы, она набирает популярность и начинает внедряться в официальную повестку. Например, в США «Акт о борьбе с аутизмом» был переименован в «Акт заботы об аутизме»; создан межведомственный координационный комитет по аутизму, состоящий из сторонников парадигмы нейроразнообразия (преимущественно самих аутистов); активно критикуется организация «Autism Speaks», занимающаяся разработкой «лекарства от аутизма» и транслирующая парадигму патологии.

Рассмотрим парадигму нейроразнообразия на двух уровнях: теоретическом и практическом. Идеи парадигмы нейроразнообразия близки к основам движения антипсихиатрии, которое рассматривает существующую психиатрию как форму насилия (Р. Лэнг, М. Фуко, Д. Кулер, И. Гофман и др.). Плюрализм представлений и зыбкость норм созвучны постмодернистским и постструктуралистским концепциям Ж. Бодрийяра, З. Баумана

* Выполнено при поддержке РФФИ, проект № 18-013-00925.

и Ж.-Ф. Лиотара. Во многом парадигма нейроразнообразия и ее все большая востребованность – порождение популярных современных социальных теорий, а не следствие научного вывода (сейчас мы не можем точно сказать, болезнь аутизм или нет; нет точной информации о его генезисе; мы не можем сказать, насколько аутизм определяет личность человека; кому нужна медицинская помощь, а кому она только вредит, и пр.). Социальные движения в защиту женщин, расовых и национальных меньшинств, прав ЛГБТ-сообщества проделали большой путь от дискриминации к равноправию. Но могут ли нейроотличные пройти тот же путь? Сама парадигма нейроразнообразия содержит в себе логические противоречия. Это отмечает А. Фёдоров, рассматривая аутизм в «оптике постмодернистской постнекласики». Лингвистический конструкт «нормальный мозг» не тождественен конструкту «нормальный пол» или «нормальная раса»; невозможно рассматривать все формы нейроразнообразия как равноправные с точки зрения функционирования (например, умственная отсталость); невозможно рассматривать любое вмешательство как вредное и разрушительное априори [1].

Парадигма нейроразнообразия сегодня – скорее социокультурный конструкт. Её ведущие идеологи – аутисты, которые встроены в нейротипичный мир: имеют образование и профессию, развивают карьеру; у некоторых есть супруги и дети. При этом они считают, что представляют интересы всего угнетаемого нейроотличного сообщества, хотя многие его представители нуждаются в постоянной помощи, не могут получить образование и работу и пр. Востребованных в нейротипичном мире аутистов задевает и массовая культура (сериалы «Доктор Хаус», «Хороший доктор», «Шерлок», «Мост» и пр.). Распространяются теории о том, что гениальные деятели прошлого были аутистами (Микеланджело, Леонардо да Винчи, Альберт Эйнштейн, Моцарт и др.). Создается искаженный и идеализированный образ аутистов как ярких и необычных индивидуалистов, обладающих выдающимися интеллектуальными способностями. В современном мире актуальны идеи специфичности, внесистемности, уникальности взгляда на происходящее и индивидуализации, поэтому объяснима популярность упомянутых художественных образов.

Рассматривая практические аспекты движения за нейроразнообразие, стоит остановиться на культурных аспектах данного сообщества. По мнению исследователей, можно говорить о существовании аутичной культуры, характерными чертами которой являются идентичность, язык, символика, коммуникативные предпочтения и праздничные дни [2]. Следует сказать, что авторы анализируют скорее встроенных в нейротипичный мир нейроотличных людей. Нельзя сказать, что описанная культура охватывает всех людей с РАС. Скорее это культура нейроразнообразия, ядром которой и являются встроенные в нейротипичный мир аутисты (хотя далеко не все

встроенные в нейротипичный мир аутисты разделяют парадигму нейроразнообразия). Еще важнее то, что это не просто культура нейроразнообразия, а контркультура, направленная на критику и изменения в доминирующей культуре с ее нормами и ценностями.

Аутисты, поддерживающие движение за нейроразнообразие, предпочитают называть себя «аутистами», а не «человек с аутизмом». Для них аутизм – базовая характеристика их идентичности, определяющая их мышление и поведение, а не медицинская проблема [3]. При этом они считают, что нужно изменять общественное устройство, а не просто создавать условия для встраивания нейроотличных в нейротипичный мир. Используются множество терминов, которые делают акцент не на внутренней составляющей культуры, а на ее противопоставлении с нейротипичной (аллист, эйблизм, дискриминация, сегрегация, нейроотличный и пр.). Их символика и лозунги полны противопоставлений («Это кот, а не неправильная собака») и имеют общие черты с ЛГБТ-движением, путь которого к равноправию и толерантности со стороны общества – возможный идеал для движения нейроотличных. Даже официальный день информирования об аутизме (2 апреля) воспринимается внутри культуры скорее в негативном ключе, поэтому основные праздники для них – месяц принятия аутизма (апрель) и день гордости (18 июня).

Выраженная критическая направленность культуры нейроразнообразия и ее противопоставление нейротипичной культуре имеет ряд объяснений. Структуралист М. Дуглас рассматривала новые элементы в культуре («грязь») как опасность для разрушения устоявшихся когнитивных схем и как силу, которая может привести к развитию общества [4]. Изначально общество стремится тем или иным способом избавиться или не замечать эти чуждые элементы, которые грозят его стабильности. Вероятно, нейроотличные чувствуют это игнорирование и нежелание воспринимать их как «нормальных, но по-другому», поэтому понятен их критический настрой. Американский и европейский опыт показывает, что более активное отстаивание своих прав и свобод приводит к большим последствиям. Кроме того, аутисты ощущают угрозу возможного разрушения своей личности и ее меньшую необходимость обществу, поскольку идет разработка лекарства от аутизма и способов определения нейротипичности на ранних стадиях беременности.

Список литературы

1. Федоров А. А. Аутизм в оптике постмодернистской постнеклассики: критический взгляд // Современные проблемы психологии и психологии личности. 2018. С. 120–125.

2. *Викторук Е. Н., Минеев В. В., Гох А. Ф.* Проблема статуса аутичного сообщества и признаки наличия аутичной культуры // Ценности и смыслы. 2018. № 3 (55). С. 79–92.

3. *Ортега Ф.* Нейрологические идентичности и движение за нейроразнообразии // Социология власти. 2020. № 32 (2). С. 125–156.

4. *Дуглас М.* Чистота и опасность: анализ представлений об осквернении и табу. М.: Канон-Пресс-Ц, 2000.

**Переживание пандемии COVID-19
и толерантность к неопределенности**

О. Н. Первушина, А. А. Фёдоров, Е. А. Дорошева

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
olgap7@yandex.ru, fedleks@yandex.ru
elena.dorosheva@mail.ru*

**The Experience of the COVID-19 Pandemic
and Tolerance to Uncertainty**

O. N. Pervushina, A. A. Fedorov, E. A. Dorosheva

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation
olgap7@yandex.ru, fedleks@yandex.ru
elena.dorosheva@mail.ru*

Имеющиеся исследования показывают, что коронавирусная угроза воспринимается как мощный стрессовый фактор, влияющий на психологическое благополучие и психическое состояние людей [1]. Имеются указания на значимость фактора неопределенности в сложившейся ситуации. «Хотя психиатрические последствия COVID-19 ещё систематически не изучены, очень вероятно, что пугающий опыт вирусной пандемии, дополняемый чувством неопределённости и распространением дезинформации через социальные сети, нанесёт колоссальный урон психическому здоровью тех, кто лично столкнётся с болезнью, их родственников и свидетелей этого момента» [2]. В период пандемии люди реагируют на неопределённость сложившейся ситуации, на потерю контроля над собственной жизнью, собственным временем.

Мир переживает уникальную ситуацию всеобщего эксперимента, в котором участвует все человечество. Человечество находится под влиянием единого фактора – вируса COVID-19. При этом необходимо отметить разные способы ее переживания и разные стратегии поведения в разных странах, у различных социальных групп и у разных индивидуумов.

Ситуация пандемии как частный очень яркий случай ситуации неопределенности погружает человека в специфические психологические состояния, связанные с переживанием неопределенности и выработкой стратегий поведения. Получается, что толерантность к неопределенности может выступить одним из психологических ресурсов, которые позволяет лучше

справляться со сложившейся ситуацией, часто характеризующейся повышением не только неопределенности, но и тревоги, страха, растерянности и пр.

Цель данного исследования – описание первых реакций людей на ситуацию пандемии, описание их переживаний, отношение к ограничительным мерам и проверка наличия либо отсутствия связи между отношением человека к неопределенности. Для изучения восприятия коронавирусной инфекции COVID-19 и его связи с толерантностью к неопределенности нами был проведен опрос, охвативший 2 837 респондентов. Они отвечали на ряд вопросов, касающихся того, как они переживают ситуацию, связанную с COVID-19. Кроме этого, им был предложен опросник Multiple Stimulus Types Ambiguity Tolerance – II (MSTAT-II), разработанный Д. Маклейном и адаптированный в России Д. А. Леонтьевым с соавторами.

Характеристики выборки. Выборка включала 2 837 человек (69,5 % женщин, 30,5 % мужчин) от 17 лет до 81 года ($M = 25,8$, $SD = 11,06$).

В эмоциональном фоне респондентов доминируют эмоции *страха, раздражения, тревоги*. Наиболее сильными эмоциями являются *раздражение* (18 % ответов в категории «очень сильная эмоция») и *скука* (19 % ответов в категории «очень сильная эмоция»).

Толерантность к неопределенности оказалась отрицательно связана со всеми негативными эмоциями: страхом, гневом, раздражением, тревогой, отчаянием и пр.

Чем ниже толерантность к неопределенности, тем более отрицательным является эмоциональный фон, связанный с пандемией коронавирусной инфекции. Интересно, что толерантность к неопределенности имеет слабую положительную связь с такими эмоциями, как удовольствие, счастье и восторг. Иными словами, эти данные позволяют рассматривать толерантность к неопределенности не только как ресурс, который уменьшает негативные переживания в сложившейся ситуации, но и позволяет увидеть в ней обстоятельства, способствующие определенным положительным переживаниям.

Чем моложе респондент, тем сильнее у него выражена эмоция скуки ($r_s = -0,332$, $p < 0,001$). У респондентов возрастной группы 17–25 лет скука выражена сильнее, чем у остальных групп ($p_{K-W} < 0,001$). Парное сравнение тестом Дуосса – Стилла – Критчлоу – Флингера (DSCF test) подтверждает этот вывод. Также у респондентов этой возрастной группы сильнее выражена такая эмоция, как *любопытство*.

Особый интерес представляют ответы людей из наиболее уязвимой для коронавируса возрастной группы (старше 65 лет). Наиболее интенсивной эмоцией у них является тревога ($M_o = 5$), при этом нельзя утверждать, что в этом плане они отличаются от других групп ($p_{K-W} = 0,669$). Однако отметим, что это единственная возрастная группа, в которой самый популяр-

ный ответ для эмоции тревоги относится к категории «5» («очень сильная эмоция»).

Полученные данные показали, что у женщин несколько интенсивнее практически все «отрицательные» эмоции (страх, гнев, раздражение, тревога, отчаяние, грусть), а у мужчин несколько интенсивней такие эмоции, как скука и восторг.

Также у мужчин выше, чем у женщин, толерантность к неопределенности ($t = 13,0, p < 0,001$). Возможно, именно с этим связано то, что для них характерны менее интенсивные отрицательные эмоции.

Можно отметить, что чем выше толерантность к неопределенности, тем меньше страх заболеть COVID-19 ($r_s = -0,176, p < 0,001$) и тем меньше изменилось обычное поведение человека в связи с пандемией коронавирусной инфекции ($r_s = -0,125, p < 0,001$).

В отношении доверия к источникам информации наибольшим доверием пользуются научные статьи (Mdn = 73 %, Mo = 80 %) и мнение известных специалистов в данной области (Mdn = 70 %, Mo = 50 %), а наименьшим – мнение окружающих людей (Mdn = 20 %, Mo = 0 %) и центральное телевидение (Mdn = 30 %, Mo = 0 %). Женщины больше, чем мужчины, доверяют центральному телевидению ($p < 0,001$), официальным сообщениям ($p < 0,001$), научным статьям ($p < 0,047$) и мнению известных специалистов в данной области ($p < 0,001$).

Эти данные полностью согласуются с данными, полученными другими исследователями. Обладание точной адекватной информацией приводит к уменьшению стресса, тревоги, депрессии [3; 4]. При этом использование социальных сетей влияет на повышение уровня тревожности, страха и беспокойства [3]. Состояние людей улучшается, если они получают информацию из достоверных, с их точки зрения, источников. К таковым относится информация, полученная из уст ученых и медиков [5; 6].

Интересно, что толерантность к неопределенности имеет слабую, но значимую отрицательную связь с доверием ко всем источниками информации. По-видимому, чем выше толерантность к неопределенности, тем спокойнее человек относится к самой разной, в том числе противоречивой, информации, не сильно доверяя ей, а скорее накапливая различные позиции, мнения, факты, пополняя собственную базу данных, чтобы в какой-то момент прийти к формированию и оформлению собственного мнения, решения.

Список литературы

1. *Banerjee D.* The COVID-19 outbreak: Crucial role the psychiatrists can play // *Asian Journal of Psychiatry.* 2020. Vol. 50. P. 102014. DOI 10.1016/j.ajp.2020.102014

2. *Naguy A., Moodliar-Rensburg S., Alamiria B.* Coronaphobia and chrophobia – A psychiatric perspective // *Asian Journal of Psychiatry*. 2020. Vol. 51. P. 102050.

3. *Wang C., Pan R., Wan X., Tan Y., Xu L., Ho C., Ho R.* Immediate Psychological Responses and Associated Factors during the Initial Stage of the 2019 Coronavirus Disease (COVID-19) Epidemic among the General Population in China // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2020. Vol. 17. P. 1729. DOI 10.3390/ijerph17051729

4. *Mustafa N.* Psychological Stress and Associated Factors during the Coronavirus Disease (COVID-19). 2020. DOI 10.13140/RG.2.2.21652.24969

5. *Yuan S., Liao Zh., Huang H., Jiang B., Zhang X., Wang Y., Zhao M.* Comparison of the Indicators of Psychological Stress in the Population of Hubei Province and Non-Endemic Provinces in China During Two Weeks During the Coronavirus Disease 2019 (COVID-19) // *Medical science monitor*. 2020. Vol. 26. P. e923767-1 – e923767-10. DOI 10.12659/MSM.923767

6. *McFadden S. M., Malik A. A., Aguolu O. G., Willebrand K. S., Omer S. B.* Perceptions of the adult US population regarding the novel coronavirus outbreak // *PLoS ONE*. 2020. Vol. 15, no. 4. P. e0231808. DOI 10.1371/journal.pone.0231808

**Индивидуальность матери
при взаимодействии с ребенком с РАС ***

О. Н. Первушина ¹, Н. С. Дулина ²

¹ *Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

² *Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия*

olgap7@yandex.ru, natalie.d3615@gmail.com

**Individuality of the Mother
in Interaction with a Child with ASD**

O. N. Pervushina ¹, N. S. Dulina ²

¹ *Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

² *St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russian Federation*

olgap7@yandex.ru, natalie.d3615@gmail.com

Развитие ребенка, в том числе ребенка с РАС, происходит в процессе взаимодействия с матерью, которая сталкивается с большими трудностями, связанными с особенностями такого ребенка [1]. Эти особенности касаются всех сфер психической организации ребенка, поэтому РАС сегодня включаются «в группу первазивных, т. е. всепроникающих, расстройств, проявляющихся в аномальном развитии всех областей психики: интеллектуальной и эмоциональной сфер, сенсорики и моторики, внимания, памяти, речи» [2].

Особенности сенсорно-перцептивной организации при РАС оказывают большое влияние на взаимодействие с матерью. Это «слишком малый диапазон активности, в котором ребенок с аутизмом может спокойно и конструктивно воспринимать происходящее» [3]; «необычная чувствительность к раздражителям всех модальностей» [4]; «неспособность справляться с потоком мультисенсорной информации» [5]; «снижение порога дискомфорта в выделении новизны – отсюда стресс при малейших изменениях в окружении ребенка» [6]; «низкий порог социального избегания (снижение порога дискомфорта в отношении восприятия человеческого лица,

* Выполнено при поддержке РФФИ, проект №18-013-00925.

голоса, прикосновений)» [7; 8]; «сверхочарованность» отдельными сенсорными стимулами [9; 10], «дисфункции процессов восприятия» [2].

Низкие пороги чувствительности, недостаточность интеграции сенсорной информации, избегание новых раздражителей и т. д. – все это является проявлением особой чувствительности к увеличению неопределенности, вызывающей реакцию стресса и стремление защититься от него, используя стратегию избегания.

Для организации продуктивного взаимодействия в системе «мать – ребенок» необходимо создать такую ситуацию развития, приобретения ребенком опыта, которая в максимальной степени будет соотноситься с его возможностями. На организацию такого взаимодействия обращали внимание многие исследователи. Оптимальное взаимодействие матери с младенцем возможно при взаимном подстраивании их поведения. Признаками позитивного взаимодействия являются «взаимность, синхронность, совместное изменение поведения, настроенность друг на друга» [11], что возможно при особой чувствительности матери. «Успешная подстройка матери помогает ребенку изменять состояние, уровень возбуждения и внимания и дает матери обратную связь, помогая ей определиться в адекватности понимания, чувствования ребенка и своих действий по отношению к нему» [12]. Появилось много работ, посвященных роли родительской проницательности в формировании привязанности и социального поведения ребенка [13].

При всей значимости данных исследований отметим, что они касаются ситуативного поведения матери и не рассматривают мать в целостном проявлении ее индивидуальности. Между тем мать влияет на ребенка своим присутствием и всеми аспектами проявления индивидуальности.

В этой связи нам представляется перспективным подход Р. Ж. Мухамедрахимова [14], который указал на роль индивидуальности матери в единстве функционирования всех ее уровней в развитии ребенка. Особое внимание, с его точки зрения, должно быть уделено сенсорно-перцептивной организации матери, задающей основу для стабильно проявляющихся особенностей поведения. Эти особенности матери задают для ребенка контекст взаимодействия с реальностью, основу приобретаемого им опыта. «Среди разноуровневых характеристик индивидуальности матери одними из наиболее важных для формирования социального поведения младенца являются характеристики функционирования на сенсорном уровне, а именно индивидуальная сенсорная чувствительность и уровень эмоционально предпочитаемой стимуляции» [14. С. 123]. Социальное взаимодействие ребенка с матерью выстраивается на основе подстройки под ее индивидуальные сенсорные особенности. Мать посредством своей индивидуальной сенсорно-перцептивной организации создает для ребенка сре-

ду для приобретения сенсорно-перцептивного, эмоционального, социального опыта.

Таким образом, необходимо обратить особое внимание на характеристики сенсорно-перцептивной организации матери и возможности ее подстройки под очень уязвимую, быстро истощаемую сенсорно-перцептивную организацию ребенка с РАС. Анализ исследований взаимодействия матери и ребенка с РАС показывает, что ребенок выдает не явно выраженные, слабые реакции на свое окружение. Мать, сталкиваясь с отсутствием или очень слабой получаемой обратной связью от ребенка, пытается усилить воздействие на него, предлагая ему большее количество более интенсивных раздражителей. Такая ситуация является для ребенка очень некомфортной, поскольку содержит в себе слишком много информации, является перенасыщенной сенсорными воздействиями, переработать которые ребенок пока не готов, поэтому он всячески пытается уменьшить этот сенсорный поток. Возможно, отсутствие его реакции на какие-то воздействия со стороны матери являются той самой обратной связью, которая должна являться основанием для материнского поведения. Помимо этого, матери необходимо отразить свой стиль поведения с реальностью, чтобы понять особенности того мира, который создается ею для ребенка. Понимание возможностей ребенка, допустимости количества и качества, а также интенсивности сенсорно-перцептивной информации в соответствии с оптимальным уровнем возбуждения – возможная стратегия выстраивания взаимодействия с ребенком с РАС, способствующая его развитию.

Список литературы

1. *Crowell J. A., Keluskar J., Gorecki A.* Parenting behavior and the development of children with autism spectrum disorder // *Comprehensive Psychiatry*. April 2019. Vol. 90. P. 144–174.
2. *Никольская О. С., Веденина М. Ю.* Особенности психического развития детей с аутизмом // *Альманах Института коррекционной педагогики*. 2018. Вып. 33, № 18.
3. *Гринспен С., Уидер С.* На ты с аутизмом. Использование методики Floortime для развития отношений, общения и мышления. М.: Тервинф, 2013.
4. *Wing L., Attwood A.* Syndromes of Autism and atypical development // *D. J. Cohen, A. M. Donnellan (eds.) Handbook of autism and developmental disorders*. New York: John Wiley, 1987.
5. *Greenspan S., Wieder S.* Engaging autism: Using the Floortime Approach to Help Children Relate, Communicate, and Think. Cambridge, Mass.: A Merloyd Lawrence books: Da Capo lifelong books a member of the Perseus books group, 2006. 665 p.

6. *Dawson G., Levy A.* Autism, Nature, Diagnosis & Treatment / Ed. by G. Dawson. New York: The Guilford press, 1989.

7. *Richer J.* The partial noncommunication of culture to autistic children – An application of human etology. In: Rutter M., Schopler E. (eds.). Autism: A reappraisal of Concepts and Treatment. New York; London: Plenum Press, 1978.

8. *Tinbergen E., Tinbergen N.* Autistic Children: New Hope for a Cure. London, 1983. 362 p.

9. *Frith U., Baron-Cohen S.* Perception in Autistic Children. In: Cohen D. J., Donnellan A. M., Paul R. (eds.). Handbook of Autism and Pervasive Developmental Disorders. New York: John Wiley Sons, 1987. P. 85–102.

10. *Богдашина О. Б.* Расстройства аутистического спектра: введение в проблему аутизма. Красноярск: КГПУ, 2012. 248 с.

11. *Osofsky J. D., Connors K.* Mother-infant interaction: an integrative view of a complex system // Osofsky J. D. (ed.). Handbook of infant development. New York: Wiley, 1979. P. 519–548.

12. *Richards M. P. M.* A comment on the social content of mother-infant interaction // The origins of human social relations / Ed. by H. R. Schaffer. New York: Academic, 1971. P. 187–193.

13. *Oppenheim D., Koren-Karie N., Dolev S., Yirmiya N.* Maternal sensitivity mediates the link between maternal insightfulness / resolution and child – mother attachment: the case of children with Autism Spectrum Disorder // Attachment & Human Development. 2012. Vol. 14, no. 6. P. 567–584. DOI 10.1080/14616734.2012.727256

14. *Мухамедрахимов П. Ж.* Мать и младенец: психологическое взаимодействие. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2001. 288 с.

Расстройства пищевого поведения в период COVID-19: факторы риска и последствия пандемии

А. А. Пичиков, Т. А. Саломатина

*Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии
и неврологии им. В.М. Бехтерева Минздрава России
Санкт-Петербург, Россия
sigurros@mail.ru*

Eating Disorders during COVID-19: Risk Factors and Consequences of the Pandemic

A. A. Pichikov, T. A. Salomatina

*St. Petersburg Bekhterev Psychoneurological Research Institute
St. Petersburg, Russian Federation
sigurros@mail.ru*

Быстрое и повсеместное распространение COVID-19 в значительной мере повлияло на психологическое благополучие населения во всем мире, но в особенности затронуло различные группы уязвимых лиц. В период пандемии наблюдается увеличение распространенности посттравматического стрессового расстройства и нарушений, связанных с тревогой и депрессией [1; 2]. У некоторых людей возникают проблемы с эмоциональной дисрегуляцией, вызванной страхом и беспокойством в связи с COVID-19, что усиливает импульсивные паттерны поведения, связанные, в том числе, с суицидальными попытками и нанесением самоповреждений [3; 4].

Относительно небольшие сроки с момента начала пандемии COVID-19 не позволяют нам получить четкие ответы на вопросы, относительно ее влияния на динамику расстройств пищевого поведения (РПП) в популяции в длительной перспективе. Вместе с тем последние исследовательские данные фиксируют риск ухудшения течения уже имеющегося РПП и повышенный риск развития РПП *de novo*. Пилотное исследование 32 пациентов с различными РПП в период первых 2 недель изоляции сообщило об ухудшении симптомов РПП у 38 % и усилении тревоги у 56,2 % исследуемых [5]. Отметим, что некоторые пациенты с РПП уже имеют коморбидные диагнозы, связанные с тревожной и депрессивной симптоматикой, что значительно усугубляет ситуацию.

Психосоциальные последствия текущей пандемии могут декомпенсировать уязвимых, предрасположенных к РПП лиц. Эта декомпенсация может усугубляться также в связи с ограничениями в работе специализиро-

ванных служб, включая закрытие дневных стационаров и амбулаторных учреждений, перепрофилирования психиатрических больниц. Телепсихиатрия используется в период пандемии для эффективного охвата различных групп пациентов, однако такая форма помощи тесно связана с внутренней мотивацией и самоконтролем нуждающихся в поддержке лиц, что является *locus minoris* для пациентов с РПП.

Существует несколько связанных с пандемией факторов риска РПП, общих для всего населения, но в то же время приобретающих особое значение в генезе и поддержании болезни. Изоляция и социальное дистанцирование сопровождаются симптомами тревоги, депрессии и отрицательных эмоций, которые являются факторами риска для ограничительного пищевого поведения, эмоциогенных переяданий и гиперфагии. Постоянное нахождение дома способствует тому, что пища становится более желанной и доступной (особенно при покупке большого количества продуктов питания). При этом усиливается ее эмоциональная значимость в связи с дисфункцией в системе вознаграждения мозга. Более интенсивный и навязчивый характер рекламы продуктов питания, готовых блюд и способов их доставки в СМИ, может сопровождаться увеличением количества съедаемой пищи, а в связи с этим – кратковременным или долгосрочным увеличением веса.

Помимо этого, резкий слом привычного стереотипа жизни в связи с пандемией подразумевает уменьшение возможности использования эффективных стратегий для поддержания нормального веса у большинства населения. Закрытие фитнес-центров, бассейнов, спортивных площадок, парков привело к значительному ограничению двигательной активности. Жесткий режим изоляции в некоторых странах, подразумевающий выход на улицу только в ситуации крайней необходимости (с временными и территориальными ограничениями), явился беспрецедентным фактором риска для лиц с РПП, для которых рутинное и стереотипное выполнение структурированной или «фоновой» физической нагрузки является адаптивной составляющей самого нарушения. Таким образом, уменьшение физической активности может усиливать страх, связанный с прибавкой веса, и, следовательно, приводить к большему ограничению в рационе питания, что в некоторых случаях провоцирует переядания с последующим очистительным поведением.

Необходимая международная политика социального дистанцирования, к сожалению, способствует социальной изоляции и одиночеству. Однако многие пациенты с РПП итак имеют определенный дефицит общения, а также проблемы в межличностных отношениях с родственниками. Факторы, предрасполагающие к «двойной» (т.е. связанной с пандемией и с основной симптоматикой пищевых нарушений) самоизоляции могут включать в себя низкую самооценку, избегающие черты личности, алексис-

тимию, стыд перед своим телом, чувство вины из-за переяданий и др. Обычно пациенты обеспокоены ограничениями в своих социальных навыках, что также может подкреплять РПП через неуверенность в себе, неудовлетворительный образ тела и самостигматизацию. Вместе с тем можно предположить, что для некоторых людей РПП может стать «временным компаньоном» в трудной ситуации, а неадаптивное поведение временно избавляет от интернализированного дистресса, позволяя сместить фокус внимания с нестандартной ситуации неопределенности к более привычным стереотипам негативных отношений со своим телом и едой.

Считается, что у лиц с РПП в семейных отношениях обычно присутствует конфликт, который может быть связан с нарушением режима питания. Отсутствие естественной дистанции в режиме «дом – учеба / работа», обычно существующей в нашей жизни, может ухудшить динамику семьи. В таком случае есть вероятность раскрытия некоторых симптомов РПП, особенно у взрослых, которые пытались сохранить в тайне от своего партнера имеющуюся проблему. В семьях подростков, больных НА, усиление попыток контроля со стороны родителей за питанием их ребенка может приводить к росту дистресса у всех членов семьи. У лиц с НБ или компульсивным переяданием осознание того, что другие члены семьи также нуждаются в еде в условиях определенного дефицита продуктов и ограничений для посещения магазинов из-за пандемии, может усилить чувство вины и стыда после эпизодов переядания и очищения. Напротив, для лиц, проживающих в одиночестве, минимизация социальных контактов, и, следовательно, уменьшение количества пищи, съедаемой с другими, может быть связана с риском усиления жестких и стереотипных привычек питания.

Так как для лиц с РПП семейные отношения не являются в ситуации изоляции «местом отдохновения», они могут проводить больше времени в социальных сетях, что может усилить их фиксацию на «идеальном» образе тела. Соответственно увеличивается потребность в посещении веб-сайтов, которые пропагандируют РПП («pro-ana»), или цифровых платформ с различными неадекватными схемами тренировок или диет, которые могут способствовать возникновению РПП или подкреплению симптомов у людей с существующим заболеванием. В какой-то степени постоянное сравнение себя с другими в социальных сетях, формирование референтных групп на основании патологических устремлений и навязчивое стремление к контролю через повышение физической нагрузки, использование различных трекеров, тренажеров с показателями и частое взвешивание является «суррогатом» социально активной и контролирующей позиции.

Наконец, пациенты с РПП подвергаются риску более тяжелых форм COVID-19 (НА и НБ связаны с нарушением клеточного иммунитета; компульсивное переядание часто осложняет ожирение, которое является од-

ним из факторов риска тяжелой формы COVID-19). В частности, если говорить о лицах с ожирением и избыточной массой тела, то осознание нахождения себя в группе риска может увеличивать воспринимаемый стресс и, следовательно, усиливать риск компульсивных переяданий.

Имеющиеся данные предполагают, что COVID-19 окажет значительное влияние на людей с существующими РПП. Описанные выше биопсихосоциальные факторы также могут способствовать развитию новых случаев заболевания. Необходимо тестировать гипотезы, которые помогут понять динамику РПП в контексте пандемии. В ближайшей перспективе это позволит максимально адресно использовать терапевтические интервенции у пациентов с РПП и осуществлять профилактику данных нарушений в группах риска. Совместная и оперативная работа между звеном первичной медико-санитарной помощи и специализированными психиатрическими службами имеет приоритетное значение для выявления и управления как психологическими, так и физическими рисками для здоровья у данной группы пациентов. Необходимы дальнейшие исследования для изучения взаимосвязей между инфекцией и РПП.

Список литературы

1. *Liu C. H., Zhang E., Wong G. T. F., Hyun S., Hahm H. C.* Factors associated with depression, anxiety, and PTSD symptomatology during the COVID-19 pandemic: Clinical implications for U.S. young adult mental health // *Psychiatry Res.* 2020. Vol. 290. P. 113–172.2.
2. *Kawohl W., Nordt C.* COVID-19, unemployment, and suicide // *Lancet Psychiatry.* 2020. Vol. 7 (5). P. 389–390.
3. *Gunnell D., Appleby L., Arensman E., Hawton K., John A., Kapur N., Khan M., O'Connor R. C., Pirkis J.* Suicide risk and prevention during the COVID-19 pandemic. COVID-19 Suicide Prevention Research Collaboration // *Lancet Psychiatry.* 2020. Vol. 7 (6). P. 468–471.
4. *Sher L.* COVID-19, anxiety, sleep disturbances and suicide // *Sleep Med.* 2020. Vol. 70. P. 124.
5. *Fernandez-Aranda F., Casas M., Claes L. et al.* COVID-19 and implications for eating disorders // *Eur. Eat Disord. Rev.* 2020. Vol. 28 (3). P. 239–245.

Школа и учитель: ретроспективный взгляд на перемены

С. В. Проноза

*Новосибирский государственный технический университет
Новосибирск, Россия
svetlanapronoza@gmail.com*

School and Teacher: A Retrospective Sight at Changes

S. V. Pronoza

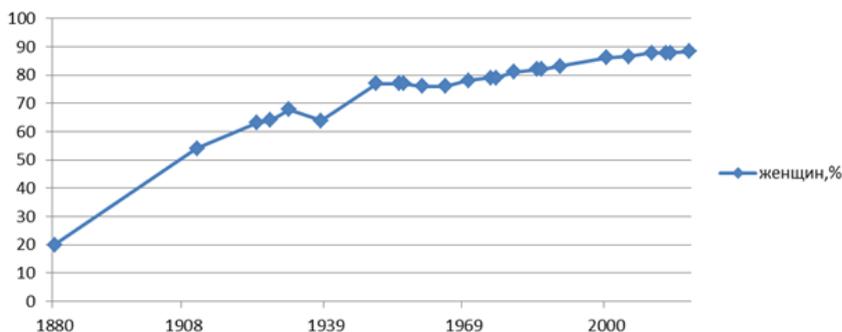
*Novosibirsk State Technical University
Novosibirsk, Russian Federation
svetlanapronoza@gmail.com*

Современный мир характеризуется высокой скоростью изменений и ростом неопределенности. Эта тенденция затрагивает и один самых консервативных социальных институтов – школу. Неожиданный перевод всей страны на дистанционное обучение, вводимые с сентября новые практики, ограничивающие общение детей между классами, невнятные перспективы дальнейшего очного обучения – вот текущее «сейчас» российской школы. Кроме того, последние десятилетия школа находится в процессе непрерывного реформирования. Как в нашей стране, так и за рубежом реформирование образования приводит к формализации работы учителя и снятию с него личной ответственности, что, в свою очередь, подрывает идею учительства как более широкой социальной миссии [1–3]. Недовольство общества результатами реформирования образования вызвало рост числа детей на семейной форме образования и появление инициатив по переизданию советских и дореволюционных учебников. За последние сто с небольшим лет в истории нашей страны было немало переломных моментов, немало серьезных реформ школы (и не все они с позиций текущего времени оцениваются положительно). Ретроспективный взгляд на моменты изменений мог бы способствовать прогнозу на будущее нашей школы, сейчас находящейся в процессе очередного реформирования. Поэтому возникают исследовательские вопросы: как отражаются социальные изменения (и связанные с ними реформы) на школьных практиках? Реализует нововведения тот же самый учитель или при значительном реформировании происходит смена учительского состава?

Была обнаружена слабая изученность учительских повседневных практик как со стороны социологии и социальной психологии, так и со стороны социальной педагогики, не позволяющая сколько-нибудь подробно

ответить на первый вопрос. Имеющиеся исследования инновационного потенциала учительства как в годы Перестройки, так и в последние десятилетия, неизменно находят потенциал слабым, что косвенно свидетельствует о сложности внедрения каких-либо изменений в учительские практики. Для ответа на второй вопрос было высказано предположение, что ключевые повороты в истории страны и связанная с ними смена кадров находят отражение в изменениях демографического состава учительства. По причине несопоставимости статистических данных удалось проследить за длительный период лишь динамику гендерного состава учительства. Как известно, одной из проблем российского учительства считается высокая степень феминизации профессии. Причем в научной литературе рост доли женщин среди учителей при рассмотрении коротких периодов истории российской школы часто объясняют локальными причинами: вынужденным отходничеством в пореформенные годы в конце XIX в., недостатком мужчин в годы войн и революций, что, безусловно, связывает состав учительства с действующими социальными факторами. Интересно увидеть общую динамику, имеются ли колебания гендерного состава учительства, неизбежные в случае, если указанный фактор перестает действовать. Статистические данные позволяют проследить долю женщин среди российских учителей (Российская империя, РСФСР, Россия) с 1880 г. до наших дней. На основе данных сборников «Культурное строительство РСФСР», сборников ВШЭ «Образование в цифрах» построен график доли женщин среди российских учителей (см. рисунок). Данные за отдельные годы были взяты из публикаций [4–6].

Доля женщин среди российских учителей, %

Как видно из графика, происходил непрерывный, первые 50 лет почти линейный, рост доли женщин. Единственное значимое падение (1938 г.)

происходило в годы бурного роста и реконструкции российской школы, когда вводились следующие ступени обучения и устанавливались программы и режимы работы школы. Выделяющийся на графике подъем к 1950 г., вероятно, являвшийся «эхом войны», постепенно сходит на нет. Действий других социальных факторов на этих, довольно общих, данных обнаружить не удалось.

Также были обнаружены интересные данные Всесоюзной школьной переписи 1927 г.: с учетом сделанных по причине войн и революций перерывов в стаже доля дореволюционного учительства в трех славянских республиках (в том числе РСФСР) оценена как половина всего учительства [4]. Учитывая общий значительный рост учительских кадров в послереволюционные годы в связи с задачей ликвидации безграмотности, можно сделать вывод о том, что значительный поворот образовательной политики, произошедший после революционных событий 1917 г., на практике осуществлял фактически «один и тот же» учитель. В связи с этим еще более актуальным оказывается вопрос о том, как выглядит отражение школьных реформ в зеркале учительских повседневных практик.

Список литературы

1. *Beach D., Bagley C.* Changing professional discourses in teacher education policy back towards a training paradigm: a comparative study // *European Journal of Teacher Education*. 2013. Vol. 36, no. 4. P. 379–392.
2. *Hargreaves A., Goodson I.* Educational change over time? The sustainability and nonsustainability of three decades of secondary school change and continuity // *Educational administration quarterly*. 2006. Vol. 42, no. 1. P. 3–41.
3. Асимметрия жизни современного российского общества: соотношение традиций и инноваций: Монография / О. В. Аксенова, Н. В. Левченко и др.; отв. ред. О. В. Аксенова; ИС РАН. Электрон. текст (объем 3,01 Мб). М.: ФНИСЦ РАН, 2017. 207 с.
4. Всесоюзная школьная перепись 15 декабря 1927 г.: В 2 т. М.: Планхозгиз, 1930.
5. Учительство как социально-профессиональная группа / В. С. Собкин, П. С. Писарский, Ю. О. Коломиец; под ред. В. С. Собкина; Российская академия образования. М., 1996. 53 с.
6. *Чехов Н. В.* Народное образование в России с 60-х годов XIX века. М.: Польза, 1912. 224 с.

**Развитие коммуникативных навыков
у детей с расстройствами аутистического спектра
с применением метода «личный букварь»**

А. В. Пустовая^{1,2}, Е. Н. Пустовая², Е. В. Гуткевич^{1,3}

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет
Томск, Россия*

² *Психолого-дефектологический центр «Мир семьи»
Новосибирск, Россия*

³ *НИИ психического здоровья
Томского национального исследовательского медицинского центра РАН
Томск, Россия*

*a.pustovaya@list.ru, enpustovay@mail.ru
gutkevichelena@gmail.com*

**Development of Communication Skills
in Children with Autism Spectrum Disorders
Using a “Personal Abc” Method**

A. V. Pustovaya^{1,2}, E. N. Pustovaya², E. V. Gutkevich^{1,3}

¹ *National Research Tomsk State University
Tomsk, Russian Federation*

² *Psychological and Defectological Center “World of the Family”
Novosibirsk, Russian Federation*

³ *Tomsk National Research Medical Center RAS
Tomsk, Russian Federation*

*a.pustovaya@list.ru, enpustovay@mail.ru
gutkevichelena@gmail.com*

Для детей с расстройствами аутистического спектра (РАС), наряду с нарушениями поведения, нарушения речевого и коммуникативного развития являются одним из основных диагностических критериев изменений в таких сферах, как социальное взаимодействие и функции общения, коммуникации.

По мнению Л. С. Выготского, центральную роль в построении высших психических функций играют речь и речевое мышление, самое важное заключается в том, что речь помимо функций социального общения имеет еще функцию построения сознания [1]. В своем развитии речь проходит несколько этапов: на первом этапе (побудительно-мотивационная фаза) возникает мотив, цель, ради которой вступают в речевое общение, – реали-

зуется сложным взаимодействием потребностей, мотивов и целей деятельности как будущего ее результата. Источником речевой деятельности во всех ее видах является коммуникативно-познавательная потребность и соответствующий ей коммуникативно-познавательный мотив. На втором этапе (ориентировочно-исследовательская фаза) речевая деятельность, направлена на исследование условий реализации деятельности, окончательное выделение предмета деятельности, раскрытие его свойств. Одновременно это фаза планирования, программирования и внутренней – смысловой и языковой – организации речевой деятельности [2].

Речь представляет собой, с одной стороны, форму общения людей, которая сложилась в процессе жизнедеятельности людей, с другой стороны, речь имеет системное, многоуровневое строение и опирается на функциональную мозговую систему. Нейропсихология вносит существенный вклад в учение о речевой коммуникации, прослеживая роль каждого звена в сложном процессе общения, предоставляет возможность детального анализа компонентов речевой деятельности [3]. Механизмы речевых нарушений при аутизме не изучены до конца, но С. В. Покровская, А. В. Цветков предполагают, что отсутствие речи может быть связано с недостатками первой стадии речевого развития – нарушениями функций продолговатого и заднего (мостомозжечковая система) мозга [4].

Опираясь на современные данные психологии по вопросам преодоления нарушений речевого и коммуникативного развития, а также на результаты, полученные в ходе общения и анализа существующего опыта, был выделен метод «Личный букварь», разработанный Н. Б. Лаврентьевой, М. М. Либлинг, О. И. Кукушкиной для обучения детей с расстройствами аутистического спектра и детей, не имеющих проблем здоровья, но испытывающих трудности в освоении осмысленного чтения [5]. «Личный букварь» – это «рукодельная» книга, которая постепенно создается ребенком с помощью взрослых (педагога, мамы, других близких людей) в процессе обучения чтению. Этот букварь складывается в той индивидуальной последовательности, которая необходима ребенку, чтобы освоение чтения стало для него полностью осмысленным и интересным процессом. Букварь называется «личным», так как учебный материал, который используется при его создании, связан с личным опытом ребенка, с жизнью его семьи. Первая и главная тема, которая раскрывается в букваре, – тема «Моя семья». Кроме того, в «Личном букваре» существует особая последовательность освоения букв. Так, в отличие от традиционного букваря, первой осваивается не буква «А», а буква «Я», которой подписывается фотография ребенка, наклеенная на первой странице. Далее осваиваются буквы «А», «М», «П». Данный порядок освоения букв позволяет сразу же научить ребенка прочитывать такие важные для него слова – «я», «мама»,

«папа». Дальнейшая последовательность изучения букв также ориентирована на понятные и значимые для ребенка личностные смыслы [6].

В коррекционной работе участвовали 26 детей в возрасте 5–6 лет с основным диагнозом F 84.0 и сопутствующим логопедическим диагнозом «моторная алалия», общей речевой характеристикой развития детей явилось использование звуков и отдельных звукокомплексов для выражения своих потребностей при отсутствии фразовой речи. В связи с речевыми особенностями этих детей, полноценное обучение чтению с использованием метода «Личный букварь» оказалось невозможным. Поэтому в процессе коррекционной работы с детьми с РАС нами была разработана «Личная книга», основанная на «Личном букваре», которая создается в процессе знакомства ребенка с самим собой и окружающим его миром, включает в себя следующие блоки: «я и моя семья»; «мой дом»; «праздники»; «время суток»; «школа / детский сад»; «мир вокруг меня» (я в общественных местах: детская площадка, кинотеатр, зоопарк, бассейн и др.). Основное отличие «Личной книги» от «Личного букваря» заключается в том, что создание «Личной книги» в сочетании с логопедической работой является одним из способов «запуска» речи у детей с РАС и может стать подготовительным этапом в освоении ребенком процесса чтения (знакомство с буквами, артикуляция звуков, написание слов и фраз, описание людей и действий на личных фотографиях ребенка) с последующей возможностью овладеть методом глобального чтения с помощью «Личного букваря». В процессе данных занятий ребенок учится сознательности речи: через формирование взаимосвязи речи со зрительным образом, зрительным начертанием слова и зрительным впечатлением от чужого произношения. При работе над артикуляторно-фонематической организацией звуковой речи взрослый создает ряд «задач»: вызывать у ребенка возникновение внешних проб, вначале через совместное проговаривание (с использованием зеркала), усвоение и использование кодовых единиц языка. Далее, по мере того как речевые движения возникают в уме ребенка, он учится управлять своей речью и строить ее сознательно. При заполнении «Личной книги» используются личные фотографии ребенка, его семьи, окружающей его обстановки, любимых вещей. Это включает в себя развитие побудительно-мотивационной фазы (у ребенка с РАС возникает желание рассказать о себе, о значимых событиях или объектах) и ориентировочно-исследовательской фазы (позволяет перевести зрительные образы окружающего его мира в активный понятийный словарь, выделить себя из окружающего мира, рассказать о себе).

Результаты проведенного нами анализа позволяют сделать некоторые частные выводы: в процессе создания «Личной книги» в сочетании с развитием слухового внимания, использованием упражнений для развития речевого дыхания и речевого подражания (рефлекторное подражание и ав-

томатизм) были получены результаты, которые позволяют говорить о возможности вызвать, развить и закрепить речь. В процессе коррекционной работы с «Личной книгой» ребенок усваивает основные компоненты речи – от целостных форм речевой деятельности к овладению элементами речи и их комбинированием.

При овладении речевыми и коммуникативными навыками для детей с РАС, не обладающих вербальной речью, можно рекомендовать использование создания «Личной книги» для индивидуализации каждого частного случая преодоления особенностей нарушения речевого и коммуникативного развития у детей с расстройствами аутистического спектра.

Список литературы

1. *Выготский Л. С.* Проблемы дефектологии / Сост., вступ. ст. и библиогр. Т. М. Лифанова; коммент. М. А. Степанова. М.: Просвещение, 1995. 527 с.
2. *Зимняя И. А.* Речевая деятельность и психология речи // Основы теории речевой деятельности / Отв. ред. А. А. Леонтьев. М.: Наука, 1974. С. 64–72.
3. *Лурия А. Р.* Основные проблемы нейролингвистики. 3-е изд. М.: Либроком, 2009. 256 с. (Из наследия мировой психологии)
4. *Покровская С. В., Цветков А. В.* Нейропсихологическая помощь детям с нарушениями речи. М., 2018. 176 с.
5. *Лаврентьева Н. Б., Либлинг М. М., Кукушкина О. И.* Личный букварь: Учеб.-метод. комплект для общеобразовательных организаций. М.: Нац. образование, 2019.
6. *Либлинг М. М.* «Личный букварь»: метод обучения чтению детей с расстройствами аутистического спектра // Специальное образование и социокультурная интеграция – 2018: Сб. науч. ст. / Под ред. О. Е. Нестеровой, Р. М. Шамионова, Е. С. Пяткиной, Ю. В. Селивановой, М. Д. Коноваловой. М.: Перо, 2018. С. 564–572.

Взаимосвязь межличностной привязанности и толерантности к неопределенности

А. В. Пушкина

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
anna.pushkina.nsk@gmail.com*

The Relationship between Interpersonal Affection and Tolerance to Uncertainty

A. V. Pushkina

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation
anna.pushkina.nsk@gmail.com*

В последнее время отмечается увеличение проблем в установлении человеческих взаимоотношений. Сложности в установлении близких отношений являются источником одиночества, сексуальных перверсий, невротизации, всевозможных форм зависимости, проблем в общении. Трудности в создании гармоничных отношений выражаются в увеличении времени для поиска партнера, повышении возраста при вступлении в брак, предпочтении гражданских браков, нежелание рождения детей, малой продолжительности отношений и низкой удовлетворенностью этими отношениями. Привязанность – форма межличностных отношений, которые основаны на психологической потребности человека в безопасности, эти отношений формируются в результате продолжительного взаимодействия и характеризуются избирательностью, эмоциональностью и устойчивостью [1]. Создатель теории привязанности Джон Боулби характеризует привязанность как эмоциональную связь, которая связывает человека с одним или несколькими людьми во времени и пространстве, является опорой безопасности при исследовании мира и основой его защищенности и уверенности.

Неопределенность (от англ. uncertainty) – возможность подбора альтернатив и избыток (обилие) заданного выбора (вариативность выбора) [2]. Среди параметров неопределенности выделяют толерантность к неопределенности – это устойчивость к какому-либо действию неопределенности внешней и внутренней среды, формируется сочетанием когнитивных способностей к снятию неопределенности и эмоциональной тенденцией к восприятию неопределенных ситуаций как хотя и трудных, но не психо-

травмирующих [2]. Современный человек практически постоянно пребывает в области неопределенности, где основным критерием успешного выживания становится его способность к изменениям, пересмотру своих морально-этических и онтологических оснований.

Основываясь на анализе привязанности и толерантности / интолерантности к неопределенности можно предположить, что они имеют схожие черты: сложности в межличностном взаимодействии, восприятие неопределенных ситуаций, зависимое поведение, ригидность [3; 4].

Несмотря на актуальность темы, мы не нашли исследований в этом направлении. Поэтому мы решили исследовать взаимосвязь межличностной привязанности и толерантности к неопределенности. Психодиагностический комплекс включал: Шкала опыта в близких отношениях (Experiences in Close Relationship, ECR), Толерантность к неопределенности TH2 / методика МакКлейна, Новый опросник толерантности к неопределенности Корниловой. Эмпирическую базу исследования составили 24 человека в возрасте от 24 до 48 лет, имеющих высокий, средний и низкий уровень толерантности к неопределенности.

Результаты исследования: получены прямые значимые связи межличностной интолерантности к неопределенности с тревожным, боязливым и избегающим типами привязанности и обратные – с надежным типом привязанности. Обратная связь: отношение к сложным задачам с тревожным и боязливым типом привязанности, предпочтение неопределенности с тревожным, замкнутым и боязливым типами привязанности. Тенденция к прямой положительной связи надежного типа привязанности и толерантности к неопределенности и обратная – с избегающим типом привязанности.

Следовательно, чем выше контроль в межличностных отношениях, поиск простых решений, тем сложнее сосредоточиться на чувствах, раскрыться другому человеку, выше чрезмерная зависимость от других людей. Чем выше стремление к изменениям и новизне, тем более выражены близкие отношения, способность принимать помощь в сложных ситуациях.

Чем больше непредсказуемое поведение значимого близкого в раннем детстве (до года), амбивалентное и нестабильное (за одно и то же то хвалит, то ругает и др.), тем больше контроль в межличностных отношениях, тем менее предпочтение сложных задач, самостоятельность, стремление к изменениям и оригинальность.

Чем выше эмоциональная холодность и безразличие к ребенку (до года), тем больше дискомфорт в отношениях с другими людьми, тем менее интерес к изменениям, поиску более сложных и притом более интересных решений.

Можно предположить, что толерантность к неопределенности формируется в детстве, исходя из опыта раннего взаимодействия со значимым близким (типом межличностной привязанности).

Список литературы

1. *Бриш К. Х.* Терапия нарушений привязанности. М.: Когито-Центр, 2014. 319 с.
2. Проективный философский словарь: Новые термины и понятия / Под ред. Г. Л. Тульчинского, М. Н. Эпштейна. СПб.: Алетейя, 2003. 612 с.
3. *Казанцева Т. В.* Факторы формирования привязанности: эволюционные, нейробиологические, ситуационные, личностные // Психология системного функционирования личности: Материалы междунар. науч. конф. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2004. С. 143–146.
4. *Луковицкая Е. Г.* Социально-психологическое значение толерантности к неопределенности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 1998.

Больной шизофренией в ситуациях выбора

Т. П. Пушкина

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
pushkina.nsk@gmail.com*

A Schizophrenic Patient in Situation of Choice

T. P. Pushkina

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation
pushkina.nsk@gmail.com*

Шизофрения до сих пор является проблемной областью медицины и психологии. Основными походами, изучающими этиологию шизофрении, являются биологический и психосоциальный. В том и другом направлениях до сих пор часто преобладают монокаузальные теории, что мало способствует эффективному лечению больных шизофренией.

По оценкам Д. Хелла и М. Фишер-Фельтон, во всем мире проживает 40 млн человек, которые страдают этим заболеванием.

В последнее время больше проводят исследований, более открыто обсуждают стигмацию и самостигмацию больных шизофренией, которая значительно влияет на отношение к больным, их адаптацию в обществе.

Мы придерживаемся биопсихосоциального подхода к происхождению и развитию заболевания, но в данной работе рассмотрим отношение больных шизофренией к ситуации неопределённости. Биологически наследуемая предрасположенность к шизофрении актуализируется, приводит к манифесту заболевания при определённом жизненном опыте, определённых социальных взаимодействиях.

Многие психологические концепции рассматривают влияние ранних детских отношений со значимыми близкими на формирование слабого «Я» у больных шизофренией: например, Концепция двойной связи Г. Бейтсона, «Мистификация опыта» Р. Лэнга, неадаптивные типы воспитания (гиперпротекция, чрезмерный контроль, симбиотические отношения) Д. Леви, Б. Паркера и другие концепции. В основном в этих отношениях значимые близкие мало поддерживают самостоятельность ребёнка, исследовательский характер его деятельности, что затрудняет формирование собственного опыта, опору на него в ситуациях неопределённости, стрессовых ситуациях. В результате такого воспитания у данного ребёнка, а потом

и у взрослого человека, больного шизофренией, даже простые ситуации, где относительно здоровый человек легко ориентируется, оказываются сложными, неопределенными. Больной может испытывать сильную тревогу, напряжение, растерянность, в результате не сам исследует ситуацию, ищет информацию для ее разрешения, а часто обращается за помощью к значимым близким (родителям, сиблингам), сохраняя инфантильность. С нашей точки зрения, низкая стрессоустойчивость больных шизофренией, описанная в литературе, является следствием низкой толерантности к неопределенности.

Проведённые исследования в курсовой и выпускной работах А. Радченко (под нашим руководством) выявили низкую толерантность к неопределенности респондентов экспериментальной группы (50 человек с диагнозом шизофрения) в сравнении с группой здоровых респондентов (отсутствие психиатрических диагнозов), также более высокую интолерантность к неопределенности и межличностную интолерантность к неопределенности. В исследовании использовали шкалу толерантности к неопределенности Маклейна и Новый опросник толерантности к неопределенности Корниловой. В выпускной работе исследовали взаимосвязь толерантности к неопределенности и разных аспектов стрессоустойчивости. После проведения корреляционного анализа по Спирмену были получены достоверные взаимосвязи (уровень значимости $< 0,05$) в группе больных шизофренией между интолерантностью к неопределенности со шкалой стратегического планирования (коэффициент корреляции 0,608), со шкалой «инструментальной поддержки» (коэффициент корреляции 0,395) Опросника проактивного копинга, а также со шкалой «требуемое поведение в области включения» (коэффициент корреляции 0,569) Опросника межличностных отношений. В контрольной группе подобных достоверных взаимосвязей не обнаружено. Другими словами, чем больше больные шизофренией стремятся к получению информации, советов, обратной связи от своего социального окружения, чем больше стремление больного, чтобы окружающие прилагали усилие для взаимодействия с ним, тем выше интолерантность к неопределенности, стремление к чёткости, ясности, упорядоченности, неприятия неопределенности. Таким образом, с одной стороны, больные шизофренией нуждаются в помощи и поддержке социального окружения, с другой – формируют эмоциональную, инструментальную зависимость от значимых близких, затрудняются рисковать, стремиться к новому образу жизни, проявляя инертность правил, принципов. Высокие показатели по МИТН в группе больных шизофренией свидетельствуют о потребности к ясности, статичности, прогнозируемости в отношениях с другими. Полученные результаты можно использовать в консультировании больных шизофренией: важно формирование стабильных понятных отношений с психологом, создание которых

может стать опорой для больного в возможности рисковать, пробовать новое поведение, переходя на веру в себя, свой опыт, к повышению толерантности к неопределенности.

Список литературы

1. *Костюбицкий А. П., Скорик А. И., Аксенова И. О., Шейнинг Н. С., Зайцев В. В.* Шизофрения. СПб: Гиппократ +, 2004. 335 с.
2. *Спотниц Х.* Современный психоанализ шизофренического пациента. СПб: ВЕИП, 2004. 293 с.
3. *Хелл Д., Фишер-Фельтон М.* Шизофрения. М.: Алетейя, 1998. 192 с.

Переживание неопределенности и психологическое благополучие личности

С. А. Русина

*Алтайский государственный педагогический университет
Барнаул, Россия
d-u-sha@mail.ru*

The Experience of Uncertainty and Psychological Well-Being of the Personality

S. A. Rusina

*Altai State Pedagogical University
Barnaul, Russian Federation
d-u-sha@mail.ru*

Одним из значимых показателей успешной жизненной позиции человека является психологическое благополучие.

К перечню жизненных факторов, которые фрустрируют эффективность жизнедеятельности и влияют на уровень психологического благополучия, относят переживание человеком ситуации неопределенности.

На базе ФГБОУ ВО «АлтГПУ» (Центр психологического и социального здоровья молодежи) был проведен добровольный опрос клиентов, обратившихся за психологической помощью в течение трех месяцев (март, апрель, май). Проведение опроса было продиктовано необходимостью получения информации, содержащей психологические особенности переживания клиентами актуальной жизненной ситуации. Анализ полученных результатов использовался с целью прогнозирования и усовершенствования оказываемой психологической помощи. В опросе приняли участие 96 человек. Первый вопрос касался оценки человеком своего психологического благополучия и его структурных компонентов. В нашем случае была использована модель психологического благополучия К. Рифф в адаптации Т. Д. Шевеленковой, П. П. Фесенко [1]. Респондентам предлагалось соотнести качественные изменения (ухудшение) психологического благополучия с количественной оценкой в процентах (если наблюдается снижение уровня психологического благополучия, то насколько: 30; 60; 90 % из возможных 100 %). Затем, отметить наиболее уязвимые сферы жизни, которые были представлены аспектами (компонентами) психологического благополучия: личностный рост, самопринятие, управление средой, автономия, цели в жизни, позитивные отношения с окружающими. Сам опрос-

ник не использовался. Первую группу составили респонденты, отметившие ухудшение психологического благополучия на 30 %, их оказалось 12 от всей выборки. Половина и более участников этой группы почувствовали ухудшение таких аспектов своей жизни, как управление средой (9 человек), автономия (7 человек). Из общего количества участников опроса почти половина (53 респондента) отметили снижение уровня психологического благополучия на 60 % и четыре аспекта, реализация в которых на данном жизненном этапе затруднена: самопринятие (21 человек), управление средой (40 человек), автономия (45 человек), позитивные отношения с окружающими (42 человека). Третью группу составила почти треть всей выборки (31 респондент). Половина и более опрошенных этой группы отметили снижение активности в реализации всех компонентов психологического благополучия: личностный рост (18 человек), самопринятие (21 человек), управление средой (28 человек), автономия (24 человека), цели в жизни (20 человек), позитивные отношения с окружающими (24 человека).

Вторым вопросом требовалось описать актуальные переживания и отметить фактор, который в большей степени затрудняет возможность конструктивно решать возникшие психологические трудности. Участники первой группы отмечали, что испытывают страх, тревогу, злость, растерянность. Им трудно сохранять независимость в принятии решений, так как приходится ориентироваться на общественное мнение, которое представлено противоречивой и неопределенной информацией. Переживание изолированности влияет на участившиеся конфликты в семье, снижение эмпатии и взаимопонимания между ее членами. Удручает ощущение невозможности или малой вероятности изменить / улучшить условия жизни. Это согласуется с отмеченными уязвимыми аспектами психологического благополучия (автономия, управление средой).

Во второй группе к уязвимым аспектам психологического благополучия более половины участников добавили самопринятие и позитивные отношения с окружающими. Среди характеристик актуального душевного самочувствия часто встречаются выражения: «я никчемная», «я слабая», «ненавижу себя за беспомощность», «я их не понимаю, они меня раздражают», «стала очень конфликтной, заводжусь по пустякам» и т. д. Присутствуют жалобы на плохое физическое самочувствие и наличие стресса. Участники ставят под сомнение свою способность принимать решения, объективно оценивать происходящее, находить ресурсы и быть поддержкой для членов семьи.

Участники третьей группы (половина и более человек этой группы) отметили негативную динамику во всех аспектах психологического благополучия. У них чаще остальных звучат темы одиночества, крушение планов и перспектив, отсутствие целей и неумение расставить приоритеты, неже-

вание общаться и поддерживать отношения, апатия, ступор, истерики. Большинство участников диагностируют у себя наличие депрессии.

Среди факторов, которые затрудняют стремление совладать с нестандартной ситуацией и взять под контроль изменения в своей жизни, большинство участников отметили пролонгированную неопределенность настоящего и будущего.

Отношение человека к неопределённости является важной личностной характеристикой, отражающей ее целостность и зрелость. По мнению Д. А. Леонтьева, «...неопределенность, помимо неприятных эмоций, содержит в себе важный, позитивный потенциал для человека, который может, выработав в себе адекватную позицию по отношению к неопределенности, ощутить присущие ей позитивные возможности» [2]. Исходя из этого мишенью психологической помощи может выступать неадекватная позиция и однозначный негативизм в отношении своих возможностей в ситуации неопределенности, устойчивое желание клиентов «быстрее пережить и забыть», «выждать, пока пройдет», «ничего не делать, пока не прояснится», «следовать общим рекомендациям, без учета собственных интересов».

Итак, все участники данного опроса, обратившиеся за помощью к психологу в период пандемии, отметили ухудшение психологического благополучия. Чем выше субъективный показатель психологического благополучия человека, тем больше уязвимых компонентов он отмечает. Эти компоненты свидетельствуют о наиболее значимых потребностях, которые находятся в стагнации, важным фактором которой выступает и отношение к ситуации неопределенности. Психологическая помощь в этом случае может иметь два этапа. На первом этапе оказывается экстренная психологическая помощь (актуальный запрос клиента), и вторым этапом, более длительным, является осознание и выработка «адекватной позиции» в отношении собственных установок на возможность предпринимать действия для решения актуальных жизненных задач в ситуации неопределенности.

Список литературы

1. *Шевеленкова Т. Д., Фесенко П. П.* Психологическое благополучие личности (обзор основных концепций и методика исследования) // Психологическая диагностика. 2005. № 3. С. 95–129.
2. *Леонтьев Д. А.* Вызов неопределенности как центральная проблема психологии личности // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 40. С. 2.

Необходимость рефлексии в современных условиях (по работам Л. С. Выготского)

Т. Э. Сизикова¹, Н. А. Стунжа²

¹ *Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия*

² *Национальный исследовательский институт «Высшая школа экономики»
Москва, Россия*

tat@ccru.ru, nadezda.stunzha@gmail.com

The Need for Reflection in Modern Conditions (According to the Works of L. S. Vygotsky)

T. E. Sizikova¹, N. A. Stunzha²

¹ *Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation*

² *National Research University "Higher School of Economics"
Moscow, Russian Federation*

tat@ccru.ru, nadezda.stunzha@gmail.com

Изменение не только социально-политических, экономических и технических условий влияет на психологическое состояние в современном мире, но и изменение парадигмы знания, влекущее за собой формирование новой картины мира. Эта новая картина мира, в которой целостность заменила системность, приоритет личности понизил приоритет деятельности, понимание качественных проявлений реальности расширило в психологии ее возможности, ограниченные экспериментом, и разнообразие чего-либо привело к признанию нелинейности и многомерности.

В такой ситуации актуальны исследования Л. С. Выготского, которые опередили свое время. Методологической основой взглядов Л. С. Выготского является целостность и выделение единиц целостности. Данное, несомненно, относится к субстратному научному подходу, в классификации подходов всех наук, разработанной А. А. Гагаевым [1]. Б. Г. Мещеряков писал: «Выготский часто применял термин “клеточка” в широком смысле в качестве синонима “единицы”, единицы сохраняют интересующие нас свойства целого» [2. С. 105]. Л. С. Выготский писал о необходимости ведущих единиц целого. Так, в исследовании мышления и речи он определяет единицу их единства – значение слова, а значение слова вырабатывается в рефлексии, единицей личности и среды является переживание, оно же есть динамическая единица сознания. Следовательно, методологические основы концепции Л. С. Выготского соответствуют новой, постнекласси-

ческой парадигме. В его научных трудах необходимо обратить внимание на то, что не было раскрыто психологами неклассического периода. К таким не востребованным неклассической рациональностью феноменам мы относим рефлексию. Традиционно считается, что Л. С. Выготский не занимался изучением рефлексии, но мы совершаем попытку показать, что в его исследованиях тех понятий, которыми можно описать любую реальность, в том числе и современную, рефлексии уделяется достойное внимание.

Существенным мы считаем возможность по разным высказываниям Л. С. Выготского реконструировать то, что рефлексия и мышление, рефлексия и сознание им рассматривались как связанные, но самостоятельные феномены. Данное отличало его взгляды от работ других психологов классической и неклассической рациональности, исследующих рефлексию в теле сознания, личности, мышления, но общим является гносеологический взгляд на рефлексию. Такая реконструкция необходима для того, чтобы можно было разрабатывать методы развития рефлексии в воспитательно-образовательных процессах, опирающихся на культурно-историческую психологию. Например, утверждение Л. С. Выготского «Ребенок еще не осознает своих внутренних операций и, следовательно, не способен ими управлять, а отсюда возникает и его неспособность к логическому мышлению» позволяет определить, на что не раз указывал сам Л. С. Выготский, что в онтогенезе сначала мышление является основой для рефлексии, а затем рефлексия опережает в развитии и является основой для логического мышления. Такое понимание созвучно с мнением А. Пятигорского: «Мышление вторично по отношению к осознанному мышлению о мышлении, то есть к рефлексии». Следовательно, рефлексия самостоятельна и выполняет определенную роль в развитии высших психических функций.

Данное указывает на то, в каком возрасте необходимо развивать все операции мышления на разном предметном материале, а в каком пользоваться этим, уже развивая рефлексию. «В 7-летнем возрасте мы имеем дело с началом возникновения такой структуры переживаний, когда ребенок начинает понимать, что значит “я радуюсь”, “я огорчен”, “я сердит”, “я добрый”, “я злой”, т. е. у него возникает осмысленная ориентировка в собственных переживаниях... Переживания приобретают смысл» [З. С. 379]. «Логическое мышление есть непременно сознательное и притом опирающееся на интроспекцию мышление» [З. С. 96]. Развитость логического мышления характерна для подросткового возраста. Для того чтобы, развивать востребованное в современных условиях логическое мышление, нелинейное и многомерное, необходимо в период от младенчества до подросткового возраста быть взрослому в общении с ребенком, в котором развивается рефлексия как многомерная, целостная и нелинейная. Развитие такой рефлексии опирается не на формальную логику, а на переживания ребенка и освоение культурных значений вырабатываемого ребенком

смысла. Обучение родителей и педагогов методам развития такой рефлексии является первоочередной задачей, и ее решение позволяет человеку уже с детских лет развивать и укреплять в себе опору в быстро изменяющихся сложных по своей структуре условиях действительности, в которых неопределенность должна стать не фактором стресса, а фактором развития. Л. С. Выготский указывал на важную роль взрослого в развитии ребенка: «Центром всякой предметной ситуации для младенца является другой человек, изменяющий ее значение и смысл, и, во-вторых, что отношение к предмету и отношение к человеку еще не расчленены у младенца. Сам по себе предмет по мере отдаления его от ребенка теряет аффективную притягательную силу, но эта сила оживает с прежней интенсивностью, как только рядом с предметом, в непосредственной близости от него, в одном оптическом поле с ним появляется человек» [3. С. 307].

Л. С. Выготский поддерживает взгляд Клапареда на проблемную ситуацию, вызывающую появление и развитие рефлексии «различие предметов создает состояние неприспособленности, и именно эта неприспособленность заставляет ребенка осознать проблему. Клапаред выводит на основе этого общий закон, гласящий, что мы осознаем только в меру нашего неудачного приспособления» [3. С. 86]. Следовательно, чем больше неопределенности в социальной ситуации действительности, что характеризует современные условия, и социальной ситуации развития ребенка, тем активнее рефлексия и интенсивнее ее развитие.

Современными исследованиями показана здоровьесберегающая функция рефлексии и активность при рефлексии совершенно иных зон головного мозга, отличных от зон активности при мышлении, что подтверждает статус рефлексии как самостоятельного психологического феномена, а также необходимость целенаправленного развития рефлексии, опирающейся на наглядно-действенное и наглядно-образное мышление, обладающих большими степенями свободы по сравнению с формально-логическим, для переноса усвоенных в рефлексии неосознаваемых мыслительных операций в развивающееся нелинейное и многомерное мышление.

Список литературы

1. Гагаев А. А., Гагаев П. А. Этнокультурная теория истины в теории и методологии субстратного подхода // «Академия Тринитаризма». 2015. URL: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0016/001c/00162757.htm> (дата обращения 03.09.2020).

2. Меццераков Б. Г. Взгляды Л. С. Выготского на науку о детском развитии // Культурно-историческая психология. 2008. Т. 4, № 3. С. 103–112.

3. Выготский Л. С. Детская психология // Выготский Л. С. Собр. соч.: В 6 т. М.: Педагогика. 1984. Т. 4. 432 с.

Представление о детско-родительских отношениях у подростков со склонностью к отклоняющемуся поведению

Е. Р. Скребатун, О. В. Киселёва

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
skr30liza@gmail.com, kiseleva_ov@inbox.ru*

Perception of Child-Parental Relationship in Adolescents with a Tendency to Deviate Behavior

E. R. Skrebatun, O. V. Kiseleva

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation
skr30liza@gmail.com, kiseleva_ov@inbox.ru*

Среди различных возрастных этапов становления человека подростковому возрасту отводится важное место, так как в этом возрасте предстоит решить ряд важных задач. Развитие у подростков происходит на фоне гормональных изменений, смены ведущей деятельности, поиска себя, желания приобрести самостоятельность и автономию, что делает их жизнь непростой и наполненной переживаниями [1]. Ввиду сложности эмоциональной регуляции у подростков есть риск формирования различного рода отклонений в поведении.

Однако в последнее время подростки не желают взрослеть, брать на себя ответственность и выходить самостоятельно во взрослую жизнь. Все больше молодых людей на сегодняшний день не стремятся к автономии от родителей, не проявляют инициативности и желаний, не имеют идеалов. Конфликта подростков с родителями, в котором есть динамизм, взаимообмен, нет, отношения нейтрализовались [1; 2].

Вышеописанные тенденции можно объяснить, с одной стороны, протекционизмом и постоянной опекой родителей. В итоге ребенок становится неспособным адаптироваться к трагедии ежедневной жизни, самостоятельно справляться с малейшим волнением или неудобством [1]. С другой стороны, мы можем говорить об утрате контакта, возможности общения между родителями и детьми [2]. Однако возросшая роль сверстников в подростковом возрасте вовсе не заменяет значимость эмоциональной поддержки, которую оказывают родители. Для обретения самостоятельности и независимости подросткам важно делать собственные выборы в ситуации межличностного общения, строить собственные отношения с окружающими

ми людьми, самостоятельно решать и предотвращать конфликтные ситуации, и делать это без поддержки и принятия со стороны родителей оказывается сложным [1; 3–6]. Родительская чуткость и отзывчивость, а также осознание подростками того, что родители их поддерживают, особенно важны в сфере поддержки автономии подростка [7; 8]. При этом важно, чтобы по мере возрастания автономии у подростка отношения с родителями становились более равноправными [9]. Было показано, что способность к эмоциональной регуляции у подростков развивается наиболее эффективно в контексте безопасных, поддерживающих отношений с родителями. Также отзывчивость родителей, вместе с требовательностью, напрямую влияют на успешную адаптацию подростков, их успеваемость в школе и психологическую зрелость [10].

Опыт отношений с матерью, отцом, характер этих отношений формируют у ребенка определенный образ родителей. В дальнейшем сложившиеся образы матери и отца уже сами начинают определять специфику детско-родительских отношений и выполняют регулирующую функцию в развитии взаимоотношений с другими [11]. Исследования показывают, что искаженное восприятие детско-родительских отношений может повышать риск агрессивного поведения [12].

Таким образом, целью нашего исследования стало изучение представлений о взаимоотношениях с родителями у подростков со склонностью к отклоняющемуся поведению. Мы предполагаем, что подростки, имеющие склонность к нарушению правил и норм, описывают свои отношения с родителями как менее благоприятные, конфликтные.

В исследовании участвовали подростки 7-х классов в возрасте от 12 до 14 лет (26 девочек и 25 мальчиков, средний возраст $13,27 \pm 0,49$) Гимназии № 3 в Академгородке Новосибирска. Для определения склонности подростков к нарушению правил и норм мы использовали опросник определения склонности к отклоняющемуся поведению (А. Н. Орёл) [13]. Установки, поведение и методы воспитания родителей так, как видят их дети в подростковом возрасте, исследовались с помощью опросника «Подростки о родителях» [14]. На основании квартильного деления по показателям шкалы «Склонность к преодолению норм» методики определения склонности к отклоняющемуся поведению (А. Н. Орёл) были выделены группы:

1-я группа ($n = 16$) – с низкими показателями (среднее значение $3,53 \pm 1,13, 2$);

2-я группа ($n = 18$) – со средними показателями (среднее значение $5,83 \pm 0,86, 2$);

3-я группа ($n = 17$) – с высокими показателями (среднее значение $8,59 \pm 0,71$).

При сравнении показателей шкал методики «Подростки о родителях (оценка матери)» достоверно значимых различий между группами выявля-

но не было, в то время как представления об отце в 1, 2 и 3-й группах достоверно значимо различались по показателям шкалы «Автономность» ($H = 9,122$; $p < 0,05$). Далее был проведен попарный сравнительный анализ выделенных групп по показателям данной шкалы с помощью критерия U-Манна-Уитни.

При сравнении показателей в 1-й и 2-й группах по шкале «Автономность» в оценке отношений с отцом обнаружены достоверно значимые различия (средние значения и стандартное отклонение $2,56 \pm 0,73$ и $3,39 \pm 0,70$ соответственно; $U = 58,000$; $p = 0,003$). При сравнении показателей во 2-й и 3-й группах различий выявлено не было. Сравнение показателей в 1-й и 3-й группах также выявило различия (средние значения и стандартное отклонение $2,56 \pm 0,73$ и $3,29 \pm 0,99$ соответственно; $U = 71,000$; $p = 0,024$).

Принимая во внимание тот факт, что показатели по шкале «Автономность» во всех выделенных группах находятся в пределах ниже средних значений, мы можем говорить об оценке подростками своих отцов как отстраненных, дистанцированных в отношениях. Наиболее выражен данный показатель в группе подростков с конформным поведением (1-я группа). Результаты ранее проведенных исследований показывают, что отсутствие привязанности и близости в отношениях с отцом связано с экспрессивным подавлением и большим вовлечением подростка в активную социальную агрессию [15]. Роль отца важна в формировании жизненной перспективы подростка, поддержке выборов ребенка, демонстрации на личном примере конструктивных форм поведения, консультативной помощи, связи с внешним миром [1; 2].

Продолжение исследования данной проблемы предполагает более подробное рассмотрение этих отношений в двустороннем процессе – как со стороны родителей, так и со стороны подростков. Это позволит принять во внимание желания, интересы и потребности обеих сторон и будет способствовать выстраиванию конструктивного диалога и укреплению детско-родительских отношений, что, в свою очередь, повышает социально-психологическую адаптацию подростков и является профилактикой формирования у них отклонений в поведении.

Список литературы

1. Новикова Г. В., Умняшова И. Б., Запорожская Д. Е. Психологическая помощь родителям «несамостоятельных» подростков // Вестник практической психологии образования. 2017. Т. 14, № 2. С. 74–79. URL: https://psyjournals.ru/vestnik_psyobr/2017/n2/Novikova_Umnyakova_Zaporizhia.shtml (дата обращения 28.08.2020).

2. *Дольто Ф.* На стороне подростка / Пер. с фр. А. К. Борисовой; предисл. М. М. Безруких. 3-е изд. Екатеринбург: Рама Паблишинг, 2018. 423, [1] с.
3. *Авдеева Н. Н., Хоффман Б. Э.* Актуальные направления исследований взаимоотношений подростков с родителями // Современная зарубежная психология. 2019. Т. 8, № 4. С. 69–78. DOI 10.17759/jmfp.2019080407
4. *Карабанова О. А.* Детско-родительские отношения и практики воспитания в семье: кросс-культурный аспект // Современная зарубежная психология. 2017. Т. 6, № 2. С. 15–26. DOI 10.17759/jmfp.2017060202
5. *Эйнстад Г.* Самооценка у детей и подростков: Книга для родителей. М.: Альпина Паблишер, 2015. 394 с.
6. *Giannotta F., Rydell A.* The role of mother-child relationship in the route from child ADHD to adolescent symptoms of depressed mood // Journal of Adolescence. 2017. Vol. 61. P. 40–49. DOI 10.1016/j.adolescence.2017.09.005
7. *Allen J. et al.* A Secure Base in Adolescence: Markers of Attachment Security in the Mother – Adolescent Relationship // Child Development. 2003. Vol. 74, no. 1. P. 292–307. DOI 10.1111/1467-8624.t01-1-00536
8. *Moretti M., Peled M.* Adolescent-parent attachment: Bonds that support healthy development // Pediatric Child Health. 2004. Vol. 9, no. 8. P. 551–555. DOI 10.1093/pch/9.8.551
9. *Шнейдер Л. Б.* Семейная психология. М.: Академический проект; Трикста, 2010. 720 с.
10. *Steinberg L., Sheffield Morris A.* Adolescent Development // Annual Review of Psychology. 2001. Vol. 52. P. 83–110. URL: http://www.colorado.edu/ibs/jessor/psych7536-805/readings/steinberg_morris-2001_83-110.pdf (дата обращения 29.08.2019).
11. *Фомичева Л. Ф.* Образ родителей и представленность отношений с ними у подростков // Психологическая наука и образование. 2005. № 3. С. 26–40.
12. *Бандура А., Уолтерс Р.* Подростковая агрессия: Изучение влияния воспитания и семейных отношений / Пер. с англ. Ю. Брянцевой, Б. Краковского. М.: Апрель Пресс: ЭКСМО-Пресс, 2000. 508, [1] с.
13. *Клейберг Ю. А.* Социальная психология девиантного поведения: Учеб. пособие для вузов. М., 2004. С. 141–154.
14. Практикум по возрастной психологии: Учеб. пособие / Под ред. Л. А. Головей, Е.Ф. Рыбалко. СПб.: Речь, 2002. С. 640–652.
15. *Kokkinos M., Algiovanolou I., Voulgaridou I.* Emotion Regulation and Relational Aggression in Adolescents: Parental Attachment as Moderator // Journal of Child and Family Studies. 2019. Vol. 28, no. 11. P. 3146–3160. DOI 10.1007/s10826-019-01491-9

Неопределенность: культурный, клинический, этический ракурсы

Е. Т. Соколова

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Москва, Россия
etsokolova@yandex.ru*

Uncertainty: Cultural, Clinical, Ethic Perspectives

E. T. Sokolova

*Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation
etsokolova@yandex.ru*

Ситуация неопределенности в социокультурном контексте создается непрозрачностью общественных порядков и рычагов власти, расхождением между декларируемыми и нарушаемыми правами и свободами личности, манипуляцией информацией в СМИ. В пространстве ежедневного общения неопределенность задается «неуловимостью» и «текучестью» внутреннего мира Другого, динамикой коммуникации, мыслей и чувств. Для современного общественного сознания характерен также этический релятивизм, связанный с представлениями о допустимости манипуляции в современном социуме и при множественности самоидентификаций [1–4]. Особенно прекарны оказались к ситуации неопределенности, вызванной COVID-эпидемией и сопутствующей ей социальной изоляцией, люди с акцентуациями характера по шизотимическому типу, люди с неустойчивым социальным и семейным статусом. Специфика современной социокультурной в ситуации COVID-19 с ее неопределенностью, двусмысленностью, текучестью и непредсказуемостью захватывает самые широкие слои населения, определяя их чрезвычайную уязвимость и хрупкость.

Многоаспектность ситуации неопределенностью усиливает нагрузку на стрессоустойчивость человека, его способность «переносить» неопределенность без потери ориентации в реальности, без дезинтеграции личности, без саморазрушения и разрушения целенаправленного взаимодействия с физическим или социальным и межличностным окружением. Вместе с тем ситуация неопределенности провоцирует очень широкий спектр интенсивных эмоциональных состояний возбуждения, тревоги и тем самым активизирует сложившуюся систему ментализационных структур, защитных и копинговых стратегий саморегуляции, репрезентаций Я и Другого.

Неопределенность межличностных отношений порождается некоторой двойственностью его коммуникативной позиции: сочетанием доброжелательно нейтральной установки и фрустрирующим избеганием прямых ответов на вопросы пациента. Это позволяет последнему «встретиться» с собственным опытом переживания неопределенности, реконструирующим хаос аффективных состояний и тревог, травматичный ранний опыт эмоциональных отношений со значимыми Другими, мир инфантильных страхов, конфликтов и защит. Содержательная специфика эмоциональных переживаний, способы их структурирования и контроля, качественные и стилистические особенности познавательной деятельности в условиях неопределенности служат критериями диагностической оценки пограничной и нарциссической структурно-функциональной личностной организации. Так, феномен «бегства от неопределенности» свидетельствует в пользу ярко выраженной «полезависимости», высокого уровня тревожности и субъективного неблагополучия, «хрупкости» и «диффузии» Я. Предпочтение стереотипов прошлого, формализованных схем, устойчивых до ригидности традиций, авторитарного стиля власти и сопротивление изменениям интерпретируется как бессознательная и примитивная защита против избыточного и субъективно невыносимого дискомфорта перед лицом неизбегности персонального выбора в ситуации неопределенности.

Исходя из специфики проецируемого содержания тревоги, способов психологической защиты и состояния самоидентичности, мы выделяем пять типичных переживаний шока перед лицом социальной и культурной неопределенности, характеризующих баланс глобальной субъективной дезинтегрированности (глубины личностного расстройтва) и ресурсных возможностей личности.

Первый тип шокового состояния «наводнен» непереносимой персекуторной тревогой. Субъективная неопределенность максимальна, и ее феноменология такова: неясность, безграничность, бессвязность, паранойяльные фантазии враждебности, расщепление и поляризация позитивных и негативных качеств себя и «другого».

Второй тип также связан с отрицательным спектром эмоциональных состояний, порождаемых двусмысленностью, амбивалентностью, многозначностью, непредсказуемостью, противоречивостью, спутанностью. Страх неизвестности ведет к снижению уровня психического функционирования – когнитивной простоте, предпочтению упорядоченности, рутинности и предсказуемости, порождает полиморфные клинические симптомы: фобии, панику и психосоматические расстройства.

Третий тип характеризуется непереносимостью неопределенности как ситуации отсутствия доступа к собственным внутренним ресурсам и, как следствие, крайней зависимостью от поддержки Другого и социального окружения в целом; отказом от собственной системы эталонов, предпочте-

нием личного и социального конформизма, полным подчинением авторитету, нивелированием индивидуальности.

Четвертый тип шокового переживания неопределенности – маниакальное «опьянение» трансгрессией и хаосом, отсутствием всех и всяческих границ, любых сдерживающих нормативов и правил, триумф нарциссически-перфекционистской вседоступности и вседозволенности.

К пятому типу относятся позитивные эмоциональные переживания: любопытство, поисковая надситуативная активность, игра фантазии, порождение новых смыслов, удовольствие от исследований и инсайтов, творческое осмысление и конструктивное преобразованию ситуаций неопределенности.

Ряд эмпирических исследований свидетельствует о наличии клинических, стилевых, возрастных и межкультурных различий в порогах и способах совладания с неопределенностью: интолерантность к неопределенности в сфере близких межличностных отношений максимально выражена у больных с расстройствами шизотипического спектра, варьирует под влиянием моральных установок, маскулинности / феминности, межличностной дистанции и отношения к власти и социальному контролю, ситуативных влияний, социальному и образовательному статусу индивида.

Список литературы

1. *Батлер Дж.* Заметки к перформативной теории собрания. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018.
2. *Бауман З.* Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002.
3. *Соколова Е. Т.* Утрата Я: клиника или новая культурная норма. Эпистемология и философия науки. 2014. № 3. С. 190–210.
4. *Соколова Е. Т., Андреев К. О.* Особенности ментализации у больных с шизотипическими расстройствами // Психологические исследования. 2016. № 9 (46). С. 1.

Особенности жизнестойкости матерей младших школьников с РАС: факторы защиты и риска

Д. Г. Сороков, И. С. Куликова

*Московский государственный психолого-педагогический университет
Москва, Россия
SorokovDG@mgppu.ru*

Characteristics of Hardiness of Mothers of Younger School Children with ASD: Protective and Risk Factors

D. G. Sorokov, I. S. Kulikova

*Moscow State University of Psychology & Education
Moscow, Russian Federation
SorokovDG@mgppu.ru*

Цель: выявить особенности жизнестойкости матерей младших школьников с РАС, специфичные факторы защиты и риска.

Выборка – 70 женщин от 30 до 45 лет из Москвы и 14 регионов России: 41 мать младших школьников без ОВЗ и 29 женщин, имеющих ребенка с РАС (по МКБ-10: расстройства спектра F84.0–F84.5); в том числе 14 из Москвы (РАС-Москва) и 15 из регионов (РАС-регион). Выбор возраста детей: актуализация проблемы их включения во внешние социальные структуры [1]. Особенность РАС-Москва: обучение детей в ресурсных классах, поступление в которые стоило активных усилий матерей.

Методики: структурированное интервью [2], клиническая беседа [3]; «Тест жизнестойкости» [4].

Результаты и обсуждение

1. *Особенности жизнестойкости* (U-критерий Манна-Уитни) у матерей детей с РАС ($N = 29$) по сравнению с матерями детей без ОВЗ ($N = 41$): у первых ниже общая жизнестойкость ($U = 0,037$; $p < 0,05$) и компонент вовлеченности ($U = 0,036$; $p < 0,05$); схожие тенденции по контролю ($U = 0,092$; $p < 0,1$) и принятию риска ($U = 0,073$; $p < 0,1$). Матери детей с РАС острее переживают отчужденность, угрозы неопределенности от изменчивого мира, беспомощность и дисконтроль, стремясь к комфорту и безопасности.

2. В подвыборках РАС по сравнению с «нормотипичными» разная ситуация: при отсутствии различий в регионах в РАС-Москва значимо ниже общая жизнестойкость ($U = 0,018$; $p < 0,05$) и принятие риска ($U = 0,016$;

$p < 0,05$). С учетом специфики матерей РАС-Москва (с выученной самоподдержкой, активными проблемно-фокусированными усилиями по изменению ситуации) речь может идти об ограниченности безусловного принятия опыта общения с собственным аутичным ребенком в качестве части собственного жизненного опыта, что не позволяет снизить тревогу от неопределенности будущего.

3. *Внутри РАС-выборки* выявлен ряд факторов, влияющих на жизнестойкость.

3.1. *Трудовая занятость*: при *полной занятости* в сравнении с группой без таковой (с неполной, домохозяйки) *выше общая жизнестойкость* ($p = 0,014$; $p < 0,05$) и *все ее компоненты* (критерий Краскала-Уоллиса): вовлеченность ($r = 0,031$; $p < 0,05$), контроль ($r = 0,012$; $p < 0,05$), принятие риска ($r = 0,073$; $p < 0,1$ – тенденция). Стабильная занятость матери вне дома – защитный фактор среды, подтвержденный рядом зарубежных исследований о факторах жизнестойкости [5] и данными относительно детей с ОВЗ иной этиологии [6].

3.2. *Сопутствующие хронические заболевания детей с РАС*: у этих женщин *сверхнормативное принятие риска и его превосходство* по сравнению с матерями детей с РАС без таковых ($U = 0,022$; $p < 0,05$). Заболевания могут стать триггером склонности матерей действовать в отсутствие гарантий успеха, на свой страх и риск [7].

3.3. Конкретизирован фактор «*детности*», значимый для молодой семьи [8]: в сравнении с женщинами с одним ребенком с РАС у *матерей, воспитывающих сиблингов, один из которых с РАС, ниже показатели общей жизнестойкости* ($U = 0,008$; $p < 0,01$) и *всех ее компонентов*: вовлеченности ($U = 0,031$; $p < 0,05$), принятия риска ($U = 0,008$; $p < 0,01$), контроля ($U = 0,06$; $p < 0,1$ – тенденция). Влияние очередности рождения не выявлено.

Выводы и пути «ресурсной» поддержки

Признавая значимость современных исследований по картированию универсальных факторов жизнестойкости [5], мы полагаем, что в ситуации жизненной неопределенности семей, имеющих детей с РАС, важен акцент на специфических особенностях сочетания факторов защиты и риска. Концепт жизнестойкости представляется релевантным задачам проектирования практик первичной и вторичной поддержки таких семей.

1. Жизнестойкость – ключевая личностная переменная, опосредующая влияние хронических стрессогенных факторов на физическое здоровье и успешность деятельности [9]; выраженность ее компонентов вносит значительный вклад в психическое здоровье [10].

2. В отличие от сложной психотерапевтической работы с принятием или привязанностью к ребенку с РАС конструкт жизнестойкости как система убеждений поддается эффективной реконструкции [9].

3. Существует опыт поддержки с доказанной эффективностью; «*ресурсной*» для родителей и педагогов детей с РАС может стать адаптированная и упрощенная программа, аналогичная «The Hardiness Enhancing Lifestyle Program» (HELP) [11]. Эффекты тренинга жизнестойкости важны для самоусиления, снятия хронического физического и психического напряжения, особенно в условиях неопределенности.

Список литературы

1. Сороков Д. Г. Введение в психологию и педагогику детства. М.: МГАЛП, 1996.

2. Сороков Д. Г. Работа с научной информацией. Написание и защита квалификационных работ по психологии. М.: Форум, 2010.

3. Сороков Д. Г. Практикум по методам психологического исследования. М.: МГАЛП, 1996.

4. Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И. Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006.

5. Арчакова Т. О. Жизнестойкость против факторов риска // Электронный сборник статей портала психологических изданий PsyJournals.ru. 2009. Т. 1, № 2009-1. URL: https://psyjournals.ru/pj/2009_1/22860.shtml (дата обращения 29.08.2020).

6. Сороков Д. Г. Русская учительница. Семейные истории и метод научной педагогики Юлии Фаусек. М.: Форум, 2010.

7. Сороков Д. Г. Основы психологии развития. М.: МГАЛП, 1996.

8. Сороков Д. Г. Современная московская молодая семья (по результатам апробации системы социопсихологического мониторинга). М.: Пробел-2000, 2012.

9. Maddi S. R. Dispositional Hardiness in Health and Effectiveness // Encyclopedia of Mental Health. San Diego: Academic Press, 1998. P. 323–335.

10. Berant E., Mikulincer M., Florian, V. Attachment Style and Mental Health: A 1 Year Follow-Up Study of Mothers of Infants with Congenital Heart Disease // Personality and Social Psychology Bulletin. 2001. No. 27. P. 956–968.

11. Maddi S. R. The Hardiness Enhancing Lifestyle Program (HELP) for Improving Physical, Mental and Social Wellness. Oakland: University of California, 1994.

**Привязанность и копинг матерей младших школьников с РАС:
псевдобезопасность стратегий избегания vs «ресурсная поддержка»
концепта М. Монтессори**

Д. Г. Сороков, И. С. Куликова

*Московский государственный психолого-педагогический университет
Москва, Россия
SorokovDG@mgppu.ru*

**Attachment and Coping of Mothers of Younger School Children With
ASD: Safety of Avoidance Strategies vs “Resource Support” Concept of
M. Montessori**

D. G. Sorokov, I. S. Kulikova

*Moscow State University of Psychology & Education
Moscow, Russian Federation
SorokovDG@mgppu.ru*

Цель: выявить особенности привязанности, копинг-стратегий матерей младших школьников с РАС и их поддержки в условиях неопределенности.

Выборка – 70 женщин от 30 до 45 лет из Москвы и 14 регионов РФ: 41 мать младших школьников без ОВЗ и 29 матерей, имеющих ребенка с РАС (по МКБ-10: расстройства спектра F84.0–F84.5); в том числе 14 из Москвы (РАС-Москва) и 15 из регионов (РАС-регион). Выбор возраста детей: актуализация проблемы их включения во внешние социальные структуры [1]. Особенность РАС-Москва: обучение детей в ресурсных классах вследствие активных усилий матерей.

Методики: структурированное интервью [2], клиническая беседа [3]; модифицированный «Опросник привязанности к близким людям» [4]; «Опросник способов совладания» [5].

Результаты и обсуждение

1. У матерей детей с РАС ($N = 29$) по сравнению с «нормотипичной» выборкой ($N = 41$) значимо выше избегание привязанности ($U = 0,001$; $p \leq 0,001$). В подвыборках РАС по сравнению с «нормотипичными» разная значимость U -критерия Манна-Уитни: в Москве $U = 0,048$; $p < 0,05$, а в регионах $U = 0,002$; $p < 0,01$.

Налицо особенности функционирования системы привязанности взрослого человека [6]: ребенок с РАС не проявляет отзывчивости, что может

привести к актуализации у матери стратегии деактивации, блокированию поиска заботы и поддержки у объекта привязанности, поиску возможностей справиться с ситуацией самостоятельно.

2. Особенности копинга выборки РАС.

Значимое преобладание и сверхинтенсивность неадаптивного *конфронтативного* копинга у матерей РАС-регион по сравнению с РАС-Москва ($U = 0,033$; $p < 0,05$).

При отсутствии значимых корреляций у «нормотипичных», в РАС-регион есть прямые связи между *беспокойством* и неадаптивными копингами (*принятие ответственности*, $r = 0,552$; $p < 0,05$; *бегство-избегание*, $r = 0,689$; $p < 0,01$). В «РАС-Москва» прямые связи между *избеганием* и адаптивными когнитивными копингами (*самоконтроль*, $r = 0,668$; $p < 0,01$; *планирование*, $r = 0,789$; $p < 0,01$). Иначе говоря, внутри выборки с РАС при общей склонности матерей к повышенному избеганию видны прямая и компенсаторная модели стратегии деактивации.

В РАС-регион – прямая: в контексте вызовов неопределенности эмоционально и поведенчески неадаптивная (что усиливается с ростом беспокойства в привязанности); скорее кратковременно защитная, чем совладающая; очевидно непродуктивная для поддержки развития ребенка с особенностями [7].

В РАС-Москва – компенсаторная модель с неочевидной контрпродуктивностью для развития и тенденцией дистанцироваться от зависимых отношений посредством поддержания самооценки через дефензивное компенсаторное самосовершенствование (усиливающееся с ростом избегания): с выученной самоподдержкой, чрезмерной рационализацией, активной мобилизацией ресурсов, произвольными проблемно-фокусированными усилиями по установлению контроля над ситуацией и ее изменению. А также с дефицитом эмоциональности, интуитивности, спонтанности в «видении» ребенка и отношениях с ним в ситуации неопределенности.

Выводы и пути «ресурсной» поддержки

Обе модели избегания указывают на пережитый разочаровывающий социальный опыт без адекватных ментальных опор; на хрупкую природу «псевдобезопасного» мира матерей детей с РАС. А необходимость гибкой реорганизации жизни, вызванная нормативными кризисами развития и «неопределенностями» РАС, может противоречить привычной когнитивной ригидности их избегающего стиля [8].

Полагаем, что *принципиально «ресурсной опорой» для родителей и педагогов детей с РАС* являются концепты, стремящиеся осмыслить жизнь ребенка как целое (причем не важно, ограничены его возможности или нет). Уверены, что в заботе о развитии детей с РАС следует идти не от наличных конкретных практик к их сумме (всегда механической), а от цело-

стной идеи о ребенке – к комплексу необходимых для ее реализации практик.

Одним из немногих таких когнитивных конструктов является *гуманитарно-антропное учение о ребенке Марии Монтессори*, где изначально отсутствует деление психологии и педагогики на общую и специальную, т. е. сделан существенный шаг к подлинной инклюзии [9]. Научно-практический потенциал ее концепций возрастной периодизации [10] и сензитивных периодов развития ребенка [11] создает ориентировочную основу для обретения уверенности в закономерностях индивидуальных особенностей даже в ситуации неопределенности развития детей с РАС.

Список литературы

1. *Сороков Д. Г.* Введение в психологию и педагогику детства. М.: МГАЛП, 1996.
2. *Сороков Д. Г.* Работа с научной информацией. Написание и защита квалификационных работ по психологии. М.: Форум, 2010.
3. *Сороков Д. Г.* Практикум по методам психологического исследования. М.: МГАЛП, 1996.
4. *Сабельникова Н. В., Каширский Д. В.* Опросник привязанности к близким людям // Психологический журнал. 2015. Т. 36, № 4. С. 84–97.
5. *Крюкова Т. Л.* Методы изучения совладающего поведения. Кострома: Авантитул, 2007.
6. *Mikulincer M., Shaver P. R.* Attachment in adulthood: Structure, dynamics, and change. New York; London: Guilford Press, 2007.
7. *Сороков Д. Г.* Основы психологии развития. М.: МГАЛП, 1996.
8. *Berant E., Mikulincer M., Florian V.* Attachment Style and Mental Health // Personality and Social Psychology Bulletin. 2001. No. 27. P. 956–968.
9. *Сороков Д. Г.* Возможности и риски неклассической педагогики Монтессори в образовании и социализации детей с ОВЗ (из опыта работы): реабилитация и интеграция vs «подлинная» инклюзия // Семья и дети в современном мире. СПб.: РГПУ, 2020. Т. 6. С. 1217–1229.
10. *Сороков Д. Г.* Вслед за Юлией Фаусек // Богуславский М. В., Сороков Д. Г. Юлия Фаусек: 30 лет по методу Монтессори. М.: ММЦ, 1994. С. 106–133.
11. *Сороков Д. Г.* Что такое сензитивные периоды в развитии детей // Монтессори М. Помогите мне это сделать самому. М.: Карапуз, 2005. С. 203–227.

Синдром эмоционального выгорания врачей в условиях пандемии COVID-19

В. В. Титова

*Санкт-Петербургский государственный
педиатрический медицинский университет
Санкт-Петербург, Россия
vivlan2001@mail.ru*

Emotional Burnout Syndrome of Doctors in Conditions of COVID-19 Pandemic

V. V. Titova

*St. Petersburg State Pediatric Medical University
St. Petersburg, Russian Federation
vivlan2001@mail.ru*

По данным ряда исследований, проведенных в России и за рубежом во время пандемии COVID-19, среди врачей, а также среднего и младшего медицинского персонала, работавших с больными новой коронавирусной инфекцией, выявлен высокий риск развития целого ряда расстройств психической и соматической сферы [1; 2]. Так, по результатам исследования, проведенного на фоне пандемии в США, у 54,4 % врачей был выявлен хотя бы один симптом эмоционального выгорания и дистресса [3]. В Китае у 23,6 % опрошенных врачей были диагностированы расстройства сна [4], в обзоре британских исследователей расстройства сна обнаружены у 38,9 % врачей [5], в исследовании, проведенном в России, – у 37,4 % врачей, работавших с больными новой коронавирусной инфекцией¹. Тревожные расстройства среди врачей, по данным разных исследователей, составляют от 23,2 до 48,77 %, депрессии разной степени тяжести подвержены от 22,8 до 57,63 % врачей и медперсонала, работавших с больными COVID-19 [4; 5]². Многие исследователи отмечают, что тревога, депрессия и расстройства сна наиболее характерны для женщин, для лиц молодого

¹ См.: Результаты Всероссийского интернет-опроса медицинских работников в отношении их психического здоровья в период пандемии COVID-19. URL: <http://mental-health-russia.ru/news2/1120/116/rezultaty-vserossijskogo-oprosa-meditsinskih-rabotnikov-v-otnoshenii-ih-psihicheskogo-zdorovya-v-period-pandemii-COVID-19/>.

² Там же.

го возраста [3–5]³ и для среднего медперсонала, что, вероятно, можно объяснить тем, что средний медперсонал больше времени, чем врачи, проводит с тяжелыми больными. По данным ряда исследователей, в условиях пандемии медицинские работники чаще всего жаловались на моральное истощение, отстраненность от окружающих, тревогу при работе с больными, бессонницу, раздражительность, нарушение концентрации внимания, трудности при принятии решений, в ряде случаев – на отвращение к своей работе и стойкое желание уволиться [3–7]. В отдельных публикациях уделяется особое внимание проблеме развития посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) у врачей и медперсонала, работавших в условиях эпидемии COVID-19 [4], росту злоупотреблений алкоголем и наркотическими веществами среди персонала больниц [3; 5], суицидам у врачей и медперсонала [3; 5], неожиданным увольнениям персонала клиник [3], проблеме оказания некачественной медицинской помощи пациентам [3; 5]. Все эти исследования подтверждают актуальность проблемы эмоционального выгорания врачей, находящихся в условиях эпидемической ситуации.

На базе Санкт-Петербургского государственного педиатрического медицинского университета в период пандемии COVID-19 коллективом исследователей под руководством проф. И. А. Горьковой было проведено исследование текущего психоэмоционального состояния и признаков эмоционального выгорания врачей в разных регионах РФ. Перед началом исследования было получено одобрение Этического комитета СПбГПМУ. В исследовании приняли участие 599 врачей, 81,8 % ($n = 490$) из них были женщины, 18,2 % ($n = 109$) – мужчины. Средний возраст по выборке составил $47,35 \pm 10,77$ лет. В первую группу вошли врачи, которые работали с пациентами с COVID-19, они составили 31,2 % ($n = 187$) от общего числа респондентов. Во вторую группу вошли врачи, которые не работали с инфицированными коронавирусом пациентами, они составили 68,8 % ($n = 412$) всех участников исследования. Исследование проводилось с использованием специально разработанной авторской анкеты, опросника для исследования уровней эмоционального выгорания Maslach Burnout Inventory – Human Services Survey for Medical Personnel (MBI-HSS (MP)) в адаптации Н. Е. Водопьяновой (2005), а также госпитальной шкалы тревоги и депрессии – The Hospital Anxiety and Depression Scale (HADS) в адаптации М. Ю. Дробижева (1993). По результатам исследования высокая степень эмоционального истощения была выявлена у 43,3 % ($n = 81$) врачей из первой группы и 33,0 % ($n = 136$) из второй ($\varphi^* = 2,404$, $p \leq 0,01$). Высокие показатели по шкале деперсонализации выявлены у 41,7 % ($n = 78$)

³ См. также: Результаты Всероссийского интернет-опроса медицинских работников...

респондентов из первой группы, в то время как во второй группе такой показатель зафиксирован у 34,0 % врачей ($n = 140$) ($\varphi^* = 1,803$, $p \leq 0,05$). По шкале личных достижений статистически достоверных различий между группами выявлено не было. В целом полученные нами значения указывают на профессиональное выгорание. При этом у подавляющего большинства врачей, принявших участие в нашем исследовании, опросник HADS не только не выявил симптомов тревоги и депрессии, но и обнаружил результаты, превышающие нормативные показатели, что совершенно не согласуется с данными, полученными из анкеты и опросника МБИ. По мнению нашего коллектива исследователей, такие результаты могут быть обусловлены, например, социальной желательностью и связанным с нею отрицанием у себя любых симптомов тревоги или депрессии либо трудностями распознавания собственных переживаний – алекситимией.

Список литературы

1. *Kang L., Li Y., Hu S. et al.* The mental health of medical workers in Wuhan, China dealing with the 2019 novel coronavirus // *Lancet Psychiatry*. 2020. Vol. 7 (3):e14.
2. *Shigemura J., Ursano R. J., Morganstein J. C., Kurosawa M., Benedek D. M.* Public responses to the novel 2019 coronavirus (2019 – nCoV): mental health consequences and target populations // *Psychiatry Clin. Neurosci.* 2020 (February).
3. *Shah K., Chaudhari G., Kamrai D. et al.* How Essential Is to Focus on Physician's Health and Burnout in Coronavirus (COVID19) Pandemic? // *Cureus*. 2020. Vol. 12 (4):e7538. DOI 10.7759/cureus.7538
4. *Huanga Y., Zhaoa N.* Generalized anxiety disorder, depressive symptoms and sleep quality during COVID-19 outbreak in China: a web-based cross-sectional survey // Elsevier. *Psychiatry Research*. 2020. No. 288. P. 112954. DOI 10.1016/j.psychres.2020.112954
5. *Pappa S., Ntella V., Giannakas T., Vassilis G. et al.* Prevalence of depression, anxiety, and insomnia among healthcare workers during the COVID-19 pandemic: A systematic review and meta-analysis // *Brain, Behavior, and Immunity*. 2020. DOI 10.1016/j.bbi. 2020.05.026
6. *Patel R. S., Bachu R., Adikey A., Malik M., Shah M.* Factors related to physician burnout and its consequences: a review // *Behav. Sci.* 2018. No. 8:98. DOI 10.3390/bs8110098
7. *Shah K., Kamrai D., Mekala H., Mann B., Desai K., Patel R. S.* Focus on mental health during the coronavirus (COVID-19) pandemic: applying learnings from the past outbreaks // *Cureus*. 2020. No. 12:e7405. DOI 10.7759/cureus.7405

Связь «нормативной постнеклассичности» и конструктивистских убеждений у студентов-психологов *

А. А. Фёдоров

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
fedleks@yandex.ru*

The Relationship between “Normative Post-Nonclassicality” and Constructivist Assumptions in Students of Psychology

A. A. Fedorov

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation
fedleks@yandex.ru*

Современная психология вынуждена отвечать на многие вызовы, и нередко от успешности этих ответов зависит судьба её научного статуса. Один из таких вызовов связан с так называемой «постнеклассической рациональностью», экспансия которой приводит к росту неопределенности внутри психологии и «утончению» грани между наукой и псевдонаукой. Теоретический анализ, проведенный нами ранее [1], показал, что в психологию релятивизм постнеклассики часто вводится посредством конструктивизма или конструкционизма. Цель данной работы заключается в эмпирической проверке гипотезы о связи между ориентацией на постнеклассические идеалы научного знания и конструктивистскими убеждениями.

Материалы и методы

Нами был составлен опросник, состоящий из 55 пунктов. Десять утверждений в нем касались нормативных представлений о психологии и были сформулированы на основе критериев постнеклассической рациональности в психологии [2. С. 156–159]. Остальные утверждения касались общих представлений о психологической науке, из них 35 утверждений были взяты из исследования Д. Доды и Дж. Мартина, в котором изучались представления членов Американской психологической ассоциации о психологии [3].

Для оценки конструктивистских убеждений использовалась 12-пунктовая шкала (*Constructivist Assumption Scale, CAS*), разработанная М. Берзонски [4].

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 18-013-00715

В выборку исследования вошли 114 студентов-психологов (71 % женщин, 29 % мужчин) из разных городов России.

Результаты

Для шкалы конструктивистских убеждений коэффициент надежности ω Макдональда составил 0,727. «Нормативную постнеклассичность» (чем этот показатель выше, тем более характерно для человека убеждение, что психология должна быть постнеклассической наукой) мы рассматриваем как формативную переменную, поэтому для нее показатель надежности не рассчитывался. Корреляционный анализ показал, что между CAS и показателем нормативной постнеклассичности существует значимая положительная связь ($\rho = 0,394, p < 0,001$). Также были получены данные о связях нормативной постнеклассичности и некоторых факторов, выделенных в исследовании Д. Доды и Дж. Мартина. Так, она оказалась отрицательно связана с убеждением в том, что психология является естественной наукой ($\rho = -0,272, p = 0,003$), убеждением в полезности редукционизма ($\rho = -0,249, p = 0,007$) и верой в возможность объединения психологии ($\rho = -0,453, p < 0,001$).

Таким образом, полученные результаты подтверждают гипотезу о связи между ориентацией на постнеклассические идеалы научности и конструктивистскими убеждениями. Важно отметить, что мы не рассматриваем конструктивистские убеждения как некоторую причину «нормативной постнеклассичности» (или наоборот). С нашей точки зрения, оба конструкта имеют диспозициональную природу, а потому представляют собой лишь вероятности поведения.

Список литературы

1. *Фёдоров А. А.* Постнеклассическая психология и псевдонаука: реалистическая перспектива // Вопросы философии. 2020. № 7. С. 93–103.
2. *Гусельцева М.С.* Эволюция психологического знания в смене типов рациональности: историко-методологическое исследование. М.: Акрополь, 2013.
3. *Dawda D., Martin J.* Psychologists on psychology: The inquiry beliefs of psychologists by subdiscipline, gender, and age // Review of General Psychology. 2001. Vol. 5, no. 3. P. 163–179.
4. *Berzonsky M. D.* Individual differences in self-construction: The role of constructivist epistemological assumptions // Journal of Constructivist Psychology. 1994. Vol. 7. P. 263–281.

Индивидуальная аномия в условиях транзитивного общества *

Е. В. Харитонова

*Институт психологии РАН
Москва, Россия
elena.kharitonova2016@mail.ru*

Individual Anomie in a Transitive Society

E. V. Kharitonova

*Institute of Psychology RAS
Moscow, Russian Federation
elena.kharitonova2016@mail.ru*

Понятие «глобализация» стало одним из самых употребляемых в современных социально-гуманитарных науках, с его помощью делается попытка объяснить стремительные изменения практически во всех сферах жизни человека. Ситуация с коронавирусной инфекцией наглядно продемонстрировала, что процессы сближения, интеграции, взаимовлияния, взаимопроникновения – это актуальная действительность нашего времени.

Процессы глобализации тесно связывают с происходящими преобразованиями, трансформациями, которые вносят свои изменения в традиционные способы реагирования, принятия решений, оценки ситуации и в целом в систему ценностных ориентаций человека, закреплённых в менталитете народа. Таким образом, можно утверждать, что происходит трансформация менталитета. Значимой особенностью процесса трансформации менталитета является современная ситуация ускорения информационных потоков, увеличение количества разнообразных ситуаций, в которые попадает человек в единицу времени. Это, в свою очередь, увеличивает число ролей и количество выборов, требует большего сосредоточения внимания, увеличивает временную занятость в целом, повышает субъективное чувство усиления сложности жизни.

Такое нестабильное, неопределённое состояние общества получило название «транзитивное общество». Само понятие «транзитивность» образовано от латинского *transitivus* – переходный, трактуется как прохождение, переход. Признаки такого общества: «...человечество находится в транзитном состоянии, не имея четкого видения своего будущего; не сформир-

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 20-013-00390.

рованы целевые установки развития, философия и смысл жизни, система духовно-нравственных ценностей» [1. С. 5].

Неопределенность, ситуация нестабильности в обществе вносит в жизнь человека, как нам представляется, явление аномии в его индивидуально-психологическом проявлении. Аномия (др.-греч. ἀ- – отрицательная приставка, νόμος – закон) представляет собой состояние, характеризующееся отсутствием цели, разрушением традиций и ценностей, как у отдельного человека, так и в обществе в целом. Аномию на уровне отдельной личности впервые стал рассматривать Лео Сроул, осуществив психологический подход к ее изучению, он предложил рассматривать аномию как индивидуальный опыт и измерять индивидуальные субъективные переживания аномии. В качестве характерных переживаний такого человека он предложил пять утверждений, согласие с одним из них, говорит о наличии у индивида личностной аномии в определенной сфере: 1) я чувствую, что влиятельные фигуры в обществе равнодушны к моим запросам и нуждам; 2) в обществе, где нет порядка и неизвестно, что случится завтра, мало чего можно добиться; 3) шансов достигнуть важнейших для меня жизненных целей все меньше; 4) что бы я ни делал, получается, что жизнь проходит даром; 5) я все больше убеждаюсь в том, что не могу рассчитывать на дружескую поддержку со стороны моего непосредственного окружения (цит. по: [2. С. 127]).

Психологическая концепция аномии была развита Робертом Макайвером и Дэвидом Рисменом. «Психологическая аномия», по Макайверу, – это такое состояние личности, когда индивид «оторван от своих моральных корней, у него нет больше каких-либо норм поведения, а остались только разрозненные побуждения, у него нет больше представлений о целостности, о единстве народа, о долге» (цит. по: [3. С. 7]). Дэвид Рисмен полагает, что аномия – это неприспособленность человека к жизни в обществе. По его мнению, в любом обществе есть личности, «ориентированные извне», «ориентированные изнутри» и «традиционно ориентированные». В современном обществе, главная цель – это достижение финансового успеха, слава и победа в конкурентной борьбе с другими, в таком обществе комфортно тем, кто «ориентирован извне». Другим, «традиционно ориентированным» или «ориентированным изнутри», сопутствует **чувство одиночества**, они ощущают себя чужаками в мире, ценности которого не разделяют.

Аномию как личностное состояние изучал Элвин Пауэл, который отметил, что в условиях, когда «цели деятельности индивида становятся противоречивыми, недостижимыми или несущественными, состояние аномии усиливается. Оно характеризуется **общей потерей ориентации** и сопровождается **ощущением «пустоты» и апатии**, аномия может ощущаться индивидом просто как состояние **бессмысленности** [4. С.132].

Собственную концепцию личностной аномии создает Роберт Агню, он предлагает «Общую теорию напряжения», которая показывает разные источники **социально-психологического напряжения**, включая и рассогласование между целями и средствами их достижения [5. Р. 48]. Источником аномического напряжения на уровне личности всегда являются «негативные взаимоотношения с другими, иначе говоря, взаимоотношения, в которых индивида не воспринимают так, как ему... хотелось бы, чтобы его воспринимали» [5. Р. 50]. Несоответствия в ожидании индивида приводят к стремлению избегать отрицательных оценок, он может либо скрывать от окружающих свои ситуации неуспеха, либо вообще избегать какой-либо деятельности, уходить от взаимодействия, предпочитать **одиночество**.

Современные отечественные исследователи аномии вносят в ее анализ новые существенные характеристики, которые еще предстоит исследовать с точки зрения их психологических составляющих. Так, анализируя современную аномию в российском обществе, В. В. Кривошеев считает ее сущностной характеристикой **ситуацию коротких жизненных проектов** [6]. Короткие жизненные проекты – это расчет людьми своих планов, видение ими своих перспектив (социальных, экономических, духовных, семейных) на крайне непродолжительное время. Планирование своего времени не превышает в таких проектах одного-двух календарных лет, в связи с чем возникает ситуация, когда ценность собственной жизни снижается, но при этом усиливается эгоцентризм.

Еще одним проявлением аномии является **апатия**, которая на индивидуальном уровне проявляется в ярко выраженном *инфантилизме, уходе от межличностного общения в виртуальную реальность*. Современное восприятие музыки, кино также становится более индивидуализированным, фильмы через ноутбуки, музыка в наушниках лишают человека коллективного сопереживания, разрушают возможность общего отношения к ценностям, сужают социальное пространство личности, сокращая его социальную жизнь с точки зрения соотношения себя с другими.

Моральное равнодушие представляет собой еще одно проявление психологической аномии, это особое отношение безразличия к себе и полного пренебрежения к Другому [7]. Моральное равнодушие на личностном уровне характеризует слабовольную, инфантильную, безответственную личность. Количество таких личностей в аномичном обществе возрастает и приводит к моральному равнодушию масс.

Представляется, что современная ситуация транзитивного общества детерминирует накопление индивидуально-психологических проявлений аномии в российском обществе, которые являются потенциальными причинами всевозможных девиаций, поэтому их изучение, возможность профилактики и коррекции представляются значимыми как для глубоких тео-

ретических исследований, так и для практико-ориентированных разработок.

Список литературы

1. Россия в XXI веке: Материалы годового собрания Академии геополитических проблем. М.: Академия геополитических проблем, 2012.
2. Лабиринты одиночества / Сост. Н. Е. Покровский. М., 1989.
3. *Кара-Мурза С. Г.* Аномия в России: причины и проявление. М.: Научный эксперт, 2013.
4. *Powell E. H.* Occupation, Status and Suicide: Toward a Redefinition of Anomie // *American Sociological Review*. 1958. Vol. 23, no. 2. P. 131–139.
5. *Agnew R.* Pressured into Crime: An Overview of General Strain Theory. Los Angeles: Roxbury Publ., 2006. 238 p.
6. *Кривошеев В. В.* Аномия современного общества: проблемы теоретического анализа и эмпирического измерения. Калининград, 2008.
7. *Бурова Ю. В., Коваль Е. А.* Нормативные основания механизмов преодоления дезадаптации современной молодежи в условиях социальной аномии (на примере Республики Мордовия). Саранск, 2014.

Влияние фрустрации базовых потребностей личности на толерантность к неопределенности

О. А. Цветкова

*Омский государственный технический университет
Омск, Россия
zvetol@mail.ru*

Influence of Basic Needs Frustration of a Person on Tolerance to Uncertainty

O. A. Tsvetkova

*Omsk State Technical University
Omsk, Russian Federation
zvetol@mail.ru*

Исследование толерантности к неопределенности – одно из новых направлений в психологии. Интерес к этому феномену возник в социальной психологии, распространился на когнитивную психологию и в настоящее время границы изучения продолжают расширяться [1]. Динамичность современной жизни, наличие таких вызовов, как глобальная пандемия, резкое изменение уклада жизни не только отдельного человека, но и всего человечества, обострило и расширило сферы изучения толерантности к неопределенности и тем проявлениям, которые она порождает как в поведенческом, так и в личностном плане. Из узкотеоретического вопроса отдельной отрасли психологии толерантность к неопределенности разворачивается в понятие, изучение которого имеет остроактуальный прикладной аспект для очень широкого круга отраслей психологического знания – от психотерапии и психологического консультирования до психологии безопасности или психологии здоровья.

Представляется очень важным всестороннее рассмотрение данного феномена. В научных статьях описывают достаточно большое количество характеристик интолерантной к неопределенности личности [2]. В отечественной психологии обосновываются возможности толерантной к неопределенности личности оптимально разрешать сложные или даже экстремальные жизненные ситуации, сохраняя психологическое здоровье и благополучие [3]. Однако важным представляется изучение факторов, приводящих к интолерантности к неопределенности.

В нашей работе исследуются факторы, обуславливающие толерантность к неопределенности как личностной черты или ситуативной уста-

новки. Одним из таких факторов выступает фрустрация базовых потребностей человека. В частности, формулируется гипотеза, согласно которой фрустрация базовых потребностей личности будет снижать уровень устойчивости к неопределенности, т. е. повышать неустойчивость личности к условиям неопределенности. Это снижает регулятивную способность личности и нарушает тем самым процессы адаптации у человека. Одним из примеров этого является возрастание различных личностных и поведенческих расстройств, повышение проявлений деструктивного (в том числе рост аддиктивного) поведения в период пандемии COVID-19.

Фрустрация – это психическое состояние, которое развивается в связи с невозможностью реализации потребности. В структуру фрустрации включены такие компоненты, как жизненная ситуация, которая делает невозможной реализацию потребности (фрустратор), разрыв между потребностью и целью, проявляющийся в отказе от цели и особом психическом состоянии, которое возникает у личности в связи с этим [4].

Базовые потребности характеризуется определенной степенью «вitalности» для личности и невозможностью их альтернативной реализации. Отказ от удовлетворения базовых потребностей порождает множество негативных феноменов, описанных в психологической литературе. Важным представляется длительность фрустрации базовых потребностей и периоды, в которых данная фрустрация происходит. Так, описаны случаи явления госпитализма, которые на разных возрастных этапах имели различные возможности для коррекции. Это явление изучалось у детей различных возрастов, однако в литературе по медицинской психологии описано множество исследований, проводимых на взрослых пациентах, длительно находящихся в условиях стационара. Во всех этих случаях наблюдалось нарушение адаптации и психического благополучия. Ситуация фрустрации базовых потребностей является для личности трудной и даже критичной и требует выработки определенных механизмов совладания и стратегий поведения, которые позволяли бы разрешать ее. Это напрямую связано с такой характеристикой, как толерантность к неопределенности. Длительное действие фрустратора в отношении базовых потребностей фиксирует и расширяет веер ситуаций, которые воспринимаются как неизвестные, нестабильные и потому угрожающие личности. Таким образом, формируется устойчивая личностная характеристика – интолерантность к неопределенности. Однако, если ситуация фрустрации разрешилась, потребность удовлетворяется, личность приобретает новый механизм адаптации, и любая новая неизвестная ситуация будет оцениваться как возможность. Неопределенность не пугает и не угрожает, а рассматривается как необходимое условие любого движения и развития, т. е. формируется толерантность к неопределенности.

Таким образом, нам кажется правомерным сделать заключение, что фрустрация базовых потребностей личности выступает одним из факторов, влияющих на толерантность / интолерантность личности к неопределенности. Фрустрация базовых потребностей, появляющаяся на ранних этапах онтогенеза и действующая длительное время, приводит к закреплению личностных характеристик, проявляющихся в интолерантности к неопределенности и фиксации деструктивных стратегий совладания с ней. Если фрустрация базовых потребностей происходит относительно непродолжительное время или на более поздних этапах онтогенеза, личность проявляет временную интолерантность к неопределенности, т. е. она способна выработать конструктивные способы совладания с ситуацией и научиться быть толерантной к неопределенности.

Список литературы

1. *Чагова М. А.* История и современное развитие проблемы толерантности к неопределенности в психологической науке // РЕМ: Psychology. Educology. Medicine. 2014. No. 1. P. 77–87.
2. *Леонов И. Н.* Толерантность к неопределенности как психологический феномен: история становления конструкта // Вестник Удмурт. ун-та. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2014. № 4. С. 43–52.
3. *Лобачевская Е. А.* Толерантность к неопределенности как личностный феномен // Акмеология. 2013. № 3 (47) С. 78–80.
4. *Налчаджян А. А.* Психологическая адаптация. Механизмы и стратегии. М.: Эксмо, 2010. 368 с.

**COVID-19, Жиль Делёз и Кант:
изоляция как продолжение просветительского проекта**

Р. В. Шамолин

*Новосибирский Открытый Университет
Новосибирск, Россия
shaman-rom@yandex.ru*

**COVID-19, Gilles Deleuze and Kant:
Isolation as a Continuation of the Enlightenment Project**

R. V. Shamolin

*Novosibirsk Open University
Novosibirsk, Russian Federation
shaman-rom@yandex.ru*

Многие знакомы с тезисом Иммануила Канта: быть просвещенным человеком означает иметь мужество пользоваться собственным разумом. Только в наши времена голос «собственного разума» почти не различим, – шум от постоянно работающих корпоративных и бытовых механизмов заглушил его. Для понимания этого состояния общественного бытия хорошо подойдет одна известная идея-метафора из французской антропологии XX в., из работ Жюль Делёза и Феликса Гваттари. Речь о «машинах желаний» и о том, как они ломаются.

Стабильно воспроизводимые и легко узнаваемые потребности; волевые потоки, направленные к известным целям; чувства, не знающие колебаний; убеждения, одевающие мир в жесткие корсеты, – все это работа определяющих установок нашего общественного бытия, в которых мы не сомневаемся. Такие установки и есть «машины желаний», чья бесперебойная работа обеспечивает нас рабочими и зрительскими местами в известной картине мира. Да и сама картина мира держится на стабильном вращении их колес. Откуда берутся эти «машины»? Однозначного ответа никто не дает, но предположим, что они есть законсервированные настройки когда-то случившихся выборов нашей воли, закрепленные практикой ежедневных повторений и легализованные властью общественного мнения и государства. В силу этого закрепления то, что некогда относилось к интимной, тайной области «желания», к тому подпольному импульсу, который французские психоаналитики зовут не-удовлетворимым оргазменным влечением – *jouissance*, теперь попадает в замкнутый круг легального производства. И, следуя правилам этого круга, желание-влечение становится цементом для

повседневного, как будто необратимого реализма. Начинается работа «машин», где желание превращено в обязательную к исполнению программу.

Все эти вещи о «машинном» характере общества людей достаточно известны и популярны среди философских умов. Но у создателей концепта «машины желаний» – Делёза и Гваттари – есть еще один интересный и несколько необычный момент. Они утверждают, что в самих «машинах» заложен алгоритм их поломки, их программного сбоя. Это может быть объяснено тем, что системы человеческого бытия должны обновляться притоками неуправляемых, неподконтрольных желаний-влечений; это расчищает место апгрейду, усовершенствованию «машин». Но «машина», которая слишком долгое время не ломается – это некачественная, регрессивная «машина». И производить она будет все худшее и худшее качество бытия.

И вот: пандемия, карантин, время изоляции и всевозможных «отмен». Известные «машины желаний» если и не сломались еще окончательно, то встали на паузу. Наше поведение больше не может следовать стандартам, так как стандарты отменены. Отменяются: присутствие на работе, поездка в метро, прогулка в общественном месте, встреча, на которой может быть больше трех человек. Вспоминается пророческий Ф. Ницше: «...и если вы соберетесь впятером, шестой должен всегда умереть». Отменяется вообще всякое событие, к которому применимо прилагательное «публичное». Пришло новое время – время отмен и изоляции.

Если посмотреть на пандемию как на «поломку машины», то это, возможно, одна из наиболее масштабных поломок за последние полстолетия. И сломалась здесь не какая-то великая геополитическая конструкция, не глобальный мессианский проект. Сломалась сама повседневность, реальность того известного нам бытия, вокруг которого по умолчанию происходило наше сплочение.

Все известные в истории «машины желаний» основаны на сплочении, – собственно, они его и задают, и удерживают, предоставляя людям вожденные цели. Эти «машины» по сути своей корпоративны, они, перерабатывая в своей механике импульсы человеческой воли, собирают и скрепляют разрозненных индивидов в коллективные тела, в устойчивые сообщества, ориентированные на какой-то узнаваемый образец. И апгрейд такой «машины» означает, что вместо уже изношенного, уставшего социального тела она продуцирует новое, такое, чтобы потоки желаний получали больше возможностей, чтобы разрастались и крепили за счет свежей социальной плоти. Однако в случае сегодняшней пандемии все обстоит по-другому.

Главная особенность здесь в том, что ответ на вызов требует не нового качественного уровня сплочения, не корпоративной синергии, а, совсем

напротив, – вызов требует разобщения и изоляции. Полонка «машины» взывает не к реконструкции корпоративного механизма, но к отказу от него в принципе. Источник ответа на вызов перенесен от социального тела к индивидуальному. В этой особенности заключена потенция того, что время наше может разродиться совершенно небывалым, до сих пор еще не известным нам типом революции сознания.

Человеку неожиданно представился случай использовать собственный, личный экзистенциальный запас для того, чтобы самому себе задать направление мысли. Чтобы, не дожидаясь авторитетного звонка, попробовать если не ответить, то хотя бы подойти к известным вопросам, которые некогда Иммануил Кант вытащил из самых глубин интеллектуальной интуиции: Кто я? Зачем я здесь? На что я могу надеяться?

По сути, наша ситуация, – это шанс еще раз повернуться к большим идеям Просвещения, которые усвоились нами не слишком полноценно. Да, мы хорошо прониклись темой «прав человека» и той политической формой общежития, которая эти права гарантирует, – демократией. Мы решили, что торжество демократии и есть окончательная победа Просветительского проекта. И при этом так увлеклись всевозможными видами «борьбы за права», что за бортом внимания оказался сам субъект этих прав – человек. Вернее, человек оказался распределен, разнесен по социально-правовым и политическим приложениям; он сделался элементом многочисленных и постоянно мутирующих практик «общественного договора».

Однако эти практики не особенно затрагивают его непосредственную, тайную природу, – точно так же, как и в самые не-просвещенные времена, человек имеет мало понятия о том, что делать со своей свободной волей. И точно так же пытается эту волю куда-то пристроить и кому-то сбить. Из проекта Просвещения оказался выключен, возможно, самый существенный его момент, опять же связанный с известным тезисом Канта: быть просвещенным человеком означает иметь мужество пользоваться собственным разумом.

Звучит безумно, но COVID-19 вполне может поставить нас на путь возвращения разума. Мы можем взглянуть на изоляцию как на принципиально новую историческую динамику, на революционную динамику, где главной активной силой становятся не массы, но атомы; не большие социальные тела, но индивиды. Революция атомов, которые собрались с мужеством мыслить себя самостоятельными существами, а не элементами коллективных тел.

Практика изоляции – это прямая возможность человека заглянуть в основания собственной, персональной судьбы и решить, в каком отношении ей стоит находиться с судьбами переживающих катастрофу «машин желаний».

Merging Different Cultures: The Concept of Uncertainty in Forensic Science

V. Causin

*Dipartimento di Scienze Chimiche, Università di Padova
Padova, Italy
valerio.causin@unipd.it*

Uncertainty is a fundamental issue in science. Even though some numerical statements are exact (e.g. “I have one sister”, or “there are 3 apples in my fruit basket”), all *measurements* have some degree of uncertainty that may come from a variety of sources.

Uncertainty analysis or error analysis is the process in which the uncertainty associated with a measurement is assessed. A measurement is not properly reported if it does not contain an estimate of the level of confidence associated with the result.

Properly reporting an experimental result along with its uncertainty allows other people to make judgments about the quality of the experiment, and it facilitates meaningful comparisons with other similar values or a theoretical prediction. Without an uncertainty estimate, it is impossible to answer the basic scientific question: “Does my result agree with a theoretical prediction or results from other experiments?” This question is fundamental for deciding if a scientific hypothesis is confirmed or refuted.

When we make a measurement, we generally assume that some exact or true value exists based on how we define what is being measured. While we may never know this true value exactly, we attempt to find this ideal quantity to the best of our ability with the time and resources available. As we make measurements by different methods, or even when making multiple measurements using the same method, we may obtain slightly different results. So how do we report our findings for our best estimate of this elusive true value? The most common way to show the range of values that we believe includes the true value is: measurement = best estimate \pm uncertainty (units).

Let’s take an example. Suppose you want to find the mass of a gold ring that you would like to sell to a friend. You do not want to jeopardize your friendship, so you want to get an accurate mass of the ring in order to charge a fair market price. By simply examining the ring in your hand, you estimate the mass to be between 10 and 20 grams, but this is not a very precise estimate. After some searching, you find an electronic balance that gives a mass reading of

17.43 grams. While this measurement is much more precise than the original estimate, how do you know that it is accurate, and how confident are you that this measurement represents the true value of the ring's mass? Since the digital display of the balance is limited to 2 decimal places, you could report the mass as $m = 17.43 \pm 0.01$ g. Suppose you use the same electronic balance and obtain several more readings: 17.46 g, 17.42 g, 17.44 g, so that the average mass appears to be in the range of 17.44 ± 0.02 g. By now you may feel confident that you know the mass of this ring to the nearest hundredth of a gram, but how do you know that the true value definitely lies between 17.43 g and 17.45 g? Since you want to be honest, you decide to use another balance that gives a reading of 17.22 g. This value is clearly below the range of values found on the first balance, and under normal circumstances, you might not care, but you want to be fair to your friend. So what do you do now?

Научное издание

НОВЫЕ ВЫЗОВЫ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

17–18 сентября 2020 г.

Редактор и оператор компьютерной верстки

И. А. Похорукова

Обложка Е. В. Неклюдовой

В оформлении обложки использована репродукция картины

К. Д. Фридриха «Странник над морем тумана», 1818 г.

Репродукция взята из открытых источников

Подписано в печать 29.10.2020

Формат 60x84/16. Уч.-изд. л. 8,25. Усл. печ. л. 7,6

Издательско-полиграфический центр НГУ

630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 2

ISBN 978-5-4437-1116-4

9 785443 711164